

ГЕРМАНСКИЙ
ФРАЦИЗМ
У ВЛАСТИ

Т 72
103

nr 22/w-37.4

T $\frac{72}{103}$

25636

811-38. A1

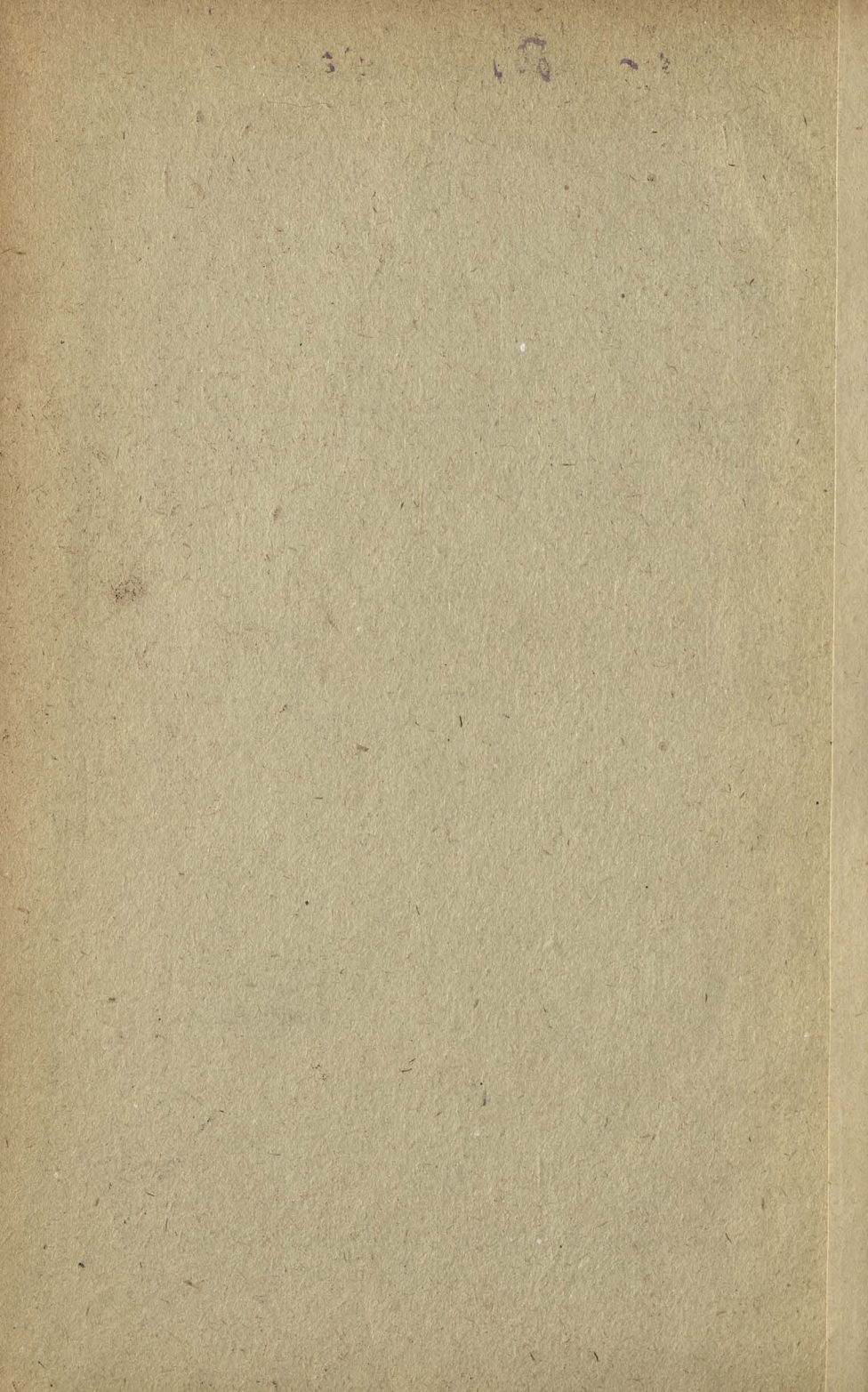
66

157

ЕРМАНСКИЙ
Ф А Ш И З М
У В Л А С Т И

огиз — соцэкгиз — 1934

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ АКАДЕМИЯ

Институт мирового хозяйства и мировой политики

72
103

Германский фашизм у власти

Под редакцией

Е. ВАРГА, Ф. ГЕНКЕРТА и Е. ХМЕЛЬНИЦКОЙ

Государственное социально-экономическое издательство

Москва • 1934 • Ленинград

Книга характеризует в сжатой форме террористическую диктатуру фашистского правительства в Германии, его экономические мероприятия, политику в рабочем, аграрном и военном вопросах, роль социал-демократии и борьбу компартии против фашизма.

35-21603

17.5512

Редактор *С. Розовский*

Технический редактор *Л. Кошутина*

Уполн. Главлита № Б-40338. Сдано в набор 14/VII 1934 г. Подписано к печати 27/X 1934 г. Формат 62×94/16. Печ. л. 11. Зн. в печ. л. 45400. Тираж 1.000 экз. Огиз № 1377 Заказ 3040.

17 ф-ка нац. книги ОГИЗ'а РСФСР треста «Полиграфкнига»
Москва, Шлюзовая наб., д. № 10.

Предисловие

Публикуемый сборник представляет собой коллективную работу Института мирового хозяйства и мировой политики, в которой принимали участие гг. Варга, Корн, Альбинеску, Кюршнер и Немо. В сборник включена кроме того опубликованная ранее статья т. Геккерта.

Институт, выпуская настоящую работу, преследует цель — дать советскому читателю в основных чертах картину политики гитлеровской диктатуры, — политики ограбления рабочего класса и трудящихся Германии в пользу финансовой олигархии.

Выпуск настоящей работы несколько задержался по техническим причинам и поэтому фактический материал, освещаемый в ней, доведен, примерно, лишь до апреля—мая 1934 г. Однако тенденции политики германского фашизма, которые установлены в настоящей работе, подтвердились последующим развитием событий. Заключительная статья т. Варга, написанная уже после событий 30 июня, дополняет новым материалом публикуемые в сборнике отдельные статьи по вопросам рабочей, аграрной, военной и экономической политики фашизма и дает общую характеристику современного экономического положения Германии.

Настоящую работу следует рассматривать лишь как первую попытку систематизировать в конкретной форме основные мероприятия гитлеровского правительства, характеризующие его как террористическую диктатуру монополистического капитала Германии.

Институт мирового хозяйства и мировой политики

БОРЬБА КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ ГЕРМАНИИ ПРОТИВ ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В начале марта 1934 г. союз иностранных журналистов в Германии устроил завтрак, на котором руководителя государственной тайной полиции (так называемого «Гестапо») Дильса попросили сообщить о деятельности «антигосударственных» элементов. Дильс сказал:

«Должен со всей откровенностью сознаться, что, можно сказать, изумительны те самопожертвование и героизм, с которыми германские коммунисты продолжают свою подпольную работу. Романтичность их деятельности можно сравнить разве только с романтичностью русских революционеров времен царизма. Я бы никогда не подумал, что наши немецкие коммунисты способны на что-нибудь подобное. Они превосходно овладели техникой подпольной работы, тайнописи, шифровки и т. п. Они располагают хорошо функционирующей службой связи, которая причиняет нам немало хлопот».

В месячном отчете государственной тайной полиции обстоятельному сообщению об активной деятельности коммунистической партии, о которой свидетельствуют многочисленные материалы, предпослано следующее введение:

«Если управление государственной тайной полиции за последние месяцы намеренно воздерживалось от опубликования в ежедневной печати материала о выступлениях против коммунизма, в особенности ввиду значительной активности реакционных кругов в области внутренней политики, то все же нет основания предаваться чрезмерному оптимизму и рассчитывать на значительное ослабление или даже полное прекращение международной деятельности коммунистов. По крайней мере поступившие донесения государственных полицейских органов не дают для этого повода».

По поводу донесений полицейских органов одного важного округа Западной Германии, сообщающих об ослаблении коммунистической деятельности на территории этого округа, в отчете говорится, что «это пожалуй слишком оптимистический взгляд». Ибо «Берлин, Западная Германия, а также Силезия и другие области наводнены коммунистическим агитационным материалом. Нелегальные материалы провозятся мзряками, железнодорожниками, путешествующими обывателями и в особенности курьерами,

причем литературу перевозят в товарных и пассажирских вагонах и даже используют ветры и воздушные течения, переправляя материал в бутылках с помощью детских воздушных шаров».

Год назад фашистские лидеры несколько преждевременно заявили, что им удалось «вырвать с корнем марксизм в Германии» и что «вскоре его и в помине не будет». Можно поверить, что им этого очень хотелось, недаром хозяева фашистских правительств поставили Гитлеру и его партии в качестве центральной задачи уничтожение коммунистической партии Германии как организующего революционного центра.

Теперь они должны открыто сознаться, что их желание находится в вопиющем противоречии с действительностью. Содрогающегося от страха перед коммунистами крупного и мелкого буржуа они призывают вооружиться терпением. Пусть он продолжает верить фашистским вождям, они-де еще справятся с коммунистами. Так, государственный тайный советник, национал-социалист Зоммерфельд в своей только что вышедшей книге «Коммуна» вздыхает: «Коммунисты распространяют свой нелегальный материал. Коммуна самыми утонченными способами маскирует его, и нам нелегко помешать его распространению».

Берлинский полицей-президент фон Левецов следующим образом высказывается в официальном документе:

«Было бы ошибкой думать, что международный марксизм побежден. Борьба только ушла глубже в подполье, и враг снова и снова пытается из подполья впрыснуть германскому народу яд разложения».

На собрании в Эссене прусский министр-президент генерал Геринг сделал следующее заявление:

«Пожар все еще продолжается, но он ушел в подполье. С нашей стороны было бы безумием закрывать глаза на этот факт. Но мы отдаем себе отчет в том, что одного кулака, одного насилия недостаточно для того, чтобы подавить коммунизм, нужно нечто более сильное, нечто возвышенное: доверие народа должно гарантировать нас от возвращения этой опасности. Поэтому мы хотим не только действовать средствами государства, как нам повелевает наш долг, мы хотим также сделать все, чтобы укрепить доверие народа и тем самым выбить почву из-под ног у большевизма».

Это конечно легче сказать, чем сделать. Не только массы рабочего класса, но и мелкие крестьяне и широчайшие слои мелкой буржуазии уже успели убедиться, что фашисты обещают одно, а делают другое. То, что они обещали крупным капиталистам и юнкерам, — вырезать ремни из кожи трудящихся, — они выполнили. Но обещания, которые они расточали трудящимся массам, воплотились в голод, адские мучения и свирепый террор. Уже теперь фашистские лидеры могут быть уверены, что столь необходимое им как гарантия от угрозы большевизма доверие народа не только не увеличится, а, наоборот, будет все более превращаться в глубочайшую ненависть к угнетателям. Позиции коммунизма в массах от этого не ослабеют, а укрепятся. Вопреки

тому, что было год назад, коммунистический агитатор в настоящее время не окружен тысячами добровольных шпионов и уже не боится действовать. Наоборот, теперь, невзирая на чудовищный террор и на угрозу смертной казни, коммунисты могут работать более открыто.

Видные фашистские руководители сами чувствуют, что, посадив за решетку 100 тыс. коммунистических функционеров, подвергая их пыткам и убивая отважнейших бойцов рабочего класса, фашизм не смог лишить коммунистическую партию возможности продолжать работу.

Начальник германской политической полиции и верховный руководитель так называемых защитных отрядов Химлер 27 января 1934 г. в циркулярном письме к полицейским властям заявил, что коммунистической партии удалось создать во всех округах новые руководящие органы, действующие более хитро и умело, чем прежние, арестованные. Совершенно в том же духе высказался и присяжный враль германского фашизма, министр пропаганды Геббельс, на фашистском массовом собрании в Гамбурге. Стало быть не удивительно, что, несмотря на еще многочисленные аресты коммунистов и на продолжающиеся убийства и пытки («особенно суровое отношение к рецидивистам» — так мягко названы эти зверства в упомянутом выше отчете государственной тайной полиции), фашистские властители все реже трубят о своих победах над марксизмом.

Стоившие фашизму колоссального напряжения сил прошлогодние массовые облавы, массовые обыски, рассчитанные на то, чтобы выловить коммунистических пропагандистов, оказались попыткой с негодными средствами. Несмотря на проведенную в июле 1933 г. в один день мобилизацию 1 млн. полицейских и штурмовиков, занявших все вокзалы, обыскивавших поезда, обнюхивавших камеры хранения багажа и ощупывавших всех пассажиров, — результат был равен нулю. Не дали никаких результатов подобные же меры, проведенные на всех шоссежных дорогах, когда обыскивались все автомобили — легковые и грузовые. Но зато эти меры навлекли на фашистов негодование широких масс, которых возмущали эти притеснения. Теперь фашисты установили строгий надзор над всеми типографиями, над всеми торговцами бумагой, над всеми фабриками, изготавливающими гектографы и т. п., над всеми местами, где таковые продаются или применяются. На границах с помощью таможенных чиновников, пограничной стражи, полиции и большого количества штурмовиков установлен «сплошной кордон», чтобы помешать проникновению в страну марксистской литературы. В первой половине марта фашисты предприняли «генеральное наступление» на водников Рейна и западных речных путей. Они заняли берега рек и каналов и обыскивали суда от палубы до трюма. Результат был опять-таки ничтожный. В полицейском донесении говорится, что при этой облаве был произведен 51 арест.

Совершенно ясно, что эти небывалые по своему объему мероприятия, направленные против революционеров, затрудняют ре-

волюционную деятельность. Тем не менее коммунистическая литература непрерывным потоком течет в города и деревни, а распространители газет и листовок все реже попадают в руки фашистских сыщиков. Особенно много коммунистических листовок и литературы было распространено 31 января, в годовщину гитлеровской диктатуры. Что происходило в этот день, видно из полицейского донесения (Фрейбург в Брейсгау):

«Во Фрейбурге, в Брейсгау, вчера вечером во время манифестации на Мюнстерской площади КПГ снова воспользовалась возможностью распространить прокламации с подстрекательским антигосударственным содержанием. Свойственная коммунистам маскировка лишила возможности задерживать злоумышленников».

Бешенство полицейских, не сумевших поймать ни одного из распространителей листовок, выразилось в том, что «в наказание они опять арестовали и посадили в концентрационный лагерь всех уже побывавших в нем, рассчитывая задержать их там, пока не явятся сами виновники». Полицейская «мудрость» вызвала такой энтузиазм у высших инстанций, что последние предписали распространить это мероприятие на всю империю.

В начале марта одна из среднегерманских окружных организаций КПГ сообщила Центральному комитету, что она получает слишком мало нелегальной литературы и не может удовлетворить имеющуюся потребность в ней. Организация пишет:

«За последнюю неделю были распространены 6 300 экземпляров «Rote Fahne», 900 экземпляров «Inprekor», 180 экземпляров «Kommunistische Internationale», 390 экземпляров «Weltfront», 100 экземпляров «Gewerkschaftskorrespondenz» и 195 различных брошюр. Расчет произведен почти на 100%. За январь и февраль сдано за литературу, 1 300 марок. Насколько известно, до сих пор ни один из распространителей литературы не был арестован».

Жалобы на то, что не хватает литературы для распространения, поступают из многих местностей, хотя за первые месяцы года выпуск нелегальной литературы необычайно усилился. Наряду с центральными и окружными органами партии тысячи ячеек выпускают районные, квартальные и заводские газеты (последних еще относительно мало ввиду слабости партийной организации на предприятиях). Берлинской полиции в своем донесении приходится признать, что в 20 берлинских районах выходят, кроме центрального органа «Rote Fahne» и берлинской «Rote Fahne», каждые две недели, каждую неделю, а в двух районах даже по два раза в неделю районные коммунистические газеты. Все они печатаются на гектографе, и тираж их составляет в зависимости от возможностей печатания и распространения от 300 до 2 тыс. экземпляров.

Наряду с распространением газет в последнее время усиливается распространение коммунистической литературы. Решения пленума ИККИ, речь Вильгельма Пика на XIII пленуме ИККИ о положении в Германии, речи Сталина и Мануильского на XVII съезде ВКП(б) и ряд других политических документов, например Ленина «О нелегальной работе», «Удержат ли большевики

власть», распространялись в Германии в замаскированной форме. Большой спрос имеется на теоретическую литературу, в особенности со стороны новых функционеров и с.-д. рабочих, пришедших в компартию и ведущих под ее руководством революционную работу. Особенно велик спрос на политический и теоретический материал в ячейках, выпускающих газеты и стремящихся улучшить содержание этих газет. По некоторым газетам низовых партийных органов отчетливо видно, как трудно было товарищам найти язык, нужный для того чтобы завоевать массы на сторону революционного фронта. Здесь зачастую добрая воля заменяет знания. Поэтому партии приходится прилагать величайшие усилия, чтобы снабдить необходимым материалом всех работоспособных и желающих работать товарищей, ибо из фашистских газет революционный рабочий, с каким бы искусством он ни читал между строк, не может почерпнуть необходимый информации.

Несколько месяцев назад на предприятиях, в трамваях, в автобусах, на улице, во всех местах скопления публики царило глухое молчание. Никто не смел разговаривать с соседом. Теперь положение изменилось. Теперь повсюду начинают устно агитировать. Коммунисты, а под их руководством многие другие рабочие, научились использовать все более проявляющиеся слабые места фашистской системы и углублять недовольство масс. В марте этого года «Frankfurter Zeitung» писала под заголовком «Чуждые элементы за работой»:

«Несколько дней тому назад 50 безработных, находящихся на иждивении органов обеспечения, должны были быть отправлены из Бремена в Верден. Но они отказались ехать и разошлись по домам. Разлагающие элементы, повинные в этом инциденте, прежде принадлежали к КПГ и РГО и всегда неблагоприятно отзывались о проделанной работе и о мнимо низкой оплате труда. Чтобы предотвратить подобные инциденты в будущем, пришлось арестовать трех зачинщиков».

В одном сообщении из Берлина говорится:

«На бирже труда юго-восточного района безработным предложили работу за 15—20 марок в неделю. Они отказались взять ее, заявив: «Мы без работы уже более двух лет, но лучше будем попрежнему голодать, чем продавать нашу рабочую силу за 20 марок и снижать зарплату».

«Frankfurter Zeitung» подчеркивает, что эти выступления являются в первую очередь результатом революционной деятельности коммунистов.

Устная агитация все чаще подкрепляется лозунгами на стенах домов, заборах, фабричных воротах, заводских трубах и т. п., даже на тротуарах. Написанный на видном месте лозунг привлекает внимание прохожих и вызывает более или менее оживленную дискуссию. Теперь уже нередко даже сугубо революционные лозунги в течение долгого времени остаются на трудно доступных местах, так как мало находится желающих уничтожить их.

Не подлежит сомнению, что компартия могла бы оказывать на массы более сильное влияние, могла бы добиться еще большей активности масс, если бы партийные кадры не были так ослаблены многочисленными арестами. Это не означает, что партия лишилась своих организаций на обширных территориях, что парторганизаций более не существует. Уже само распространение коммунистической литературы во всех частях империи, во всех мало-мальски крупных городах свидетельствует о том, что не может быть и речи о разгроме организации. Но новые члены партии, заполнившие брешь, пробитую в коммунистических рядах, разумеется еще не обладают таким солидным политическим опытом и теоретической подготовкой, какими отличались старые кадры. Им приходится непрерывно учиться гибко реагировать на репрессивные мероприятия врага, строить организацию таким образом, чтобы она всегда функционировала и чтобы ее нельзя было на долгое время парализовать. Частая перестройка окружных и низовых парторганизаций является в полном смысле слова предпосылкой безопасности партии. Компартия до сих пор, вопреки всем преследованиям, сумела остаться массовой партией, и теперь ей удается все лучше и лучше приравниваться к новым условиям нелегальной борьбы. Это достаточно наглядно видно из фашистских газет и из полицейских донесений. Так «Völkischer Beobachter» пишет о работе компартии:

«В Пирмазенсе и во всем прилегающем районе массами распространяются нелегальные коммунистические газеты. Дело дошло до образования коммунистических боевых ячеек, продававших марки для своего боевого фонда всем членам партии и даже другим слоям населения».

Тюрингенское управление государственной тайной полиции в Веймаре «снова констатирует», что «КПП в Тюрингии создала нелегальные организации» и почти во всех местностях работают функционеры КПП, которые не только поддерживают запрещенные организации, но и вербуют новых членов. В одной из последних инструкций управления государственной тайной полиции даются директивы о борьбе против КПП. В ней говорится:

«Центр тяжести полицейских мероприятий должен быть перенесен в область преследования нелегальных кадров коммунистических организаций и надзора над рабочими — коммунистами на предприятиях».

Созданные в процессе борьбы новые кадры компартии неплохо выполняют свою задачу. Недаром «Völkischer Beobachter» пишет:

«Главная деятельность политической полиции попрежнему заострена против коммунистических организаций, продолжающих борьбу с нами и после ухода в подполье. Коммунисты несомненно выдвинули новый слой нелегальных руководителей, действующих весьма осторожно и очень умело».

Благодаря неустанной самоотверженной работе коммунистов создан перелом также и в настроениях промышленных рабочих. У рабочих повсеместно наблюдается быстрый рост воли к сопро-

тивлению, к борьбе. Поэтому ЦК КПГ с полным основанием говорит о «начинающемся революционном подъеме массового движения». Фашистские власти содрогаются при мысли об этой перспективе. Поэтому они из предосторожности наметили уже целый ряд мероприятий, рассчитанных на то, чтобы сделать невозможными организацию стачечной волны и ее расширение. Поэтому же фашисты распустили «завоеванные» ими профсоюзы, переведя их в так называемый «трудовой фронт» — организацию, во главе которой стоят предприниматели, имеющие возможность таким образом контролировать всех своих рабочих и служащих. Этот новый метод совместной организации предпринимателей и рабочих фашисты называют «связью вождей со своими последователями». Под вождем они понимают предпринимателя, а под последователями — занятых на его предприятиях рабочих и служащих. Профсоюзные организации были распущены, потому что в них рабочие были организованы как класс. «Ликвидация классовой борьбы национал-социализмом, — говорят фашисты, — делает излишними и классовые организации рабочих».

Первого мая вступил в силу закон «о порядке национального труда»; на основе этого закона будут впредь регулироваться и условия труда. Вопросы такого рода будут разрешаться уже не путем переговоров между организациями предпринимателей и рабочими организациями, — которые, как известно, ликвидированы, — а через посредство так называемых попечителей труда, назначенных высшим фашистским руководством и по своему усмотрению устанавливающих условия труда для отдельных категорий рабочих и даже для отдельных рабочих, если они не могут непосредственно договориться с предпринимателем. В других случаях решает сам предприниматель. С момента вступления в силу закона «о порядке национального труда» фашисты предполагали покончить со всеми тарифными договорами. Предприниматели требовали этого уже давно и с нетерпением ждали истечения срока действия договоров. Однако в начале апреля имперское правительство вынуждено было заявить о продлении нынешних тарифов до 30 июля или до того дня, когда вопрос будет окончательно урегулирован. Внести этот корректив в закон «о порядке национального труда» фашистские власти были вынуждены ввиду тех настроений, которые овладели рабочими на предприятиях. Дело в том, что предприниматели уже на протяжении ряда недель лишены были возможности увольнять рабочих или снижать им зарплату. Почти на каждую такую попытку рабочие отвечали угрозой стачки, несмотря на то, что забастовки строго запрещены; фашисты просчитались в своем намерении через свои заводские организации, так называемые НСБО, прибрать рабочих к рукам.

Вот несколько примеров, характеризующих положение.

На фабрике электроламп «Осрам» в Берлине было объявлено о предстоящем 8% снижении зарплаты. Это извещение вызвало горячую дискуссию. Одна из работниц у конвейера заявила:

«Лучше уж вовсе бросить работу». Через минуту все конвейеры стояли. Снижение зарплаты провести не удалось.

15 марта в Руссельгейме вспыхнула стачка в прессовом цехе крупного автомобильного завода «Опель». Стачка тотчас же охватила 1 500 рабочих. Причина ее: фирма в течение четырех месяцев не рассчитывалась с рабочими за аккордную выработку. Кроме этого рабочие заодно выдвинули и требование повышения зарплаты на 10%. Стачка в прессовом цехе всколыхнула весь завод, и фирма принуждена была пообещать рабочим произвести расчет. По окончании стачки на завод явилась полиция для выявления зачинщиков забастовки. Но рабочие не пустили полицейских на территорию завода. Попытка арестовать инициаторов забастовки потерпела крах, разбилась о солидарность всех рабочих.

В конце января забастовкой был охвачен крупнейший германский концерн Круппа в Эссене. Рабочие литейной № 4 объявили забастовку, в связи с тем что администрация собиралась отчислить из зарплаты так называемое обязательное пожертвование на нужды «зимней помощи». Забастовка произвела колоссальное впечатление на всех рабочих Круппа, и спустя несколько недель рабочие машинного цеха в свою очередь забастовали по той же причине.

На крупновской электростанции мастер, национал-социалист, как-то пригрозил одному из рабочих. Весь персонал тотчас же встал на сторону рабочего, потребовал удаления мастера, угрожая в противном случае прекращением работы. Национал-социалистского мастера пришлось уволить. Уволен был и «виновник инцидента», рабочих. Тем не менее он еще раз пришел на завод, произнес краткую речь перед рабочими, и хотя он говорил об обездоленности рабочих в гитлеровской Германии, он не был арестован. В связи с этим стачечным наступлением коммунисты смогли приобрести новых работников партии в целом ряде цехов крупновского завода и организовать там широкий аппарат уполномоченных.

Уже в начале апреля стачечные выступления у Круппа повторились.

На значительном числе берлинских заводов имели место выступления и стачки протеста против предполагавшегося сокращения рабочего времени с 40 до 32 часов без выравнивания зарплаты. Во многих случаях предпринимателям пришлось отказаться от этой затеи.

На одной крупной берлинской прядильне рабочие требовали повышения зарплаты. Член завкома, состоявший в национал-социалистской заводской организации (НСБО), не захотел отстаивать этого требования перед администрацией и ушел со своего поста. Рабочие тотчас же избрали на его место члена завкома из своей среды.

На текстильной фабрике Бутта в Вуппертале представитель рабочих в завкоме вел себя как преданный лакей предпринимателя. Рабочие потребовали его смещения. Под их нажимом «тру-

довой фронт» был вынужден созвать заводское собрание, и на нем рабочие сместили этого члена завкома и выбрали другого.

На машиностроительном заводе Нейдига в Маннгейме была объявлена стачка, в связи с тем что предприниматель, ссылаясь на новый закон о труде, захотел снизить заработную плату. В результате стачки дирекция завода была принуждена отказаться от сокращения зарплаты. После нескольких заводских собраний по той же причине прекратили работу рабочие рейнско-вестфальских известковообжигательных заводов близ Дортмунда.

На тормозный завод Кноррбремзе в Берлине было нанято четверо рабочих по ставкам ниже тарифных. Рабочие потребовали выдачи новичкам полной тарифной зарплаты, увидев в этом маневре посягательство на принцип тарифной зарплаты вообще. Дирекция вначале отвергла было требования рабочих, но, после того как последние в течение нескольких часов проводили итальянскую забастовку, фирма была вынуждена уплатить новым рабочим по полной тарифной ставке.

На одной текстильной фабрике хотели заставить работниц обслуживать по три и четыре флейера вместо прежних двух. Работницы под руководством коммунистической ячейки оказали дружное сопротивление этому мероприятию. Была распространена листовка, вызвавшая на фабрике оживленную дискуссию. Воля работниц к сопротивлению была так велика, что дирекции пришлось отказаться от той рационализаторской меры, которая была применена в отношении флейерщиц.

На фабрике фирмы Петер Грассман в Берлине намечалось увольнение 50 работниц. Ячейка распространила листовку, в которой грозила стачкой, и работницы уволены не были. Почти все забастовки и выступления протеста, организованные рабочими на предприятиях, оканчивались победой рабочих. Попечители труда сообщают из различных провинций о том, что «рабочими овладевает беспокойство ввиду усиления коммунистической работы на предприятиях».

Эта революционная деятельность на производстве сильно тревожит национал-социалистскую заводскую организацию (НСБО). Вся колоссальная система шпионажа национал-социалистской партии используется для борьбы против нелегальных заводских газет. Но фашисты ничего не могут поделать. Бюро печати «германского трудового фронта» сообщает, что оно «обдумывает вопрос, какие методы были бы наиболее действенными для борьбы с этими явлениями».

При наличии глубокого возбуждения рабочих на крупных предприятиях фашистское министерство пропаганды вынуждено развернуть грандиозную успокоительную кампанию среди заводских рабочих. Почти все фашистские газеты помещали на протяжении недель статьи, озаглавленные «Никакого снижения зарплаты». Последний номер прекратившей уже свое существование «Vossische Zeitung» содержит статью, озаглавленную «Никакого снижения тарифных ставок». Управление государственной тайной полиции сообщает, что такие крупные предприятия, как

концерн И. Г. Фарбен, завод Лейна, АЭГ, Сименс и Гальске и др., находятся под особым наблюдением соответствующих органов государственной полиции, и указывает, что задача каждого полицейского органа — быть в курсе нелегальных «козней», наблюдаемых на том или другом предприятии. Центр тяжести полицейских мероприятий сейчас вообще перенесен в область «постоянного надзора за нелегальной коммунистической работой на предприятиях наряду с преследованием нелегальных кадров и попыток установления пролетарского единого фронта».

Вообще революционный единый фронт повидимому причиняет фашистам особое беспокойство. В упомянутом уже донесении государственной тайной полиции по этому поводу говорится: «Представляется однако особенно целесообразным следить за всем, имеющим отношение к движению единого фронта». Сажая в тюрьмы организаторов движения единого фронта, национал-социалисты рассчитывают лишить коммунистов важнейшего орудия свержения фашистской диктатуры. Между тем за последние несколько месяцев возможности установления единого фронта в колоссальной степени увеличились. Возмущение рабочих направлено против гитлеровского закона о закабалении рабочих (закон «О порядке национального труда»). Рабочие все отчетливее сознают, что в революционном едином фронте они приобретают единственное оружие успешной борьбы против гитлеровщины. Тяга рабочих к единому фронту необычайно сильна, и коммунистам все чаще удается привлекать на свою сторону бывших социал-демократических и католических рабочих и втягивать их в общую с коммунистическими рабочими борьбу.

Вот пример. В одном городе коммунисты установили связь с несколькими более или менее крупными социал-демократическими организациями и с группами бывших социал-демократических рабочих. Коммунисты беседовали с ними о необходимости единого фронта и условились о совместном выступлении, выражающемся в:

- 1) распространении коммунистических газет и сборе денег в боевой фонд;
- 2) объединении всех классово сознательных рабочих на предприятиях в боевые комитеты и защитные отряды;
- 3) организации оппозиционных членов союза и оказания поддержки РГО;
- 4) борьбе за освобождение т. Тельмана и всех заключенных антифашистов и оказания поддержки МОПР.

А вот пример, показывающий, как коммунистическая ячейка на заводе конкретно установила единый фронт.

На одном военнопромышленном предприятии с 500 рабочими администрация собиралась прекратить оплату простоев при аккордной работе. Возмущение рабочих, вызванное этим намерением, было столь сильно, что член завкома, национал-социалист, под натиском масс принужден был согласиться на созыв заводского собрания. Несколько рабочих, встреченных аплодисментами, выступало на собрании против национал-социалистского члена зав-

кома, отстаивавшего предложение фирмы. Была выбрана комиссия для ведения переговоров с администрацией. Комиссия категорически потребовала оплаты простоев. Во избежание стачки требование было удовлетворено. В результате успешного отпора, оказанного снижению зарплаты, удалось ускоренным темпом создать нелегальную организацию революционных уполномоченных.

Еще один случай. Национал-социалистский мастер во время работы избил молодого рабочего. Ячейка выдвинула во всех цехах предложение избрать своих делегатов в комитет защиты для расследования этого инцидента. Почти все цехи выделили представителей в этот комитет, который в полном составе неожиданно явился к дирекции и потребовал увольнения мастера. Когда по вызову дирекции на завод явилась тайная полиция и попыталась арестовать двоих рабочих, все рабочие единодушно пригрозили директору стачкой. Такая боевая готовность заставила тайную полицию выпустить арестованных.

Хотя мы из этих примеров видим, что установление единого фронта стало уже сравнительно легкой задачей, нельзя все-таки не указать, что наличие сектантских тенденций в рядах коммунистических рабочих создает препятствия к установлению единого фронта. Эти сектантские тенденции выражаются в недооценке значения социал-демократических и католических рабочих. Эти тенденции тормозят также работу партии в массовых фашистских организациях, как то: «трудовой фронт», отряды обороны, спортивные организации, «гитлеровская молодежь». Туда насильно были загнаны широкие слои рабочих, и поэтому эти организации отнюдь не являются прочной базой фашистского аппарата насилия.

В последнее время революционная молодежь под руководством комсомола играет все более заметную роль в выступлениях протеста и в стачечных боях. Юношеская организация особенно сильно пострадала от фашистского террора, и сектантские тенденции держались в ней особенно прочно. Это было результатом работы старого руководства, принадлежавшего к фракции Неймана-Реммеле. Стоило большого труда добиться в юношеской организации преодоления этой пагубной установки. Но в последнее время все чаще поступают сообщения о росте активности революционной молодежи. Особенно много выступлений организуют комсомольские группы в лагерях трудповинности. В Нижнерейнской области активность молодежи особенно усилилась.

1 800 обитателей трудового лагеря Лаусвахт-Дюссельдорф хотели устроить демонстрацию перед зданием ратуши, чтобы заявить протест против удлинения рабочей недели с 32 до 40 часов при сохранении прежнего пособия по безработице. Демонстрантов, находившихся уже на пути в Дюссельдорф, перехватили и пообещали молодежи месячную прибавку в форме пайка стоимостью в 25 марок. Однако на деле вместо обещанной прибавки с них еще вычли по 2 марки 50 пфеннигов. Тогда они прекратили работу. Вмешалась полиция. Избитые подростки были отвезены

на грузовых автомобилях к месту работы. Но так как возмущение все усиливалось, трудовой лагерь был ликвидирован.

«Вызванные коммунистами волнения» (борьба против плохого питания) имели место в трудовых лагерях Бернихен и Флеха, близ Хемница. Оба лагеря также были распущены. То же самое произошло и в трудовом лагере Лоршейд. Там разразилась забастовка, вызванная избиением подростка.

Баварские власти в марте этого года сообщали, что более трех тысяч молодых рабочих отказалось выехать в деревню, за что они были лишены пособия. Многих молодых рабочих и в особенности работниц «пришлось» послать на принудительные работы. В крупной типографии фирмы Ветцель и Нейман в Лейпциге молодые работницы отказались приобрести форменное платье трудфронта и вступить в организацию «гитлеровской молодежи». На собрании молодых рабочих полиграфической промышленности в Лейпциге имели место резкие демонстративные выступления против фашистского оратора, пытавшегося было преподнести молодым рабочим в заманчивой форме новый закон о труде. Рабочая молодежь свистками и топаньем устроила такую обстановку, что собрание было закрыто.

Молодые товарищи еще не наладили систематической работы. Они еще не научились координировать, углублять выступления и закреплять завоеванные позиции. К тому же и политика единого фронта у них еще слаба, хотя имеются большие возможности сотрудничества с оппозиционными членами бывшей социал-демократической организации молодежи.

Систематическое ухудшение условий жизни рабочего класса (сами фашисты вынуждены признать, что рабочие еще никогда не получали столь низкой зарплаты, как теперь, — см. речь Гитлера) и неуклонно усугубляющиеся притеснения в форме обысков, арестов, избиений, разгрома рабочих организаций, вымогательства денег в пользу фашистских организаций и в особенности роспуск профсоюзов, — все это породило в массах организованных рабочих небывалое раздражение. Здесь имеются величайшие возможности в смысле организационного охвата широких рабочих масс и их объединения в независимые классовые профсоюзы, которые могут стать важнейшим рычагом для подготовки и проведения массовых боев против фашистской системы. Этот шанс коммунистические рабочие не используют, хотя партия и руководство революционной профопозиции неоднократно к этому призывали.

Нелюбовь к профсоюзной работе, которая осталась у части коммунистических рабочих еще со времени создания германской компартии, сказывается и по сей день. Партии приходится прилагать величайшие усилия к преодолению индифферентности в отношении этой важной работы, — индифферентности, которая сейчас буквально преступна, ибо она облегчает противнику его надувательские и террористические маневры. Члены партии должны наконец научиться использовать малейшую возможность проведения революционной работы в пролетарских массах, ис-

пользовать малейшую возможность организационного охвата этих масс, их воспитания в ленинском духе. От преодоления указанного зла в значительной степени зависит, как скоро коммунистам удастся завоевать большинство рабочих на сторону революционного свержения фашизма.

Оппозиционные настроения охватывают уже далеко не одних только бывших приверженцев социал-демократии. Это весьма наглядно выявилося в связи с церковным конфликтом. Католические рабочие, мелкие крестьяне и широкие массы мелкой буржуазии в этом конфликте выразили свое недовольство гитлеровской системой. В ряде местностей посетители церквей бунтовали против фашизма. Католические и лютеранские «князья церкви» оказались вынужденными высказаться за эту оппозицию в своих проповедях. Разумеется, они своими «радикальными» фразами стараются выбить почву из-под ног оппозиции, лишить ее экономического и политического характера и выхолостить движение. Это дает компартии возможность, выпятив истинное содержание оппозиции, разоблачить поповское мошенничество и мобилизовать оппозиционные массы на реальную борьбу против фашизма.

Эта оппозиция, охватывающая широкие слои крестьянской бедноты и мелкой буржуазии, способствует разложению фашистского лагеря. Она дает коммунистам возможность проникать в фашистские организации, толкать вперед имеющиеся там оппозиционные элементы, вскрывать в их глазах контрреволюционный характер фашизма и побуждать их к непосредственным выступлениям против фашистских лидеров. В печать все чаще проникают сведения о разложении и бунтах в отрядах штурмовиков. Государственная тайная полиция возмущается «дерзостью» коммунистов, осмеливающихся среди бела дня на улице раздавать штурмовикам «разлагающую» коммунистическую литературу. Мало того, очень часто штурмовики безучастно наблюдают, как коммунисты расписывают стены домов «бунтарскими» лозунгами.

В сборочном цеху тренговского завода АЭГ произошел инцидент, который характеризует прогрессирующее разложение национал-социалистических штурмовых отрядов. В уборных в течение ряда недель происходили возбужденные дискуссии между штурмовиками о политической линии их партии, нередко угрожавшие вылиться в форменную драку. Каждый день на стенах появлялись лозунги: «КПГ жива!», «Штурмовые отряды остаются красными!» и т. п. 10 февраля на завод явились чиновники тайной полиции. Были арестованы четыре штурмовика, якобы зачинщики всех этих дискуссий. Арестованных 25 раз заставили расписаться, чтобы установить их почерк. В конце концов за отсутствием улик они были освобождены. Спустя несколько дней эти четыре штурмовика были уволены с завода «за ненадобностью». Но дискуссии в уборных не прекращались.

На протяжении последних трех месяцев минувшего года из штурмовых отрядов были выброшены и частью посажены в

тюрьму или заключены в концентрационные лагеря 25 тыс. пролетариев-штурмовиков, которых обвиняли в неповиновении начальству, в распространении ложных слухов и в открытых бунтовщических выступлениях. Фашистские вожаки уже начинают сомневаться в стойкости своей штурмовой гвардии, когда дело доходит до столкновения с пролетарскими массами¹. Гейбельс выразил эти опасения в речи, произнесенной в Гамбурге. Он сказал:

«Мы отдаем себе полный отчет в том, что если опять коса найдет на камень, то многие и очень многие забьются в кусты... Главным врагом, угрожающим власти фашизма, является марксизм, проникший в ряды национал-социалистической партии».

Опасения фашистов вполне понятны, ибо фашисты видят, что на массовые собрания, организуемые ими для того, «чтобы рабочие могли выразить свой энтузиазм» по поводу закона «о порядке национального труда», является, как например в Лихтенберге, вместо 10 тыс. приглашенных рабочих менее 300, а в Кепенике вместо 5 тыс. менее полусотни.

Миновали уже те дни, когда фашисты могли произносить свои высокопарные, торжественные речи перед сотнями тысяч рабочих, обманутых их посулами.

Миновали уже те дни, когда фашисты могли заявлять своим последователям и всему миру, что «марксизм в Германии вырван с корнем». Рабочие уже не отступают. Под руководством коммунистической партии они сплачиваются, организуют сопротивление, готовятся к контратаке. Правда, фашистская власть еще держится на устоях своего аппарата насилия, и много еще нужно усилий, чтобы подточить эти устои и подготовить их крушение.

Неустанная работа германской компартии, неслыханная самоотверженность ее революционных бойцов показали разочарованным в фашизме массам, что коммунисты обладают способностью давать отпор даже самым грандиозным атакам, что они способны подготовить генеральное наступление на фашистскую власть. Твердо и непоколебимо постановив в скором времени дать решающий бой фашизму, коммунистическая партия снова обращается к трудящейся Германии с программой социального и национального освобождения. В этой программе она ясно и недвусмысленно ставит альтернативу: либо погибнуть с фашистами, либо победить с коммунистами. И она зовет массы в бой могучим кличем Октябрьской революции:

Вся власть Советам!

---

¹ Эти строки были написаны в начале 1934 г., т. е. задолго до событий 30 июня, полностью подтвердивших правильность этого анализа. См. также заключительную главу этой книги.

ПОЧЕМУ ФАШИЗМ СУМЕЛ ПРИТТИ К ВЛАСТИ?

Развитие кризиса в Германии

Германия относится к числу капиталистических стран, наиболее глубоко пораженных кризисом. Капиталистические противоречия в Германии наиболее обострены не только в результате мирового экономического кризиса, но и вследствие особых условий, в которые был поставлен германский капитализм Версальской системой.

Потеря значительных территорий старой империи, всех колоний и иностранных вложений означала чувствительную потерю материальных резервов. Версаль возложил на Германию уплату огромной контрибуции — в среднем 2 млрд. марок в год.

Последующая замена контрибуции огромной иностранной «государственной» и частной задолженностью иностранным конкурентам по чрезмерно высоким процентам не могла не привести к присвоению значительной части накоплений германских капиталов их международными конкурентами.

В борьбе за свое восстановление германский капитализм добился чудовищного усиления нормы эксплуатации.

Это удалось ему благодаря активной помощи социал-демократии, которая разоружила революционный пролетариат, дезорганизовала его классовую борьбу и провела на службе у своей буржуазии внешнеполитическую линию выполнения Версальского договора как политической предпосылки к получению 25,5 млрд. марок иностранных кредитов (по данным на конец 1930 г.).

Однако основой, на которой германская буржуазия строила свою относительную стабилизацию, были не только эти миллиарды из-за границы, но прежде всего усиленная эксплуатация рабочего класса и средних классов путем инфляции и отмены восьмичасового рабочего дня.

Отмена восьмичасового рабочего дня и рационализация были обеспечены активнейшей деятельностью социал-демократической бюрократии в государственном аппарате, партии и профсоюзах и идеологическим влиянием реформизма в германской компартии, которое привело к октябрьскому поражению 1923 г. На этой основе германская буржуазия провела техническую, ор-

ганизационную и финансовую реконструкцию своего аппарата эксплуатации и значительно повысила норму эксплуатации.

Разбуханию промышленного производственного аппарата с самого начала противостояло резкое сокращение покупательной способности вследствие:

1) Чрезвычайно резкого падения уровня заработной платы при максимальном увеличении производительности труда;

2) постоянной безработицы, возросшей вследствие рационализации до 1,5 млн. человек;

3) ограбления рабочего класса и средних слоев путем инфляции;

4) аграрного кризиса, обострившегося вследствие падения покупательной способности масс;

5) значительного роста налогов и сборов;

6) монопольно высоких цен и протекционистских пошлин, значительно снизивших реальный доход трудящихся масс.

Огромное давление версальских платежей и национальное угнетение создали широкую базу для шовинистической волны.

Эти особенности развития германского послевоенного капитализма чрезвычайно обострили воздействие начавшегося в 1929 г. мирового экономического кризиса. Германское хозяйство располагало незначительными материальными резервами и было обременено внешней задолженностью. У рабочего класса и средних слоев не было сколько-нибудь значительных сбережений; падение доходов должно было вызвать непосредственное резкое падение потребления. Число безработных еще до кризиса достигало 1½ млн. человек. Одновременно в деревне свирепствовал аграрный кризис. Он непрерывно обострялся огромным ростом массовой безработицы, быстрым снижением заработной платы, падением доходов городских средних слоев при сохранении на прежнем высоком уровне монопольных цен и при сверхвысоких налогах, процентах и арендной плате.

Финансовый капитал всеми средствами стремится переложить последствия кризиса на широкие массы и сохранить свои прибыли. Удержание цен на средства производства на высоком уровне тем тяжелее отзывалось на монополистических отраслях промышленности, чем в большей степени падающие рыночные цены на предметы широкого потребления затрудняли переложение монопольной дани на потребителей. Вместе с продолжающимся повышением пошлин это приводило к дальнейшему сокращению потребления и к невиданному до сих пор обострению диспропорции между производственной мощностью и покупательной способностью. Чрезвычайное сжатие сначала внутреннего рынка, а затем и экспорта вызвало омертвление огромных масс капитала.

Использование производственной мощности всей промышленности упало уже в 1931 г. до 45%, а в производстве средств производства — даже до 40%. Если из 1 млрд. капитала только 400 млн. реально функционируют в качестве капитала, то даже очень высокая монопольная прибыль в значительной части поглощается издержками загнивания вследствие недогрузки про-

изводственного аппарата. Отсюда особая острота кредитного кризиса, разразившегося в 1931 г. Это означало вторжение кризиса в святая святых финансового капитала. Уже в период относительной стабилизации монополистический капитал широко использовал свой государственный аппарат для восстановления конкурентоспособности на мировом рынке за счет немонополистических слоев собственного класса и прежде всего за счет пролетариата (путем торговой и таможенной политики, налоговой политики, путем получения миллиардных сумм из государственных касс в качестве субсидий и гарантий). Когда разразился кредитный кризис, был сделан еще шаг вперед: государство приняло на себя долги крупных банков и гарантировало их уплату. Возможности выжимания налогов из трудящихся масс были без остатка использованы для сохранения собственности финансовой олигархии и крупного землевладения. Буржуазия все в большей степени дополняла «частный» механизм эксплуатации государственным вмешательством в распределение. Налоги и пошлины все тяжелее давили на трудящиеся массы; расходы на социальную политику и культурное обслуживание широких масс все сокращались, а средства, выжатые государством, все в большей степени попадали непосредственно на текущие счета финансовой олигархии и помещиков. Социал-демократия и здесь сыграла роль застрельщика. Первая волна государственных субсидий поднялась именно при социал-демократическом министре финансов Гильфердинге. Именно в его финансовой программе было впервые предложено ввести в общинах «негритянский налог», т. е. всеобщий налог на душу населения, независимо от размера доходов облагаемого. Гильфердинг связал этот налог с налогами на собственность, для того чтобы принудить «расточительные красные муниципалитеты» к снижению расходов, закрывая им возможность получения средств от налогов на имущие слои и заставляя прибегать к налоговому обложению «собственных избирателей».

Именно социал-демократия во имя «марксизма» терпела деятельность правительств Брюнинга, Папена и Шлейхера под лозунгом политики «меньшего зла», и этим содействовала ухудшению положения рабочих, служащих, чиновников, мелких крестьян, ремесленников и мелких промышленников.

К резкому сужению внутреннего рынка после кредитного кризиса 1931 г. присоединилось продолжающееся сжатие внешних рынков. Под предлогом сохранения платежеспособности проводились автаркические мероприятия. В ответ на это по германской внешней торговле ударила волна международных контрмер. Экспорт с угрожающей быстротой упал с 13,5 млрд. в 1929 г. до 12 млрд. в 1930 г., 9,6 млрд. в 1931 г. и 5,7 млрд. в 1932 г. Активность торгового баланса упала с 2,9 млрд. в 1931 г. до 1,1 млрд. в 1932 г.

Производство снова сократилось и упало в 1932 г. до рекордно низкого уровня.

Производственный аппарат промышленности оставался на 65%

неиспользованным. В том числе в производстве средств производства аппарат был использован на 30%, в производстве средств потребления — на 40%.

Больше 9 млн. рабочих и служащих оказалось выброшенными из производства. 3 млн. работали неполную рабочую неделю. Больше половины промышленного пролетариата было выброшено на улицу.

Аграрный кризис разорял крестьянство и его тяжесть усиливалась зерновыми пошлинами и субвенциями крупным помещикам (Остхильфе), которые выдавались за счет трудящегося крестьянства. Городские средние слои разорялись в результате сильного сокращения потребления. Кризис сильно распатал все германское хозяйство.

Социальная структура Германии

Буржуазная статистика дает чрезвычайно неполные сведения о социальной структуре Германии, и эти цифры приходится дополнять данными производственной переписи. Результаты переписи 1933 г. еще не опубликованы. Это вынуждает пользоваться цифрами 1925 г. В круглых цифрах получается следующая картина (в млн. чел.):

	Самодельные	Члены семьи	В том числе относятся					
			к пролетариату		к средним слоям		к буржуазии	
			самодельные	члены семьи	самодельные	члены семьи	самодельные	члены семьи
Рабочие	14,4	26,6	14,4	26,6	—	—	—	—
Служащие и чиновники	5,3	10,2	2,0	3,9	3,0	5,9	0,3	0,4
Кустари	0,3	0,5	0,3	0,5	—	—	—	—
Домашняя прислуга	1,3	1,4	0,7	0,8	0,6	0,6	—	—
Без профессии (социальные и военные пенсионеры и рантье)	3,8	5,7	3,0	4,7	0,6	0,8	0,2	0,2
Самостоятельные (без кустарей)	5,2	12,5	—	—	4,8	11,6	0,7	0,9
Работающие члены семьи	5,4	5,6	—	—	5,2	5,4	0,2	0,2
Итого	35,7	62,5	20,4	36,5	14,2	24,3	1,4	1,7

Состав пролетариата следующий:

Пролетариат

- а) 12,2 млн. рабочих в промышленности, ремеслах и на транспорте
- б) 2,2 „ сельскохозяйственных рабочих

в)	2,0	млн. низших служащих и чиновников на железных дорогах, почте, телеграфе и т. д.
г)	0,3	„ кустарей
д)	0,7	„ домашней прислуги
е)	3,0	„ социальных и военных пенсионеров, инвалидов и т. д.

Итого . . . 20,4 млн.

Ядро германского пролетариата состоит из 9—10 млн. группы а и из 1—2 млн. групп б и в, в общей сложности около 10—12 млн.

Рабочие группы а, б, в и г, работающие в предприятиях с числом рабочих не свыше одного или в предприятиях без наемного труда (труд членов семьи), составляют около 5—7 млн. человек.

Пенсионеров, потерявших всякую связь с производством, насчитывается в круглых цифрах 3 млн. человек.

Средние слои

При учете данных производственной переписи, в которых содержится конечно большое количество двойных подсчетов, можно приблизительно установить следующий состав средних слоев:

а)	около 1,8	млн. мелких крестьян
б)	„ 0,7	„ средних крестьян
в)	„ 0,2	„ кулаков
г)	„ 1,2	„ ремесленников
д)	„ 0,5	„ торговцев
е)	„ 0,2	„ трактирщиков
ж)	„ 0,2	„ лиц свободных профессий (учителя, врачи, юристы, художники, писатели и т. д., не находящиеся на службе)

Группы а—г, вместе взятые, дают 4,8 млн. лиц самостоятельного труда.

Дальше идут:

з)	около 5,2	млн. работающих членов семьи, по большей части жены и дети лиц самостоятельного труда из групп а—г
и)	„ 0,6	„ домашней прислуги из семей крестьян и ремесленников
к)	„ 3,0	„ чиновников и служащих
л)	„ 0,6	„ рантье

Итого 14,2 млн.

Дифференциация конечно значительно резче, чем это вытекает из вышеприведенных цифр.

Различные формы переплетения рабочих со средними слоями также не отражаются в этих цифрах.

Безработица с наибольшей силой ударила по основным слоям германского рабочего класса — рабочим крупной промышленности. Еще до начала мирового экономического кризиса именно из этих слоев рекрутировался главный контингент имевшихся 1,5 млн. безработных. Прочие категории рабочих были относительно менее затронуты безработицей. То же относится и к с.-х. рабочим.

За период кризиса аграрная продукция возросла, и потеря работы объяснялась в значительной степени так называемой рационализацией хозяйств аграриев.

Обграбление масс с помощью социал-демократии

На многомиллионные массы рабочего класса и средних слоев обрушились война, блокада, версальская кабала и инфляция.

Еще до мирового экономического кризиса финансовый капитал в лице многочисленных картелей, синдикатов и огромных трестов проводил политику высоких монопольных цен. Еще до кризиса проводилась политика протекционистских пошлин и субсидий крупному землевладению. Еще до кризиса буржуазия перешла к опустошению государственных касс, получая миллиардные субсидии и гарантии. Все партии, от немецких националистов до социал-демократов, были использованы для усиления финансово-капиталистической верхушки. Большинство этих субсидий служило одновременно целям вооружений. Государство, провинциальные правительства, муниципалитеты, немецкие националисты, народная партия, партия центра и социал-демократы соревновались друг с другом в усилении финансовой олигархии. Приведем только один пример. Рудники в Зигерланд принадлежат крупным металлургическим концернам Рейнско-Вестфальской области. Так как добыча этой руды нерентабельна, но, с другой стороны, сохранение разработок необходимо на случай блокады, то владельцы рудников потребовали государственных субсидий. Они получили от имперского и от прусского правительств субсидию в размере 2 марок за добытую тонну руды, от государственных железных дорог — снижение тарифов, от провинциальных властей — снижение цен за электрическую энергию, снижение социальных взносов, а от профсоюзов — снижение ставок заработной платы. В этом случае, как и повсюду, социал-демократия обосновала эту политику субсидий необходимостью сохранить рентабельность предприятий, потому что иначе они будут закрыты и рабочие будут выброшены на улицу!

Финансовый капитал выжимал из рабочего класса и средних слоев ежегодно несколько миллиардов марок, т. е. вдвое или втрое больше, чем версальская контрибуция. Производилось это при помощи диктатуры цен, путем таможенной и налоговой политики, взвинчивания земельной ренты и размера процентов и государственной политики субсидий.

Во всех этих мероприятиях германская социал-демократия принимала активное участие. Она практически проводила их в коалиционных правительствах империи и отдельных государств, входящих в состав Германии, в провинциальных правительствах и муниципалитетах. Она защищала их перед рабочими массами либо как мероприятия, диктуемые «объективной необходимостью», либо как «временные подсобные мероприятия», либо как «непосредственные или косвенные последствия войны», или даже как «отвечающие интересам самого рабочего класса».

Буржуазия выдвигала на первый план социал-демократию не только для проведения политики выполнения Версальского договора, но и для всех своих решающих мероприятий по разоружению пролетариата, введению налога на заработную плату, отмене восьмичасового рабочего дня, проведению капиталистической рационализации, даже для защиты монополитической диктатуры цен.

После того как социал-демократия была выброшена из правительства, буржуазия толкала ее в важнейших вопросах к принятию полной и открытой ответственности за свою политику.

Когда под давлением коммунистической разъяснительной работы возмущение монополистической диктатурой охватило широкие массы далеко за пределами пролетариата, правительство Брюнинга задало «имперскому экономическому совету» и «анкетной комиссии» вопрос: можно ли ликвидировать монополии путем государственного принудительного вмешательства?

Для того чтобы выдвинуть социал-демократию на первый план, была образована особая подкомиссия, которая избрала своими руководителями представителя социал-демократической партии в имперском экономическом совете Коген-Рейса и представителя реформистского всеобщего объединения профсоюзов Эггерта, а секретарем назначила «экономического эксперта» и изобретателя «хозяйственной демократии» Нафтали. Эта комиссия единогласно постановила, что правительству не следует рекомендовать применение государственных средств принуждения против картелей, синдикатов и трестов, потому что это могло бы принести «большой вред в экономическом отношении». В своей партийной и профсоюзной печати социал-демократы вели специальную кампанию, для того чтобы популяризовать в массах свою защиту монополистического капитала.

С большой энергией выступая за рентабельность крупнокапиталистических предприятий и помогая строить новые броненосцы, социал-демократия заботилась и об общих условиях накопления капитала. Буржуазия провела с помощью социал-демократии так называемую «кампанию бережливости». Профсоюзная печать с особенной энергией выступила за это. Она проповедывала рабочему классу максимальную бережливость, рекомендовала передать в банки по возможности большую часть и без того сниженной суммы зарплат и таким путем предоставить ее в распоряжение эксплуататоров.

В особой брошюре («Экономическое положение, капиталобразование и финансы»), всеобщее объединение реформистских профсоюзов поучало в таком духе свои организации. Из множества социал-демократических статей, брошенных в массы для пропаганды этой линии, приведем следующий образчик из передовой статьи в органе деревообделочников от 15 мая 1931 г.

«Бережливость означает создание запасов, обеспечение будущего для каждого в отдельности и всех в целом.

Сбереженные суммы дают при надежном помещении опору на случай непредусмотренных экономических бедствий. Они поднимают также духовно.

В общем жизнь должна быть сделана более привлекательной. Вот цель капиталообразования.

• Надо считать преимуществом, если капиталообразование переходит (!) к рабочему классу, если он может экономить и этим способствовать поступлению денег на желательное с точки зрения народного хозяйства производство благ.

Если, с одной стороны, социал-демократия помогала финансовому капиталу опустошать государственные кассы, то, с другой стороны, она в интересах бюджетного равновесия была озабочена тем, чтобы сэкономить за счет безработных, рабочих и вообще трудящихся масс те добавочные суммы, которые были истрачены на субсидии, компенсации бывшим членам династии, на постройку броненосцев и на другие мероприятия по вооружению. В имперском правительстве и в правительствах провинций буржуазия, при активной помощи социал-демократии, уже достаточно прочно концентрировала «деловое» поступление и распределение бюджетных средств, избавившись от «некомпетентного» контроля. В противоположность этому муниципалитеты являлись «слабым звеном». Права самоуправления и возможности взимания добавочных налогов давали муниципалитетам, хотя и в очень ограниченных размерах, возможность использовать государственные средства для организации дешевых столовых, питания детей, для помощи пролетарским культурным и спортивным организациям, а также для выдачи пособий забастовщикам. Мероприятия муниципальных властей в гораздо большей степени подвергались контролю трудящихся масс. С этим вынуждены были в известной мере считаться и буржуазные партии, в особенности перед выборами. Финансовая олигархия упорной борьбой укрепляла это звено. Это удалось ей исключительно благодаря энергичной помощи социал-демократии, и прежде всего прусского правительства и его министра внутренних дел Зеверинга. Право самоуправления было заменено конституцией магистрата, а мероприятия муниципальных представительств подчинены контролю и утверждению властей провинции. Зеверинг распускал общинные представительства, смещал коммунистических членов магистратов, председателей муниципалитетов и т. д., назначал государственных комиссаров, изменял муниципальные бюджеты соответственно потребностям финансовой олигархии. В своем проекте финансовой реформы Гильфердинг предлагал обязать ввести «подушный налог» все те муниципалитеты, которые осмелятся повысить муниципальные надбавки на имущественные налоги. Таким путем вплоть до низовых административных единиц государства обеспечивалось проведение единой линии буржуазии. Демонстрирующих безработных встречали уже не депутаты муниципалитета, а полиция Зеверинга, этого «оплота Веймарской республики».

Представляя материальные интересы финансовой олигархии, социал-демократия усердно и всесторонне выполняла эту задачу. Она вела откровенно империалистическую политику. Эта политика должна была всеми своими мероприятиями обеспечить не

только эксплуатацию рабочего класса капиталистической системой зарплаты, но и эксплуатацию всех трудящихся масс посредством монополистической диктатуры цен и путем применения государственной власти в качестве орудия непосредственного обогащения финансовой олигархии.

Пропаганда теории «организованного капитализма» Гильфердинга, так же как и практика «хозяйственной демократии» социал-демократического профсоюзного руководства, расчищала путь к захвату власти фашистской диктатурой Гитлера.

Еще в передовой статье к 1 мая 1933 г. центральный орган реформистского всеобщего объединения профсоюзов «Сewerk-schaftszeitung» от 26 апреля 1933 г. заявил:

«Нам поистине не нужно перестраиваться, для того чтобы признать, что победа национал-социализма, хотя она достигнута в борьбе против партии, считавшейся нами носителем социалистической идеи, все же является и нашей победой, поскольку социалистические задачи поставлены в настоящее время перед всей нацией».

С развитием общего кризиса капитализм сталкивается со все растущими трудностями на пути к реализации прибавочной стоимости.

В борьбе за защиту своих прибылей монополистический капитал расширяет источники своего обогащения во всех направлениях: от усиленной эксплуатации пролетариата (рост интенсивности труда при снижении зарплаты) и самостоятельных мелких товаропроизводителей до перекачки в свои карманы части прибылей немонополизированной части капиталистических предприятий.

Все эти мероприятия по защите прибылей финансовой олигархии вызывают дальнейшее дополнительное снижение покупательной способности и в свою очередь ведут к сокращению нагрузки предприятий.

Монополистический капитал, для того чтобы обеспечить свои прибыли, вынужден в возрастающей степени прибегать к помощи государственной власти.

Средства казны, собранные за счет эксплуатации трудящихся масс и средних слоев, все больше и больше поступают в распоряжение финансовой олигархии.

Во время кризиса они были широчайшим образом использованы для санирования неплатежеспособных банков, трестов, крупных концернов и т. д. Само по себе это конечно не является «новым» явлением. Государственная власть всегда служила интересам господствующего класса и господствующих слоев этого класса. Однако в эпоху общего кризиса капитализма эта роль государственного аппарата на службе финансовой олигархии колоссально выросла. В конечном итоге здесь заложена экономическая основа так называемого «тотального государства», т. е. фашистской диктатуры.

Финансовый капитал очень быстро исчерпал все возможности использования своих старых партий, при помощи которых он проводил усиление эксплуатации. Он исчерпал и возможности использования с помощью социал-демократов парламентской системы, системы мнимого представительства.

«Старые» партии во всех возможных комбинациях по очереди образовывали правительственные коалиции или поддерживали их, формально оставаясь вне коалиции. Лишь национал-социалистскую партию буржуазия держала в резерве, не компрометируя ее ответственностью.

Ни одна из «старых» партий не могла удержать за собой массы трудящихся средних слоев. Под давлением кризиса эти массы лавиной отходили от старых партий.

Многолетней, упорной и довольно искусной кампанией буржуазия сумела внушить массам, что основной причиной их обнищания является Версальский договор. Внутри рабочего класса эту задачу выполняли социал-демократия и частично партия католического центра.

Одновременно буржуазия сумела переложить ответственность за свою политику выполнения мирного договора на так называемые «веймарские» партии, на коалицию социал-демократии, центра и демократов и заклеить парламентскую демократию как единственную представительницу политики выполнения Версальского договора.

Печать финансовой олигархии в течение многих лет вела упорную кампанию, для того чтобы вовлечь мелкую буржуазию и крестьянские массы в свои резервные отряды. Причиной высоких цен, налогов, обложений, тарифов, процентов, арендной платы и т. д. финансовая олигархия старалась представить «высокую» зарплату, выплату пособий безработным, «дорого стоящее социальное страхование», «парламентаризм», расходы муниципалитетов на социальное и культурное обслуживание и коммунальные злоупотребления. Для этого она использовала скандалы с Барматом и Склярком¹, компрометирующие веймарскую коалицию. На социал-демократов, которых фашистские агитаторы именовали «марксистами», и на руководимую социал-демократами часть рабочего класса возлагалась таким образом ответственность не только за версальскую эксплуатацию, но и за ограбление масс финансовой олигархией. Предательская политика социал-демократии таким образом не только обескровила и расколола рабочий класс, но и была главной виновницей того, что огромные массы мелкой буржуазии в городе и деревне были использованы фашизмом против рабочего движения.

---

¹ Бармат и Склярк украли при помощи социал-демократического правительства и муниципалитетов несколько десятков миллионов общественных денег.

Национал-социалисты сумели искусно приспособиться к мелкобуржуазной идеологии отсталых слоев трудящихся масс. Они выступали за «старую прусскую строгость и порядок», за вековую, воспитанную школой, церковью, прессой и армией любовь к дисциплине как символу «старого доброго времени». Социал-демократия расчистила путь фашистским штурмовикам, заглянула в подполье союз красных фронтовиков и безоговорочно предоставила полицию для охраны фашистской агитации и пропаганды. Гитлер призывал к легальности, а его штурмовики соревновались с социал-демократической партией в избиениях и убийствах рабочих.

Национал-социалистская партия собирала под свои знамена деклассированные элементы всех слоев: уволенных из армии и непригодных к гражданскому труду офицеров, студентов, потерявших всякую надежду на работу безработных служащих, которые хотели защититься от пролетаризации, обманутых собственников мелких сбережений, мелких домовладельцев, ремесленников, торговцев, существование которых разрушила инфляция, безработных из отсталых слоев рабочего класса, люмпен-пролетариев и лишившихся своих привилегий дворянских детей.

Национал-социалисты обещали золотые горы: предпринимателям — дешевую рабочую силу, рабочим — высокую зарплату, безработным — повышение пособий по безработице, всем вместе взятым — понижение налогов, крестьянам — землю и низкую арендную плату, помещикам — высокие цены, высокую земельную ренту и т. д. и т. д. Но громче всего они кричали о коренном «изменении системы», которая стала ненавистна всем. Они обещали разорвать цепи Версаля, восстановить старое империалистское «величие».

Идеологические предпосылки для фашистской демагогии были самые благоприятные. Массы были «политически обработаны» школой, церковью, прессой, радио и кино. Антимарксистская «воспитательная работа» социал-демократии создала предпосылки для этого, неся мелкобуржуазную идеологию в рабочий класс.

Коммунистическая партия — единственный действительный представитель интересов трудящихся масс и средних слоев, вела широкую, более или менее удачную агитацию среди этих масс, среди служащих, мелких крестьян, чиновников и ремесленников.

Почему все же компартия не смогла завоевать массы, отходящие от буржуазных партий, и помешать разрастанию национал-социалистского движения в массовое движение?

Развитие массового фашистского движения

В течение многих десятилетий германский рабочий класс находился под политическим, идеологическим и организационным влиянием социал-демократии.

Материальной основой проникновения реформизма в широкие массы германского рабочего класса служил рост рабочей аристократии — привилегированных слоев рабочих и бюрократии в самом

рабочем движении (партия, профсоюзы, потребительская кооперация, спортивные и культурные организации). Мелкобуржуазные условия жизни этих слоев благоприятствовали дальнейшему распространению реформизма в рабочем классе и привлекали в партию прежде всего широкие мелкобуржуазные слои города. Революционная энергия широких масс непривилегированных рабочих не была разбужена. Роза Люксембург, несмотря на свои революционные заслуги, вследствие неправильного понимания учения Маркса (в особенности в вопросах теории накопления, роли партии, сущности государства, роли рабочего класса и союзников, значения профсоюзов и т. д. и т. д.), не дошла до ясного понимания решающих основных вопросов революционного марксизма. Партия и профсоюзная печать, партийное просвещение находились в руках открытых или прикрывающихся центристом реформистов.

Традиционные связи реформизма в массах и полное господство реформистской бюрократии в рабочих организациях дали социал-патристам возможность расколоть германский пролетариат, удержать его от концентрации своих сил в революционной классовой партии. Ликвидация социал-демократического влияния на массы была относительно затруднена тяжелым грузом реформистского и центристского наследия, которое тяготело над молодыми революционными левыми.

Основанная только в конце 1918 г. коммунистическая партия Германии была еще далека от подлинного большевизма, от марксизма-ленинизма. Ее программа содержала еще целый ряд небольшевистских взглядов. Достаточно напомнить основные пункты: отрицание роли партии, люксембургскую теорию стихийности, отрицание значения работы среди мелкого крестьянства, отказ от работы в социал-демократических профсоюзах, общее отрицание политики единого фронта как средства к отрыву масс от социал-демократического влияния и т. д. и т. д.

Ленин своей работой «Детская болезнь «левизны» в коммунизме» помог молодой германской партии сделать первый шаг вперед. Большевизация коммунистической партии проходила в тяжелых боях. В первые годы оппортунистическое и сектантское наследство проявлялось и среди самого руководства партии (Леви, Фридлянд, Брандлер, Тальгеймер, Рут Фишер, Маслов). Только с приходом Эрнста Тельмана к руководству начался процесс непреклонной большевизации коммунистической партии Германии. В 1928—1929 гг. были разгромлены правые и примиренцы. В 1930 г. была разбита сектантская теория, изображавшая социал-демократических заводских и профсоюзных функционеров как маленьких Цергибелей. В 1931 г. были ликвидированы неясности в таких решающих вопросах, как гегемония пролетариата в лозунге народной революции. До 1932 и 1933 гг. приходилось вести борьбу против нападков группы Нейман—Ремеле на тельмановское руководство партии, против попыток этой группы парализовать линию партийного руководства со-

противлением плебисциту в Пруссии и лозунгами: «Разбейте АДГБ», «Прекратите уплату взносов», «Не бойтесь основывать красные профсоюзы», так же как и лозунгом: «Бейте фашистов, где только их встретите».

Все эти уклонистские попытки стоили компартии большой затраты времени и сил и тормозили борьбу за завоевание большинства пролетариата и привлечение на свою сторону слоев, склонных к союзу с пролетариатом.

Исторический процесс созревания пролетарской классовой партии в большевистскую является одновременно и процессом освобождения рабочих масс от социал-демократической идеологии.

В начале мирового экономического кризиса позиции германской социал-демократии в рабочих массах были еще настолько сильны, что ей удалось в союзе с буржуазией и буржуазным государством воспрепятствовать развертыванию сил пролетариата.

В 1929, 1930 и 1931 гг. число забастующих и число забастовочных дней достигли рекордно низкого уровня. Большинство забастовок, организованных на заводах коммунистами, было сорвано социал-демократической профсоюзной бюрократией.

Г о д ы	Число забастовщиков	Число забастовочных дней
1925	778	17 114
1926	105	1 325
1927	503	6 044
1928	780	20 288
1929	235	4 490
1930	225	3 936
1931	178	2 002

Массовая борьба безработных наталкивалась на сплоченное сопротивление предпринимателей.

Эта политика раскола и предательства в период обостряющегося кризиса была вместе с тем одной из важнейших причин того, что фашизму удалось завоевать массы мелкой буржуазии и даже проникнуть в отсталые слои рабочего класса. В результате социал-демократического влияния на рабочий класс сила притяжения пролетариатом слоев, могущих быть его союзником, была слишком слаба, для того чтобы серьезно воспрепятствовать фашистским успехам в этих слоях.

В обманутом сознании как средних слоев, так и значительной части рабочего класса социал-демократия все еще считалась партией пролетариата. Она прикрывала ограбление трудящихся масс как безработных, так и рабочих на заводах, как служащих, так и ремесленников, как мелких производителей, так и мелких крестьян. В провинциальных правительствах она проводила политику Брюнинга и затем Палена. Она запретила союз красных фронтовиков, расстреливала и бросала в тюрьмы демонстрирующих безработных и мелких крестьян. Она выдавала рабочих и служащих на произвол предпринимательской политики зар-

Платы, защищала буржуазную политику налогов, пошлин и субсидий как «меньшее зло». Она дискредитировала пролетариат в массах мелкой буржуазии, превратила «марксизм» в предмет насмешек, покрыла Веймарскую «социальную республику» потоком грязи скандальных афер Барматов и Скляреков. Она компрометировала рабочий класс в глазах широких масс мелкой буржуазии.

Завоевание или нейтрализация сельских и городских средних слоев не является просто вопросом агитационно-пропагандистской работы; оно связано с развертыванием классовой борьбы пролетариата. Социал-демократия поставила свои массовые организации на службу классовому врагу и использовала их для бешеной борьбы с революционным пролетариатом. Этим социал-демократия истощила классовые силы пролетариата и дала фашистам возможность почти целиком использовать процесс радикализации средних слоев за первые годы кризиса.

Вместе с развитием кризиса росла безработица, которая и в период предшествовавшей кризису «высокой конъюнктуры» не опускалась ниже миллиона. Но длительная безработица носила наряду с революционизирующим влиянием и элементы разложения. Только действительное развертывание классовой борьбы могло бы воспрепятствовать этому процессу разложения. Фашисты с бешеной энергией использовали эти элементы разложения среди безработных. Финансируемые крупной буржуазией, фашистские организации могли предоставлять безработным бесплатное питание, снабжать их при вступлении в штурмовые отряды сапогами, форменной одеждой, деньгами и жилищем, а через национал-социалистических предпринимателей иногда предоставлять им и работу. Огромной заслугой германской компартии является то, что в результате ее упорной и настойчивой работы среди безработных фашистское влияние сказалось на них относительно незначительно.

Компартия, которая еще не успела завоевать большинства рабочего класса Германии, не могла, несмотря на все усилия и на значительные успехи в рабочем классе, отразить удар фашизма.

Зато в этой борьбе германская компартия приобрела большевистскую ясность и сплоченность, необходимые для того, чтобы сломить социал-демократическое влияние на пролетариат. Развитие германской компартии происходило в специфических исторических условиях борьбы против социал-демократической идеологии, глубоко укоренившейся в массах, имевшей десятилетние традиции и опиравшейся на свое господство в массовых организациях. Сказывались и недостатки партии в профсоюзной работе, прежде всего в работе на предприятиях, а также и в национальном вопросе.

Работа на предприятиях была крайне затруднена массовой безработицей. Предприниматели выбрасывали коммунистов с предприятий и временами только 10% членов германской компартии

были на предприятиях. На условия борьбы рабочего класса оказало сильное влияние то обстоятельство, что больше половины промышленных рабочих были отрезаны от базы своей политической силы — от предприятия. Таково было положение рабочего класса в Германии в результате политики социал-демократии.

В этой связи необходимо подчеркнуть, что в ходе кризиса коммунистической партии удалось завоевать влияние в массах, расширить влияние среди слоев, могущих быть союзниками пролетариата, и противопоставить растущие силы революции фашистскому наступлению.

С развертыванием антифашистской кампании летом 1932 г. и перенесением ее на предприятия осенью 1932 г. германская компартия перетянула чашу весов на сторону пролетариата и создала непосредственную угрозу господству германской буржуазии. Об этом свидетельствуют следующие данные.

1. Проведение Паленом программы снижения заработной платы было в значительной части предострачено рабочими исключительно под руководством коммунистов против блока предпринимателей, государства, социал-демократической партийной и профсоюзной бюрократии и национал-социалистов.

В многочисленных отдельных случаях удалось вовлечь в борьбу социал-демократических и национал-социалистских рабочих против воли их руководства.

2. Влияние социал-демократии на рабочий класс быстро падало. Социал-демократическая партия не могла уже больше удерживать свои низовые организации от выступлений единым фронтом. Профсоюзной бюрократии все в меньшей степени удавалось удерживать членов реформистских профсоюзов от участия в забастовках. На выборах в рейхстаг в июле и декабре 1932 г. социал-демократия потеряла по 700 тыс. голосов. Учащались случаи перехода социал-демократических рабочих в компартию.

3. Впервые фашистской волне был нанесен удар на декабрьских выборах в рейхстаг. Национал-социалисты потеряли в круглых цифрах 2 млн. голосов, в том числе несколько сот тысяч непосредственно в пользу компартии. Учащались случаи перехода национал-социалистских безработных и рабочих в компартию и одновременно усиливалось воздействие коммунистических лозунгов внутри национал-социалистской партии, укрепляя там настроения против предпринимателей.

Успехи германской компартии в слоях, могущих быть союзниками пролетариата, были серьезным препятствием для роста фашизма (среди части служащих и городских ремесленников) и достигли деревни (избирательные успехи в деревнях, оживление комитетов трудящихся крестьян). В национал-социалистской партии выступали оппозиционные группы. Основой всех этих успехов было развертывание сил рабочего класса, которое коммунистическая партия сумела организовать в боях осенью 1932 г.

О быстром росте германской компартии свидетельствует именно то, что буржуазия была вынуждена прибегнуть к диктатуре как последней попытке спасения.

В 1914—1918 гг. реформизм открыто перешел к буржуазии, развился в социал-патриотизм и социал-шовинизм и последовательно проводил до конца политику Людендорфа и Вильгельма II. Социал-демократические профсоюзные бюрократы выдавали революционных рабочих военным властям, посылали их в окопы на фронт. Социал-демократические вожди пытались дезорганизовать растущую силу сопротивления рабочих, становясь во главе забастовок, для того чтобы предать их. На магдебургском процессе¹ социал-демократический президент Германии Эберт именно так объяснил участие руководящих социал-демократов в забастовке рабочих военных заводов в 1918 г. Он выразил чувство социал-демократического руководства, заявив перед буржуазным судом: «Ненавижу революцию, как смертный грех». Еще в октябре 1918 г. социал-демократические вожди, в особенности Эберт и Шейдеман, пытались спасти монархию.

Эта выдача пролетарских классовых организаций классовому врагу, на службу которому были поставлены партийные, профсоюзные, кооперативные и культурные организации, вынудила революционных левых создать новые организации.

Ноябрьская катастрофа серьезно потрясла классовое господство буржуазии и поставила его под угрозу. Пример пролетариата Советского союза показывал революционному авангарду германского пролетариата путь к освобождению от капиталистической эксплуатации. Тогда социал-демократия приступила к последовательной защите и воссозданию буржуазного классового господства.

Она собирала белогвардейскую солдатчину под руководством Носке, с ее помощью железом и кровью подавила революционных пролетариев, в своем центральном органе «Vorwärts» она призывала контрреволюционную солдатчину к зверской расправе с Карлом Либкнехтом, Розой Люксембург, Лео Йогихесом, Евгением Левинэ. Она разрушила рабочие и солдатские советы и в союзе с другими фракциями буржуазии построила веймарское «парламентско-демократическое» буржуазное государство. Она убеждала рабочий класс, что в рамках этой парламентской власти он сможет при помощи избирательного бюллетеня мирным путем прийти к власти и социализму. Социал-демократия клеветала на Октябрьскую революцию, лживо изображала пролетарскую диктатуру как диктатуру против рабочего класса и утверждала, что политика «мирного вращивания в социализм» путем демократического парламентаризма сделала «излишними» героические жертвы рабочих и крестьян Советского союза. Социал-демократия пожинала плоды многолетнего идеологического разложения германского рабочего класса.

Социал-демократия перенесла эту политику защиты господства эксплуататоров также на профсоюзы, которые еще в 1918 г.

¹ На магдебургском процессе 1925 г. Эберт вместе с руководством социал-демократической партии успешно защищался против «обвинения» в крушении монархии Вильгельма и проигрыше войны.

заключили с предпринимателями договор о сотрудничестве против «стачечного безумия». Для проведения этой политики социал-демократия прибегала к доводу о грозящей монархической опасности. Она собрала и финансировала реакционные, белогвардейские добровольческие отряды, из которых впоследствии развились боевые фашистские организации и реакционный рейхсвер. Социал-демократия применила эти отряды для подавления революционных рабочих Берлина, Средней Германии, Бремена и Мюнхена. Она финансировала и политически прикрывала реакционные авантюры прибалтийских бандитов и массовое избиение финляндских рабочих с помощью корпуса фон дер Гольца. В «отрядах по защите границ» социал-демократия создала центры для собрища монархических контрреволюционных офицеров, буржуазных сынков и студентов и деклассированных ландскнехтов всех видов, из которых рекрутировались затем современные вожди и кадры штурмовых отрядов Гитлера.

Во многих частях Германии социал-демократии удалось в довольно широких размерах провести разоружение рабочих, причем оно было идеологически поддержано правым крылом «независимой социал-демократической партии Германии». Демобилизация этих добровольческих отрядов наталкивалась на затруднения.

В марте 1920 г. произошел капповский путч. Добровольческие отряды вошли в Берлин и крупные города, сместили социал-демократическое правительство и пытались учредить реакционную диктатуру.

Рабочий класс единодушно поднялся на всеобщую забастовку и вооруженное восстание и смел с лица земли вскормленную социал-демократией реакционную свору. В Рурской области рабочие одержали серьезную военную победу и вместе с тем сделали политический шаг вперед: они образовали рабочие советы и создали зародыши красной армии. Руководство перешло к революционному крылу. Как только всеобщая забастовка смела капповское правительство и дала возможность бежавшим в Штутгарт социал-демократическим вождям вернуться в Берлин, социал-демократия послала для подавления революционных рабочих в Рурской области те же белогвардейские отряды, которые только что восставали против нее. Совместно с правым крылом независимцев социал-демократическая партия прикрывала это выступление преждевременным прекращением всеобщей забастовки и кампанией дикой лжи против революционных рабочих Рура. Для ускорения разгрома рабочих социал-демократия послала Зеверинга, который при помощи «билефельдского соглашения» уговорил рурских рабочих прекратить сопротивление, а затем отдал их во власть белого террора капповской солдатчины. Зеверинг хотел по поручению социал-демократического руководства добиться этим наиболее полного разоружения революционных рабочих на Рейне и в Рурской области. Это создало новую базу для белогвардейских, а позднее фашистских организаций, которые нашли особую опору в Берлине, где капповский переворот имел успех.

Капповский путч привел к усилению революционного брожения и ускорил состоявшийся осенью 1920 г. переход рабочих-независимцев в компартию.

Добровольческие отряды продолжали свое существование. Часть их была принята в рейхсвер и там сохранила связь с так называемым «черным» рейхсвером, т. е. с нелегально образованными военными организациями. Часть была под опекой социал-демократа Герзинга (впоследствии вождь рейхсбаннера) сконцентрирована во время пограничных боев и плебисцита в Верхней Силезии. Другая часть собралась в различных отрядах в Баварии. Многочисленные союзы продолжали полулегально и нелегально существовать во всей Германии, получая поддержку и вооружение большей частью от рейхсвера и прусского социал-демократического правительства. Финансирование этих организаций проводилось главным образом из средств государственного бюджета, который социал-демократия защищала в рейхстаге.

После капповского путча главным центром сопротивления оставалась Средняя Германия; социал-демократия приступила к его ликвидации. Зеверинг и Герзинг начали проводить разоружение силами полиции. Германская компартия, усилившаяся благодаря слиянию с левым крылом «независимых», переоценила свои силы и дала спровоцировать себя на мартовское восстание 1921 г. в Средней Германии. Компартия осталась изолированной и потерпела поражение.

Социал-демократии удалось подавить и разоружить пролетариат и одновременно укрепить буржуазное классовое господство в Веймарской республике во главе с президентом социал-демократом Эбертом. Однако в этой борьбе коммунистическая партия превратилась в массовую партию. Социал-демократия сконцентрировала весь свой огонь против компартии, Коминтерна и Советского союза. Против них социал-демократия непрерывно направляла потоки грязной лжи и клеветы. Она страдала рабочих пугалом «монархической опасности», от которой необходимо защищать парламентскую демократию. Коммунисты, — заявляли социал-демократы рабочим, — работают на-руку монархистам, разрушая буржуазную демократию.

Опасность монархической реакции являлась для социал-демократических вождей главным средством задугивания. Они утверждали, что германская компартия расколола и раскалывает германский рабочий класс.

Социал-демократические вожди, сохранив контрреволюционные организации, этим самым сохранили базу для монархической угрозы. Правда, некоторые из них были загнаны в подполье, правда, они были раздроблены на многочисленные союзы и организации, однако они оставались активными и явились главными центрами концентрации фашистских боевых отрядов. В 1921—1922 гг. они убили министров: католика Эрцбергера и демократа Ратенау, руководителя «Всеобщей компании электричества» и члена коалиционных правительств с социал-демокра-

тией, бывших двумя столпами Веймарской республики. Ответом социал-демократической партии было проведение закона о защите республики. Суды «социал-демократической» республики применяли этот закон исключительно против коммунистов, а затем и против социал-демократических рабочих.

Убийство Эрцбергера и Ратенау произошло во время широкой кампании против Версальского договора. Буржуазия поднимала шовинистскую волну против Версаля в надежде добит ся некоторых облегчений. Когда войска Антанты в январе 1923 г. заняли Рейнскую область и Вестфалию, чтобы заставить платить репарации, в Германии было образовано реакционное правительство без участия социал-демократической партии. Тем не менее социал-демократическое руководство с разнервными знаменами выступило в защиту своей буржуазии и старалось опередить ее в шовинистической травле. Социал-демократия заключила новый гражданский мир с буржуазными партиями. На националистическом выступлении в Эссене в январе 1923 г. официальный представитель социал-демократической партии заявил:

«Кровь снова кипит в жилах, как в 1914 г. Да будет забыто все, что произошло».

С занятием Рурской области в январе 1923 г. войсками Антанты германская буржуазия начала проводить усиленное ограбление масс путем инфляции. В обмен на бумажные марки она получала из государственных касс валюту, за которую возвращала затем сотые доли пфеннига. Она скупала «материальные ценности» за бумажные марки. Она уплачивала зарплату бумажными деньгами, которых уже в день выплаты едва хватало на покупку каравая хлеба. Буржуазия саботировала и дезорганизовала отпор оккупации Рурской области. Безудержное ограбление масс вызвало быстрый рост революционной волны, сорванной правым руководством германской компартии (Брандлер — Тальгеймер). Рабочие снова начали вооружаться и организовывать пролетарские сотни и комитеты контроля. Правительство и в первую очередь прусский министр внутренних дел Зеверинг применили против революционных рабочих меры жесточайшего полицейского террора. Социал-демократия повела бешеную травлю компартии. В августе 1923 г. массовая забастовка берлинских рабочих под руководством коммунистов свергла правительство Куну. Социал-демократия немедленно бросилась на помощь буржуазии, послала министров в правительство (Гильфердинга, Зольмана и др.), для того чтобы удержать находящиеся под ее влиянием рабочих от борьбы против «нового» правительства и дать буржуазии возможность выиграть время. Ошибки руководства германской коммунистической партии содействовали тому, что буржуазия смогла этого добиться. Социал-демократ Эберт послал рейхсвер в Саксонию и Тюрингию, передал исполнительную власть генералу Секту, и поражение в октябре 1923 г. закончило период революционного подъема в Германии.

Буржуазия спаслась с помощью социал-демократии в частности Эберта и прежде всего с помощью находившегося в ру-

ках социал-демократии правительства Пруссии (Браун — Зеве-ринг). Отбив революционную атаку, буржуазия немедленно приступила к закреплению и расширению своей победы.

С помощью социал-демократических профсоюзных вождей, опираясь на социал-демократическую государственную бюрократию, буржуазия лишила рабочих восьмичасового рабочего дня. Тарифные договоры были большей частью расторгнуты, и рабочие допускались снова на работу только при условии согласия на удлинение рабочего времени. Власти, во главе которых большей частью стояли социал-демократы, отказывались выплачивать пособия по безработице рабочим, выброшенным предпринимателями на улицу и требовали от рабочих согласия на удлинение рабочего дня. Многочисленные забастовки, организованные коммунистами против отмены восьмичасового рабочего дня, были объявлены социал-демократическими вождями «дикими» стачками и сорваны при участии штрейкбрехеров, полиции Зеве-ринга и «технической помощи». Поддерживаемая социал-демократией официальная штрейкбрехерская организация — «техническая помощь» точно так же являлась одним из рассадников фашизма.

Германская компартия попала под руководство «ультралевых», которые снова изолировали ее от масс и значительно облегчили социал-демократии восстановление влияния на массы, сильно ослабевшего за период занятия Рурской области.

И в этот период борьбы социал-демократия, в третий раз (после ноябрьского переворота и капповского путча) спасая буржуазию от наступления революционного пролетариата, снова использовала грозившую опасность монархической контрреволюции, для того чтобы изолировать рабочих от революционного движения под руководством их классовой партии. Социал-демократия клеветнически называла политику компартии путчиизмом, поддержкой контрреволюции, крича, что коммунистическая политика якобы толкает массы мелкой буржуазии, буржуазное «левое» крыло, в объятия контрреволюции.

Когда еще осенью 1923 г. в Кюстрине произошел путч черного рейхсвера, а в Мюнхене первый путч Гитлера — оба были ликвидированы рейхсвером. Тогда буржуазия не могла еще открыто поддерживать фашистские организации; ей мешали подъем революционного движения, внешнеполитические соображения и необходимость как можно скорее пустить в ход промышленность.

Ряды финансовой олигархии были еще разрознены, их разъедала спекулятивная лихорадка. Ее крупнейшим представителем был Стиннес — это типичное детище инфляции и послевоенной разрухи.

Буржуазии нужны были спокойствие, ликвидация ее рурской авантюры, обеспечение инфляционного грабежа, иностранные займы и прежде всего низкая зарплата и удлиненный рабочий день.

Социал-демократия выполнила эти задачи. Ей удалось отделить решающую часть рабочего класса от революционного движения, ликвидировать посредством диктатуры Эберта — Секта

непосредственную революционную опасность. Ей удалось загнать компартию в подполье, защитить национальное предательство буржуазии по отношению к рурским рабочим, сломить сопротивление отмене восьмичасового рабочего дня и провести план Дауэса.

Под «солнцем Дауэса», как окрестили социал-демократические профсоюзные газеты новое издание Версальского договора, начался прилив иностранных займов в капиталистическую Германию.

Начался период относительной стабилизации в Германии за счет рабочих и трудящихся масс. Обеспечив укрепление государственной власти, социал-демократия приступила к защите кампании реорганизации производственного аппарата германской буржуазии и восстановления капиталистической рентабельности. Она славословила капиталистическую рационализацию, которая означала чрезвычайное усиление эксплуатации посредством резкого повышения интенсивности и производительности труда и способствовала росту продолжительной массовой безработицы.

В 1925 г. германская буржуазия снова получила отнятое у нее Версальским мирным договором право устанавливать таможенные пошлины. Внешне занимая мнимо оппозиционную позицию, социал-демократия содействовала введению протекционистских пошлин в интересах крупного землевладения. Одновременно она открыто поддерживала введение промышленных пошлин, которые являлись базой для германских монопольных организаций. В этот период были образованы огромные тресты (Стальной трест, Химический трест). Германская социал-демократия заботилась о «спокойствии» на предприятиях путем саботажа забастовок профсоюзной бюрократией и широко использовала в интересах своей буржуазии английскую забастовку горнорабочих для гигантского по своим размерам штрейкбрехерства. Буржуазные экономисты расценивали прибыли германской горнозаводской и текстильной промышленности и транспортных обществ, включая государственные железные дороги, полученные в результате использования положения, возникшего в связи с английской забастовкой, в 1,2 млрд. золотых марок. Социал-демократия сорвала все попытки германской компартии организовать активную солидарность германских рабочих со своими английскими товарищами по классу.

В 1926 г. развернулась кампания единого фронта в борьбе против огромных компенсаций членам бывших династий германских государств. Суды Веймарской республики присудили им много миллиардов марок, которые были использованы на финансирование контрреволюции. Хотя против выплаты компенсаций было мобилизовано 16 млн. голосов, необходимого числа голосов все же собрать не удалось. Социал-демократия дошла при голосовании в парламенте до активного признания за членами династии права на грабительскую компенсацию. Зато социал-демократы начали удалять всякую демократию из рабочих организаций. Они выработали устав, обеспечивающий автократию бю-

рократов в профсоюзах, потребительских кооперативах, спортивных и культурных организациях и начали выбрасывать оппозиционных рабочих.

То же самое социал-демократические бюрократы из государственного аппарата начали проводить в общинах. Здесь они искореняли последние остатки самоуправления, распускали коммунистические муниципальные управления, ввели право утверждения или отклонения государственными властями коммунистических служащих магистрата или государственных учреждений. Их целью было уничтожение последних возможностей использования рабочими этих учреждений для осуществления своих требований.

В этот период, когда на основе относительной стабилизации, германская социал-демократия снова добилась избирательных и организационных успехов в массах, она работала над укреплением буржуазного государственного аппарата. Она развернула организацию «технической помощи», которая являлась государственной штрейкбрехерской организацией против «диких» стачек, т. е. против забастовок, не санкционированных руководством социал-демократических профсоюзов. Социал-демократия превратила полицию в отряды, подготовленные для гражданской войны против рабочих. Посредством политики субсидий социал-демократы помогли поднять рентабельность крупных предприятий финансового капитала и укрепить монополистические организации.

Заботами социал-демократии финансовый капитал колоссально усилился, и Гильфердинг объявил «организованный капитализм» ступенью, переходом к социализму.

Буржуазия проводила одну кампанию за другой, для того чтобы добиться расширения независимости своих партий и их исполнительных органов от настроений избирательных масс. Эти кампании были направлены против парламентской демократии, которая в условиях социальных потрясений грозила стать слишком слабым средством обеспечения буржуазного классового господства. Большинство планов сводилось к созданию второй палаты или к передаче президенту полномочий, дающих ему возможность выполнять функции второй палаты, т. е. парализовать парламент, который при всеобщем избирательном плане все же вынужден был в некоторой, хотя и минимальной, степени считаться с массами избирателей.

Буржуазия чувствовала, что ее политика тяжело отзывается на старых методах ее влияния на массы и на ее партийных организациях. Это выразилось особенно в росте числа коммунистических голосов и в процессе брожения и раскола в старых партиях буржуазии, которые все без исключения переживали глубокий кризис. В период относительной стабилизации элементы парламентаризма продикали в партию немецких националистов. Гугенберг добился ее реорганизации и провел «принцип авторитарного руководства». Далее брожение проявлялось в наличии множества организаций, которые возникали внутри отдельных

слоев и групп (ремесленники и домовладельцы, жертвы инфляции, жертвы войны и т. д.). Средние слои пришли в движение, уходили от «старых» партий. Огромная монопольная дань, переложение тяжести репараций на трудящиеся массы, продолжительная массовая безработица и аграрный кризис были причинами этих конфликтов.

Ответственность за все это возлагалась прежде всего на Веймарскую республику, парламентскую демократию, на хищнический Версальский договор и меньше всего на германскую финансовую олигархию. Социал-демократия конечно не могла перехватить эти массы, отходящие от других партий. Она являлась представительницей политики выполнения Версальского договора, она представляла «государство», проводившее политику высоких налогов и сборов. Она несла ответственность за веймарскую систему. Вскрывая скандалы вокруг Бармата и Склярека, буржуазия дискредитировала в глазах мелкобуржуазных масс социал-демократическую демократию.

Усиление социальных конфликтов под двойным игом репарационной эксплуатации и диктатуры цен монополистического финансового капитала вызвало в то же время рост новых организаций буржуазии: фашистских союзов и военных организаций. Особенно быстро усилился союз реакционных фронтовых солдат «Стальной шлем», отряд контрреволюции с преобладанием немецких националистов. Однако одновременно выросли и национал-социалистские организации и их штурмовые отряды. Их рост встречал препятствия. В пролетарские районы, на пролетарские собрания эти организации не могли проникнуть. Прежде всего мощной плотиной являлся союз красных фронтовиков. Буржуазия развернула широкую кампанию за роспуск союза красных фронтовиков. Социал-демократическая бюрократия пустилась на чудовищную провокацию, запретив в 1929 г. майскую демонстрацию в Берлине. Несмотря на это, берлинские рабочие вышли на улицу, и социал-демократический полицейский президент Цергигель учинил кровавую расправу. Под предлогом руководящего участия союза красных фронтовиков на берлинских баррикадах в защите права на майскую демонстрацию, социал-демократ Зевелинг издал распоряжение о роспуске союза красных фронтовиков и пустил в ход все силы полиции, для того чтобы загнать его в подполье.

Социал-демократия по поручению финансовой олигархии снова стала во главе кампании за проведение плана Юнга, что дало толчок новой шовинистской волне.

Осенью 1929 г. мировой экономический кризис снова резко ухудшил положение в Германии. Число безработных выросло до огромных размеров, внутренний рынок начал быстро сужаться. Падающие обороты средних слоев, при все еще растущих монопольных ценах и резко падающих рыночных ценах, чрезвычайно ухудшили положение мелких и средних промышленников, кустарей, торговцев, ремесленников и прежде всего крестьян. Высоких налогов и сборов было недостаточно, для того чтобы

обеспечить безработных. Буржуазия должна была «экономить», т. е. снизить расходы на социальные и культурные нужды. Социал-демократия начала в своей партийной и профсоюзной печати кампанию за «сбережения». Она призывала рабочих экономить во имя накопления капитала, так как в обстановке быстро развивающегося мирового экономического кризиса нечего было и думать об иностранных займах. Буржуазия должна была вооружаться для защиты от пролетариата. Она расправилась с социал-демократией, после того как использовала ее для проведения плана Юнга, и образовала правительство Брюнинга без социал-демократии. Социал-демократическое руководство должно было изменить свою коалиционную политику: открытое участие в правительстве оно заменило поддержкой правительства, предоставлением в его распоряжение своих голосов в парламенте. Социал-демократия помогала проводить политику имперского правительства в провинциальных правительствах, используя профсоюзы. Под лозунгом недопустимости забастовок во время кризиса профсоюзы дезорганизовали и сорвали отпор рабочих снижению заработной платы и затем снижению пособия по безработице и концентрировали весь огонь на компартии и революционной профопозиции.

После союза красных фронтовиков в феврале 1930 г. была запрещена также «Antifa» (союз борьбы с фашизмом). Но организациям фашистских убийц прусская полиция, руководимая социал-демократами, обеспечила полную свободу агитации.

Буржуазия с двух сторон подошла к подготовке фашистской диктатуры.

Во-первых, она начала проведение фашизации государственного аппарата и планомерное устранение парламентаризма. Она проводила это посредством чрезвычайных декретов, сначала получая при помощи социал-демократии согласие рейхстага, затем угрозами добиваясь этого согласия и наконец уже совершенно не спрашивая мнения парламента. Так буржуазия «приучала» к «авторитарному государству», которое служило подготовкой к фашистскому «всеобъемлющему государству». Правительства заставляли рейхстаг дать им полномочия, а затем пропускали «народных представителей». Буржуазия возложила на трудящиеся массы миллиарды новых налогов и сборов и приблизительно на такую же сумму сократила свое обложение. Декретами правительства Брюнинга буржуазия сократила пособия по безработице и снизила расходы на социальные нужды,— все это на основе полномочий, полученных от социал-демократий.

Во-вторых, буржуазия начала концентрировать и планомерно создавать фашистские массовые организации.

Средние слои, подвергаемые безудержному грабежу, не обладающие самостоятельной силой, начали страстно желать «человека сильной руки». Национал-социалистская агитация умело и ловко приспособлялась к настроению этих политически бесфор-

менных, переливающих всеми цветами радуги, колеблющихся масс: «Международный финансовый капитал, версальские разбойники и их союзники, Веймарская республика, республика выполнения разбойничьего договора, социал-демократия, евреи — «гиены биржи» и католический центр, — вот носители зла, которые при помощи своего государства, своей бюрократии, своей продажной системы отнимают последний кусок хлеба!»

Слушая национал-социалистскую агитацию, мелкая буржуазия думала, что придет сама к власти, сможет наконец создать сильную «надклассовую» власть, направленную против конкуренции крупных капиталистов и против своей пролетаризации.

Все средние слои страдали от давления тяжести репараций, от монопольных цен, от повышающихся расходов на политическое господство буржуазии и от массовой безработицы, от искусственно взвинченных цен на продовольствие, от высокой квартирной платы, процентов, налогов и сборов.

Вместе с тем продолжительная массовая безработица закрывала средним слоям дорогу к превращению в рабочих, служащих или чиновников. Продолжительность массовой безработицы, сокращение пособия и снятие с пособия вынуждали безработных рабочих и служащих к попытке получить возможность существования переходом к ремесленной работе на улице, к торговле вразнос и частично к открытию мелких лавчонок (часто служащие, сокращенные с уплатой выходного пособия, открывали самостоятельную торговлю). Таким образом еще больше обострялась вызванная сокращением потребления «перегрузка» профессий средних слоев.

Социал-демократия отдала безработных в жертву «бюджетному равновесию», душила всякую борьбу, срывала забастовки в бешеной борьбе против коммунистов, которые всеми силами старались сплотить пролетариат в борьбе за заработную плату и условия труда, в борьбе за власть, за отрыв от буржуазии колеблющихся средних слоев.

Государство облагало бедняков огромными налогами и вместе с тем выплачивало миллиарды богачам, запрещало рабочим забастовки, снижало зарплату посредством чрезвычайных декретов, сокращало ставки пособий по безработице, лишало общины средств на выплату пособий по благотворительности, уплачивало репарации. Социал-демократия призывала рабочих на защиту интересов этого государства, хотя оно уже явно начало превращаться в фашистскую диктатуру. Выборы в рейхстаг 14 сентября 1930 г. показали результат социал-демократической политики: быстрый рост числа национал-социалистских голосов и значительный рост числа коммунистических голосов за счет социал-демократии.

Национал-социализм уже успел стать массовым движением. Какие выводы сделало отсюда социал-демократическое руководство? Оно выдвинуло пассивный, оборонительный лозунг «меньшего зла». Нужно терпеть тех, кто проводит фашизацию, для того чтобы не допустить фашистов! Оно напало на германскую

компартию, в особенности на ее программу национального и социального освобождения, обвиняло ее в политике союза с фашистами. Оно предало берлинскую забастовку металлистов, забастовки горнорабочих в Рурской области и Верхней Силезии, гамбургскую забастовку портовых рабочих и натравливало свою полицию на изголодавшихся безработных.

Социал-демократическое руководство терпело Брюнинга и после изданного им в июне 1931 г. чрезвычайного декрета, который принес новое огромное отягощение рабочего класса. Всю силу своего прусского правительства социал-демократы сконцентрировали против компартии, безработных и революционной оппозиции. Фашистский террор непрерывно усиливался, опираясь на помощь социал-демократов, которые вооруженной силой подавляли всякое сопротивление рабочих.

В начале 1932 г. происходили перевыборы президента. Социал-демократия отказалась от собственной кандидатуры. Она убеждала рабочих, что Гинденбург послужит гарантией против прихода Гитлера к власти и концентрировала все свои силы для борьбы против Тельмана под лозунгом: «Кто выбирает Тельмана, выбирает Гитлера».

Вскоре после происшедших, при активной поддержке социал-демократии, выборов Гинденбурга, буржуазия сделала шаг вперед на пути фашизации государственного аппарата. Она заставила Гинденбурга сменить правительство Брюнинга. Заменявший его «надпартийный» кабинет Папена диктовал свою власть рейхстагу, причем впервые буржуазия открыто использовала национал-социалистов, которые дали свое согласие на это сверхреакции с низким доходом.

Правительство Папена организовало новый поход против трудящихся, распределило среди буржуазии 2 млрд. будущих налоговых поступлений, предоставив ничтожную часть этой суммы средним слоям. Правительство Папена ускорило начатое при Брюнинге снятие безработных со всех видов пособия, декретировало всеобщее снижение заработной платы и наметило выплату премий тем предпринимателям, которые проведут сокращение зарплат и переведут свои предприятия на неполную рабочую неделю. Оно ввело целый ряд новых налогов на потребление, в том числе и впервые предложенный Гильфердингом в 1929 г. в проекте финансовой реформы «негритянский налог», т. е. подушный налог в общинах, главная тяжесть которого падала на лиц с низким доходом.

Коммунистическая партия перешла широким фронтом в наступление, организовала мощное массовое движение и антифашистские выступления, толкнула на мнимую оппозицию против Папена национал-социалистов, которые были дискредитированы в глазах масс ответственностью за правительство Папена. Компартия встретила упорное сопротивление социал-демократического руководства, которое всеми средствами пыталось отколоть находящиеся под его влиянием рабочие массы от единого фронта с революционными антифашистами. Этим германская социал-де-

Мократия активно поддержала политику ускоренной подготовки фашистской диктатуры.

Для буржуазии важнейшим подготовительным мероприятием была концентрация всех органов власти в одних руках. Однако во главе Пруссии, составляющей две трети Германии, все еще стояло коалиционное правительство веймарских партий (социал-демократии, демократов и католического центра). Государственный переворот Папена 20 июля 1932 г. выбросил за борт все прусское правительство. При этом Папен применил методы чрезвычайных декретов, введенные Брюнингом при помощи социал-демократии, и опирался на полномочия (кстати сказать, противоречащие конституции) избранного социал-демократией президента Германии.

В этот день и для самых упрямых представителей иллюзий о власти парламентской демократии, о «силе» избирательного бюллетеня стало ясно, куда идет развитие. Это стало ясно даже для социал-демократических вождей. Если бы социал-демократия пустила в ход силу еще находившихся в ее руках рабочих организаций, это должно было бы привести к мощному подъему революционной волны, к быстрому переходу всеобщей забастовки в вооруженное восстание. Социал-демократическое руководство, которое, по выражению Эберта, ненавидит революцию, «как смертный грех», расчистило путь контрреволюции; оно прекрасно понимало последствия отказа от предложения компартии немедленно объявить всеобщую забастовку. В тот же день социал-демократия ответила на это предложение миллионами листовок, в которых предостерегала рабочих от лозунга всеобщей забастовки, выброшенного «коммунистическими провокаторами», и рекомендовала рабочим массам сохранять «спокойствие». Против переворота Папена в Пруссии социал-демократия обратилась к верховному государственному суду Веймарской республики.

Коммунистическая партия развила энергичную кампанию. Широким движением единого фронта она организовала массовые антифашистские выступления и перенесла их на предприятия в форме широкой волны забастовок. Там она встретила объединенное сопротивление со стороны государства, вождей социал-демократических профсоюзов и национал-социалистического руководства, которые всеми средствами пытались сорвать забастовки. Однако коммунистическое влияние было уже достаточно сильно, чтобы вовлечь в борьбу широкие массы социал-демократических рабочих против воли их руководства. В некоторых случаях это влияние было так велико, что национал-социалистическое руководство не осмеливалось выступать в открытой борьбе. Так было например во время берлинской забастовки работников городского транспорта. Все уменьшалось число социал-демократических рабочих, которых руководство могло под защитой полиции Папена посылать в качестве штрейкбрехеров. Это имело большее значение, чем дважды завоеванные компартией у социал-демократии 700 тыс. голосов на выборах в рейхстаг в июле и ноябре.

Забастовочная волна и коммунистическая победа на выборах над социал-демократией, национал-социалистами и всеми буржуазными партиями показала буржуазии, что она должна считаться с подрывом как социал-демократического господства, так и национал-социалистического влияния в рабочем классе. Коммунизм сплотил 6 млн. сторонников. Буржуазия надеялась, что может использовать известное оживление в хозяйстве для укрепления своей фашистской диктатуры.

Буржуазия должна была действовать. Сначала образованием правительства Шлейхера в декабре 1932 г. было создано нечто вроде видимости отступления. Социал-демократия энергично взяла на себя обеспечение перегруппировки. Она объявила Шлейхера «социальным генералом», убаюкивала членов профсоюзов надеждой на непосредственное или косвенное участие своих вождей в правительстве и создала прежде всего то настроение «выжидания», которое дало социал-демократической бюрократии возможность подавить всякое движение борьбы. Социал-демократическая партия продолжала свою политику разложения рабочего класса даже после того, как получили огласку переговоры об участии национал-социалистов в правительстве. В то же время социал-демократия сконцентрировала все силы на борьбу против компартии. При этом она всгретила возрастающее сопротивление в массах, а также и в своих собственных рядах. Она вынуждена была считаться с носившей еще оборонительный характер волей рабочих к единству и изобрела новую формулу «пакта о ненападении» между социал-демократией и компартией. Эту формулу она применяла для того, чтобы парализовать действительное революционное движение единого фронта. Вместе с тем, с явной целью парализовать инициативу на предприятиях и на биржах труда, социал-демократия обещала «в случае нужды применить все средства».

После прихода Гитлера к власти социал-демократия снова показала свое лицо. Гитлер пришел к власти «легально», по социал-демократическим правилам парламентской демократии. Социал-демократия немедленно объявила массам, что против этого ничего нельзя сделать, пока «национальное» правительство придерживается этих «правил». Зато в рамках этих пресловутых правил она призывала к «борьбе»: «выборы 5 марта в рейхстаг сведут счеты с Гитлером, ведите избирательную борьбу, требуйте от коммунистов пакта о ненападении на нас, для того чтобы можно было сконцентрировать все силы против фашизма». Под этими силами социал-демократическое руководство подразумевало избирательные бюллетени и заклинали Гинденбурга обеспечить соблюдение конституционных правил. В противоположность этому некоторая часть социал-демократических рабочих, профсоюзов и членов рейхсбаннера, в особенности отрядов молодежи, перешла к действительным выступлениям единым фронтом с компартией. Однако всем этим выступлениям не хватало важнейшей опоры: массовых забастовок на предприятиях.

Аргументация социал-демократии сводилась приблизительно

к следующему: Гитлер легально пришел к власти. Пока он не нарушает закона, весь государственный аппарат и «общественное мнение» будут на его стороне. Нужно бороться с ним на легальной почве. Для этого нужно, чтобы коммунисты заключили с нами пакт о ненападении так, что все силы будут направлены против фашизма, и это помешает Гитлеру получить 5 марта большинство. Если он попытается затем применить насилие и не уйдет в отставку, то необходимо будет объявить всеобщую забастовку. Поэтому «преждевременные» лозунги забастовки бессмысленны, так как они приводят к истощению сил рабочих отдельных предприятий, а «дикие забастовки», не принося пользы, дают правительству повод «законно», «легально» предпринимать меры против нас, а также против профсоюзов, быть может даже объявить осадное положение и «парализовать» нашу избирательную борьбу.

Широкие массы рабочих, находившихся под влиянием социал-демократии, действительно верили этой бессмыслице. В плани подоженного рейхстага сгорело много таких иллюзий. Но 5 марта значительная часть социал-демократов, профсоюзов, членов рейхсбаннера и даже католических организаций установили связь с коммунистическими организациями, для того чтобы совместно с коммунистами помешать национал-социалистам захватить власть, после того как они «не получают большинства». По мере объявления результатов выборов все эти группы снова отпадали, духовно подавленные фашистским большинством и «невозможностью» объявить всеобщую забастовку.

Только на этой стадии многие из них поняли, что срыв массовой забастовки был одной из причин фашистской победы на выборах.

На германский рабочий класс обрушилась первая волна террора.

Социал-демократическая бюрократия перебежала к Гитлеру, изливалась в уверениях лояльности и усваивала новые формы и методы предательства рабочих.

Таким образом созданию массового фашистского движения и утверждению диктатуры Гитлера способствовало:

а) то, что вплоть до прихода фашизма к власти социал-демократическое руководство покрывало эту политику, как покрывает оно ее и в настоящее время, пытаясь парализовать борьбу пролетариата против диктатуры Гитлера политикой классового раскола и классового предательства;

б) то, что версальская система грабежа в величайшей степени облегчила германской буржуазии использование шовинистической демагогии;

в) то, что германская буржуазия имела большой опыт классовой борьбы и в особенности сумела использовать опыт русской, венгерской, итальянской и польской буржуазии.

ЧТО ФАШИЗМ ОБЕЩАЛ РАБОЧИМ И ЧТО ОН ИМ ДАЛ ¹

«Слово социализм в течение долгого времени вызывало у широких кругов буржуазии, в особенности среди предпринимателей и интеллигентов, выжидательное и нерешительное отношение к движению Адольфа Гитлера.

В настоящее время уже давно выяснилось, что здесь произошло недоразумение. Дела нового правительства в гораздо большей степени, чем национал-социалистская пропаганда, привели к пониманию того, что социализм Третьей империи является прямой противоположностью марксистскому социализму».

Так писала газета «Bergwerkszeitung» от 13 августа 1933 г.

Однако тысячи газет, радио, речи Геринга, выступления Гитлера перед рабочими непрерывно трубят: правительство Гитлера является правительством народа. Оно преодолевает безработицу. Оно приносит устойчивую зарплату и защищает коллективные договоры. Оно создает единство народа. Классовая борьба ликвидирована, интересы целого стоят выше интересов каждого. Зимой ни один безработный не будет голодать и мерзнуть.

Рассмотрим официальную и «унифицированную» немецкую печать. Возьмем данные только официальной гитлеровской статистики. Что они показывают?

«Гитлер преодолевает безработицу»

Если взять для сравнения данные о безработице за годы кризиса до Гитлера, то прежде всего надо принять во внимание миллионную армию так называемых «невидимых» безработных. Это безработные, которые «невидимы» только для статистики. Статистические данные германских больничных касс охватывают здоровых и больных, работающих и безработных, рабочих и служащих. В 1923 г. общее число членов больничных касс составило 20,6 млн. человек, в декабре 1930 г. — только 19,6 млн. человек, а в августе 1933 г. оно упало до 18,2 млн. Таким образом из статистики (только из статистики до захвата власти Гит-

¹ Здесь идет речь о мероприятиях экономической и социальной политики фашистской диктатуры; мы оставляем здесь в стороне вопросы режима кровавого террора, которым фашистская диктатура «усмиряет» рабочий класс.

лером) исчезло с 1929 г. 2,4 млн. человек. Если даже это число снижалось в результате естественной смертности, то, с другой стороны, прирост молодежи, еще никогда не работавшей, далеко превышает число умирающих. Поэтому можно с полным основанием считать, что число «невидимых» безработных составляло в начале 1933 г. свыше 2,5 млн. человек.

При этом мы не учитываем, что с 1929 г. прошло пять лет жесточайшего кризиса.

Само собою разумеется, что в эти годы быстрее, чем когда бы то ни было, шел процесс пролетаризации мелкобуржуазных и крестьянских масс и тем самым значительно увеличивалось число свободных рабочих рук.

Национал-социалистская пропаганда прежде всего оперирует преувеличенными данными зарегистрированных «официальных» безработных. При этом национал-социалисты утверждают, что со времени их прихода к власти до ноября 1933 г., т. е. на «первом этапе битвы труда», как хвастливо заявляют фашисты, число работающих возросло больше чем на 2,5 млн. Для доказательства этого они прибегают к грубейшей, бросающейся в глаза фальсификации статистики безработицы. Они сравнивают октябрь 1933 г. не с соответствующим месяцем предыдущего года, а с другим, в частности с январем и февралем. В январе и феврале безработица, вследствие наличия сезонной безработицы, конечно выше, чем в другие месяцы. Если же сравнить октябрь 1933 г. с октябрём 1932 г. по данным фашистской статистики, то оказывается, что число работающих увеличилось только на 1147 тыс., а число безработных уменьшилось на 1355 тыс. чел., т. е. получается, что 220 тыс. рабочих уже не числятся среди безработных, но вместе с тем их нет среди работающих.

Как же обстоит дело с 1147 тыс. человек, которые, по данным фашистской статистики, вовлечены в производство?

По данным на 31 октября 1933 г. из числа последних на общественных работах было занято 314500 человек, т. е. почти в четыре раза больше, чем год назад. Эти безработные — промышленные рабочие, которые в принудительном порядке работают на постройке муниципальных зданий, на дорожном строительстве, на лесных работах и т. д. Вместо зарплаты они получают благотворительное пособие. В октябре 1932 г. рабочие, занятые на общественных работах, считались безработными, а в октябре 1933 г. они числятся «работающими».

Официальные данные на 31 октября 1933 г. именуют «работающими» 220 тыс. человек, отбывающих трудовую повинность. В октябре 1932 г. все пребывающие в лагерях трудовой повинности еще считались безработными. То же самое повторяется при посылке на с.-х. работы в качестве так называемых «сельскохозяйственных помощников». Это рабочие-подростки из города, которых насильно посылают работать в хозяйства помещиков и кулаков. В лучшем случае они получают за свою работу благотворительное пособие. Число их состав-

ляло в августе 1933 г., по официальным данным, 156 тыс. человек, а затем около 200 тыс. человек.

Таким образом из 1114 человек, получивших «работу», 700 тыс. приходится на различные формы принудительного труда. Положение этих 700 тыс. не только не улучшилось по сравнению с предыдущим годом, а значительно ухудшилось. Вся разница в том, что теперь статистика считает их работающими. В лагерях трудовой повинности молодежь подвергается военной муштровке. Получая сниженное пособие (в лагерях трудовой повинности выдается только несколько пфеннигов «карманных денег»), безработные должны выполнять тяжелые земляные работы.

Таким образом даже по официальной фашистской статистике рост числа занятых в октябре 1933 г. по сравнению с октябрём 1932 г. не превышает 400 тыс. Достаточно сравнить это с демагогически провозглашенным лозунгом «на 2,5 млн. безработных меньше!» В ноябре 1933 г. официальная статистика утверждает, что безработица снова уменьшилась на несколько тысяч человек. Однако же в декабре даже фальсифицированная статистика вынуждена признать рост числа безработных более чем на 300 тыс. человек. На самом же деле статистические данные о числе занятых показывают в ноябре уменьшение числа занятых на 40 тыс. человек, а в декабре — на 730 тыс. По сравнению с ноябрём уменьшение числа занятых в декабре 1933 г. еще сильнее, чем в предыдущем году. Это уменьшение произошло в первую очередь в промышленности и в сельском хозяйстве.

Лишение пособия по безработице

Сама же официальная статистика разоблачает провозглашенный Гитлером лозунг ликвидации безработицы. Фашистская ликвидация безработицы на деле означает ликвидацию пособия по безработице для миллионов германских безработных.

Если сравнивать месяц за месяцем статистические данные больших касс с данными бирж труда о числе безработных, то оказывается, что до мая число занятых все время возрастает быстрее уменьшения числа безработных. Начиная с июня, наоборот, рост числа занятых происходит медленнее, чем уменьшение числа безработных. Это показано в следующей таблице (в тыс.):

	Январь — май	Май — октябрь
Рост числа занятых	1 693	832
Уменьшение безработицы	975	1 294
Разница	+ 718	- 412

Более значительный рост числа занятых до мая фашистские журналисты хотят объяснить тем, что значительное количество «невидимых» безработных нашло себе работу. Однако

это ложь. В большинстве случаев капиталисты отказываются принимать на работу тех рабочих, которые в течение продолжительного времени были безработными. Это относится именно к «невидимым» безработным, среди которых находятся пожилые рабочие. Они более всех истощены многолетней нуждой и девалифицировались в большей степени, чем другие. С другой стороны, для сокращения расходов государство применяло всяческие меры воздействия для того, чтобы на работу принимались безработные, получившие какое-либо пособие. Разница за период времени до мая объясняется на самом деле тем, что около 200 тыс. подростков в лагерях трудовой повинности, не отмечавшиеся прежде статистикой в качестве безработных, теперь включены в число занятых. К этому числу прибавляются также штурмовики, вспомогательная полиция и т. д. Кроме того основной причиной является отсутствие в первые месяцы унифицированной фальсификации.

Что же происходит, начиная с июня? Может ли быть, что безработица уменьшается быстрее, чем растет число занятых? Послушаем объяснение передовой статьи в «Vossische Zeitung» от 24 октября 1933 г. Газета пишет:

«Объяснение не так просто. Прежде всего оно могло бы заключаться в том, что статистические данные не соответствуют друг другу по времени, так как составлены различными методами.

Это объяснение должно отпасть, так как наблюдаемое явление продолжается уже в течение нескольких месяцев.

Вторая причина отставания данных о числе занятых от статистики безработицы могла бы заключаться в мероприятиях по уменьшению безработицы, не сопровождающихся одновременным ростом занятости. Так например цифра безработицы будет падать, если работница, выходя замуж, получит ссуду на основе «закона о поощрении браков», или если работник больше не принимается на учет биржей труда, так как семья имеет достаточный доход, или же если лицо, совмещающее две службы, должно освободить свое место другому».

Здесь мы имеем признание того, что около 400 тыс. безработных лишены пособия без предоставления им работы.

Этот факт подтверждается при сравнении числа официально зарегистрированных безработных с официально отмечаемым числом лиц, ищущих работы. Число этих последних всегда было несколько выше, чем число безработных. Однако расхождение никогда не превышало 100—200 тыс. человек. Начиная с июня расхождение увеличивается бурными темпами и превышает в октябре 400 тыс. человек (4 182 325 ищущих работы при 3 748 860 зарегистрированных безработных). Таким образом данные о лицах, ищущих работу, частично включают тех, кто вычеркнут из списков безработных.

Однако официальная статистика дает возможность сделать еще и другой вывод. Она показывает, что кроме 400 тыс. человек, лишенных пособия, насчитывается еще около миллиона

официально зарегистрированных безработных, не получающих никакого пособия. При этом речь идет о зарегистрированных, а не о «невидимых» безработных.

Баланс первого этапа кампании по «предоставлению работы»

Баланс «предоставления работы» фашистами таков:

1. Не получают никакого пособия следующие категории (в тыс.)

«Невидимые» безработные около	2 500
Из «зарегистрированных» безработных около . . .	1 000
Вновь вычеркнутые статистикой около	400

Итого почти 4 миллиона безработных. . . —

2. 700 тыс. занятых на принудительных работах, не получая денежной зарплаты, частично получают нищенское благотворительное пособие.

3. 400 тыс. получили работу в промышленности, торговле и т. д., получая зарплату, едва достигающую ставок пособий по безработице.

Как мы выше показали, эти цифры вытекают из официальных данных. Мы точно так же показали, почему не представляется вероятным, что из среды «невидимых» безработных многие нашли работу. Расходы по выплате зарплаты вновь принятым рабочим покрываются предпринимателями посредством сокращения заработной платы остальных рабочих. В воззвании руководителя «штаба по приисканию работы» (!) Эссена говорится: «Предприятие принимает на себя половину дополнительных расходов по зарплате в связи с новым приемом на работу. Другую половину покрывают те работники предприятия, которые непрерывно работают с октября 1932 г.»

4. В то время как в ноябре официальная статистика еще отмечала некоторое незначительное уменьшение безработицы, в декабре даже правительство Гитлера вынуждено признать повышение числа безработных еще на 300 тыс.

Фактически безработица в ноябре и декабре возросла гораздо сильнее. Об этом свидетельствует и официальная статистика числа занятых. В ноябре было занято на 40 тыс., а в декабре на 730 тыс. меньше, чем в предыдущем месяце.

Преобладающая доля этого уменьшения приходится не на государственные предприятия, а на частное хозяйство. Это тем более важно, что «увеличение» числа занятых в предыдущие месяцы происходило, как мы уже показали, не в промышленности.

Несмотря на фальсификацию, из официальной статистики ясно видно, что и в лучшие месяцы фашистских «успехов» уменьшение безработицы в промышленных районах (Берлин, Гамбург, Рейнско-Вестфальская область) далеко отставало от сообщаемых фашистами средних цифр уменьшения по всей стране. Это является лишним доказательством того, что кроме лишения пособия «успехи» состояли в введении принудительного труда.

В неподлежавшем оглашению меморандуме имперского министра труда от 25 ноября цинично заявлено:

«Важный успех политики рынка труда, быть может ее крупнейший успех, заключается в создании общественного мнения для преодоления безработицы».

Таков баланс.

Если допустить правильность оценки Германского конъюнктурного института о наличии в конце декабря 1933 г. 8,2 млн. занятых промышленными рабочими, то не меньше 41% промышленных рабочих являются безработными.

В конце марта 1934 г. официальная статистика насчитывала 2798 тыс. безработных. По сравнению с мартом 1933 г. из статистики снова выпали и стали «невидимыми» свыше 300 тыс. безработных. Свыше 740 тыс. подростков достигли в 1933 г. работоспособного возраста. Из цифр официальной статистики вытекает, что в начале 1934 г. было свыше 3 млн. невидимых безработных. Если прибавить к этому почти 1 млн. человек, занятых на принудительных работах (на одних только «общественных работах» 600 тыс. человек), и 2600 тыс. человек, официально числившихся безработными в апреле 1934 г., то фактическое число рабочих и трудящихся, которых нужно включить в производственный процесс, составит 6,5 млн. человек, а не 2,5 млн., как стараются уверить национал-социалисты.

«Ни один немец не должен голодать в Третьей империи»

По крайней мере так заявляет министр пропаганды. О чем же свидетельствуют официальные цифры? Они приглажены, подгасованы, унифицированы, фальсифицированы. Однако если даже признать их правильными, то получится следующая картина:

Помощь безработным, получающим пособия, составляется из фондов страхования от безработицы, кризисного или благотворительного пособия. Наиболее высокие ставки выплачиваются по страхованию от безработицы. Последнее выдается только в течение полутора месяца, затем проводится проверка нуждаемости. Если у кого-либо в семье еще имеется работа, то выплата пособия прекращается, и безработный переводится на кризисное пособие или благотворительное, которые гораздо ниже. В январе 1929 г. 78,8% всех безработных получало пособие по линии страхования. В декабре 1931 г. эта категория безработных еще насчитывала 29%, а в 1932 г. — 13,7%. В январе 1933 г. их было 15,8% и наконец в сентябре 1933 г. только 8,2% общего числа получающих пособие. Подавляющее число безработных получает кризисное или благотворительное пособие. Выплачивается это пособие коммунальными управлениями, но значительная часть последних обанкротилась и поэтому ставки благотворительных пособий постоянно снижаются. Отменяются семейные прибавки, прекращается выплата добавочных сумм на квартирную плату, ликвидируется помощь в случае болезни и т. д.

Вместе с доплатами со стороны государства германские коммунальные управления ежемесячно выплачивали в 1932 г. в среднем 140 млн. марок в качестве благотворительных пособий. Гитлер, придя к власти, сократил ставки. Если в семье кто-либо получает пособие или же имеет работу, то все остальные просто снимаются с пособия. И все же, несмотря на это, фашистские муниципалитеты вынуждены были считаться с тем, что им потребуется ежемесячно 121,6 млн. марок. Однако государственные доплаты были снижены сначала до 70, затем до 65 и наконец в сентябре и октябре до 60 млн. марок. Законом от 22 сентября муниципалитетам было запрещено тратить на помощь безработным из собственных средств больше 26,6 млн. марок в месяц. До издания закона муниципальные средства, предназначенные для пособий безработным, были вдвое выше этой суммы. Таким путем ежемесячные расходы по благотворительным пособиям свертываются с 140 млн. марок в среднем в 1932 г. до 86,88 млн. в 1933 г. Это означает сокращение на 38,1% за период власти Гитлера. Те, кому пособие еще вообще выплачивается, получают на одну треть меньше прежнего. Обрезки и кости, которыми безработные заменяли мясо, теперь становятся для них недоступными. Маргарин вздорожал на 40% и почти исчез со стола. Безработный больше не видит молока и сахара. Так заботился Гитлер о том, чтобы зимой истекшего года не голодал ни один немец.

Методы лишения пособий

Сопrotивление рабочих и страх фашистского правительства перед выступлениями безработных вынудили его отказаться от лобовой атаки безработных. Правительство не провело ни общего снижения ставок пособий, ни принципиального изменения порядка выплаты пособий или ее прекращения. Национал-социалисты сочетают введение принудительного труда для сотен тысяч с лишением и сокращением пособий. При помощи целого ряда методов применяется и полное лишение пособия. Под лозунгом «предоставления работы» для мужчин увольняли женщин с предприятий и не давали им пособия. Законом от 12 мая 1933 г. домашняя прислуга совершенно исключена из страхования от безработицы. То же самое проведено законом от 20 сентября по отношению к с.-х. и лесным рабочим. Если они теряют работу, то помощь им должна оказываться не из страховых средств, а за счет городской «благотворительности». Даже «Berliner Tageblatt» от 4 октября 1933 г. откровенно признает для чего это делается: «...здесь не только ставки пособий ниже, но и проверка нуждаемости строже, чем в государственных страховых органах».

Лишение пособия при помощи «проверки нуждаемости» производится и другим путем. «Berliner Tageblatt» от 3/VIII 1933 г. пишет о проекте «замены безработными, получающими пособие, тех рабочих, которые в случае увольнения не имеют права на него (потому что кто-либо из семьи имеет заработок или получает пособие)».

В директивах союзов работодателей Нижнего Рейна Вест-фалии говорится по поводу одобренного Тиссенем «рационального распределения работы»: «Во многих случаях окажется возможным сэкономить пособия, выплачиваемые несколькими безработным, если дать работу одному из членов семьи. Этим ликвидируется нужда всей семьи в помощи»¹.

Все эти методы сводятся к ухудшению положения рабочей семьи, даже в том случае, если отдельные члены семьи получают обычную ставку пособия или зарплаты. Совокупность всех этих методов ведет к дальнейшему ухудшению положения всего рабочего класса, независимо от того, работают ли отдельные рабочие или они находятся без работы.

Если в поисках работы безработный переезжает в другой город, то он теряет право на пособие и считается «нежелающим трудиться». Тысячи бывших членов компартии, а также и социал-демократической партии, если они не брошены в концентрационный лагерь, не могут получить работы. Им принципиально не выплачивается никакого пособия. Десятки тысяч женщин, которые уволены якобы для замены их мужчинами, также лишены всякого пособия. Прибавки на квартирную плату, добавочная помощь безработным в случае болезни также отменены. Подростки, отказывающиеся от даровой работы в кулацких хозяйствах, тысячами снимаются с пособия. Все это далеко не исчерпывает списка изощренных методов ограбления безработных.

Преобразование Германии в казарму

В своей речи 1 мая 1933 г. Гитлер объявил о своем «четырёх-летнем плане». Введение трудовой повинности было объявлено при этом основным пунктом национал-социалистической программы. После того как, по заявлению Гитлера, «революция» окончена, трудовая повинность служит фашистским писакам доказательством «социалистического характера революции Гитлера». В лагере трудовой повинности («спасают честь труда», там «создается дух единства народа», там «преодолеваются классовые противоречия». Письма рабочих из лагерей трудовой повинности об отвратительной пище, о жестоком обращении с рабочей молодежью, сообщения о забастовках и «бунтах» показывают истинный характер лагерей трудовой повинности. Они являются одним из наиболее утонченных и жестоких средств подавления рабочего класса и военной подготовки трудящейся молодежи к империалистической войне.

Существовавшие до Гитлера лагеря «добровольной» трудовой повинности, организованные Стальным шлемом, национал-социалистами, католическими союзами, социал-демократами и рейхсбаннером, в настоящее время унифицированы под гегемонией национал-социалистов.

Вожди социал-демократии и реформистских профсоюзов и в

¹ «Berliner Tageblatt». 30/VIII 1933.

этой области содействовали осуществлению планов правительства Гитлера путем идеологической обработки рабочих и частично путем проведения также предварительной организационной работы.

При всех формах принудительного труда буржуазия пыталась осуществить милитаризацию труда как средство, особенно благоприятное для снижения зарплаты и борьбы за капиталистический выход из кризиса. Однако проведение добровольной трудовой повинности и обязательной трудовой повинности должно выполнить для целей германского империализма непосредственные военные задачи.

Еще до прихода Гитлера к власти орган офицеров рейхсвера «Deutsche Wehr» открыто указывал цель трудовой повинности. В номере от 6 января 1933 г. говорится:

«Центральными вопросами добровольной трудовой повинности являются для нас не обработка новой земли и возникновение новых дорог, не ликвидация безработицы, а дисциплинирование молодежи, объединенной в суровом лагере в качестве солдат. В этой мужественной прусской школе характеров заключается смысл трудовой повинности. Работа как таковая является средством для достижения цели, а ликвидация безработицы является полезным и радостным побочным явлением. Мы склонны до некоторой степени приветствовать безработицу, так как она нам дала особенно ценную форму лагеря».

Тот же журнал показывает, как еще тогда (до Гитлера) происходило обучение. Имперский комиссар трудовой повинности по Померании пишет:

«Эта задача (подготовка руководителей) находится сейчас исключительно в руках людей, воспитанных в трудовой повинности или спортивном движении и прошедших военное обучение. Отсюда вытекает сильное подчеркивание военной идеи, которая еще усиливается докладами о вооружении и основательным обучением участников курса военному спорту».

Наряду с военным обучением молодежь подвергается «идеологическому» обучению, для того чтобы не допустить революционирования молодежи и поставить ее на службу фашистской идеологии.

Как раз в этой области социал-демократия, союз социал-демократической молодежи и рейхсбаннер провели особенно активную подготовительную работу.

В теоретическом органе объединения реформистских профсоюзов за декабрь 1932 г. Вальтер Паль писал: «По мнению организаций рабочего движения положительное отношение к добровольной трудовой повинности является возможным только во имя социально-педагогического воздействия».

Трудовая повинность смягчает нужду молодежи, — кричали социал-демократы. Дискуссионный орган «левых» в германской социал-демократии «Die marxistische Tribune» писал: «Работа широких масс промышленной молодежи так однообразна, что деятель-

ность в лесу на земляных работах или при работах по распланировке спортивных площадок может явиться для них переменной по сравнению с механическим трудом на заводе». А в одном из постановлений центрального правления союза социал-демократической молодежи говорится, что членам союза «разрешается участие в работах по линии добровольной трудовой повинности», для того чтобы не оставить неиспользованным ни одного средства, способствующего «смягчению нужды нашей молодежи».

По вопросу о содержании в казармах мнение объединения реформистских профсоюзов совпадало с политикой национал-социалистов. В той же статье в журнале «Arbeit» говорится: «Нет никакого сомнения в том, что закрытый лагерь лучше всего гарантирует выполнение педагогических задач добровольной трудовой повинности».

О том, каковы эти «педагогические» задачи, дает ясный ответ «Bergwerkszeitung»: «Изъять участников трудовой повинности из их прежней обстановки (т. е. из их классовой обстановки. — *Авт.*) и этим обеспечить усиление влияния на них со стороны вождя».

Формальное законодательное введение обязательной трудовой повинности не проведено в Германии, так как комитет Женевской конференции запретил правительству Гитлера введение обязательной трудовой повинности. Конечно это запрещение не оказало на национал-социалистов большого влияния. Разница заключается только в том, что теперь они стали осторожнее выступать со своими заявлениями и говорят лишь о военном характере обязательной трудовой повинности в других странах.

«Добровольная» трудовая повинность

Практически организационная база трудовой повинности полностью создана административным путем и без законодательного введения обязательной повинности. С декабря 1933 г. существует бюро для явки «желающих участвовать в трудовой повинности». Как сообщает «генеральный врач» трудовой повинности, особо назначенными для этого врачами выработаны «единые директивы для установления пригодности» к трудовой повинности.

Участвующие в трудовой повинности носят форму, приносят присягу и живут в лагерях в условиях военной дисциплины. Они не получают заработной платы или жалованья, им выплачивается лишь несколько пфеннигов карманных денег.

В системе германских вооружений перед трудовой повинностью ставится особая задача: поскольку еще не может быть открыто проведена всеобщая воинская повинность, создание организации для выявления и учета лиц, годных к военной службе и частично обученных в военном отношении. При изменившемся внешнеполитическом положении легко преобразовать созданные таким образом организации в организацию всеобщей воинской повинности. Главным средством принуждения рабочих

к трудовой повинности является лишение пособия по безработице и обречение их тем самым на жесточайшую нужду и голод.

Официально признаваемое число участников трудовой повинности составляет около 300 тыс. человек. Это мужчины не старше 25 лет. Введением «трудового паспорта» в декабре 1933 г. создано новое средство принуждения против рабочих. Тот, кто не имеет «трудового паспорта» с отметкой о прохождении службы по линии трудовой повинности, не может получить работы.

Опубликованный в «Völkischer Beobachter» от 30 ноября 1933 г. приказ руководителя трудовой повинности полковника Гирля показывает, что в лагерях трудовой повинности растет сопротивление рабочей молодежи:

«Я неоднократно слышу, что в лагерях трудовой повинности бесчинствуют безответственные болтуны и сплетники.

Частично эта болтовня сознательно служит подрывной работе против лиц или учреждений трудовой повинности».

Далее следует угроза усиления террора:

«Я прошу все официальные учреждения оказать мне содействие в деле коренного пресечения этих происков». Для того чтобы еще больше скрыть военный характер трудовой повинности, он заявляет: «Трудовой повинности нужны не болтливые, злобствующие кумушки, а мужчины, которые тихо и преданно выполняют свой долг».

Следствием этого предписания является заключение все большего числа молодых рабочих в концентрационные лагеря. Так например по сообщению «Frankfurter Zeitung» от 28 ноября 1933 г., в лагере в Гомберг «одобрительного отзыва об СССР» было достаточно для ареста 12 молодых рабочих.

Фашистская рабочая политика в Германии

Стремление буржуазии к усилению эксплуатации рабочего класса возрастает в эпоху общего кризиса капитализма одновременно с ростом сопротивления пролетариата и назреванием революционного кризиса.

Обострение общего кризиса чрезвычайно затрудняет сбыт производимых товаров по ценам производства. Мероприятия гитлеровского правительства еще более сужают рынки сбыта. Этому содействует и дальнейшее снижение жизненного уровня масс.

В настоящий период перехода к «депрессии особого рода» буржуазия в стремлении повысить рентабельность капитала прибегает к дальнейшему чрезвычайному нажиму на условия труда рабочего класса (снижение заработной платы, повышение выработки, дальнейшее развитие рационализации).

Германская буржуазия не в состоянии осуществлять дальнейший нажим на жизненный уровень масс одними только старыми методами усиления эксплуатации. Фашизм нужен ей также и в качестве непосредственного орудия повышения прибылей. Новое в применении старых методов заключается именно в том, что они теперь применяются в тесной связи с

грубым открытым террором и безудержной демагогией. При огромном масштабе снижения жизненного уровня рабочих за годы кризиса дальнейшее, хотя бы и относительно менее значительное, снижение его может быть достигнуто лишь путем исключительного нажима.

Буржуазия отдает себе отчет в том, что этот чрезвычайный нажим создает в то же время возрастающую угрозу ее господству.

Антикапиталистические маневры национал-социалистов

До своего прихода к власти национал-социалисты не скупились на радикальные фразы, предназначенные для рабочих. В мирных переговорах с предпринимателями, в докладах в союзах предпринимателей, в «союзе господ» они выступали совершенно иначе. Здесь речь шла о финансировании предпринимателями национал-социалистской пропаганды. Здесь перед своими заказчиками они доказывали свое истинное лицо.

В своей печати они вели «борьбу» против дальнейшего снижения заработной платы. Они спекулировали на антикапиталистических настроениях масс и бушевали против «реакции». Наивысшей точки своего развития эта демагогия достигла в последние месяцы 1932 г., в особенности во время берлинской забастовки рабочих городского транспорта в ноябре. Национал-социалисты делали вид, будто бы они стоят на стороне бастующих и борются против Папена, в то время как за кулисами готовили предательство: захват власти совместно с Папеном.

«Ошибочный путь германских предпринимателей» — так озаглавлена длинная статья в «Angriff» от 20 июля 1931 г., в которой «политика работодателей в области заработной платы» именуется «самоубийственной» и враждебной рабочим. В предназначенном для рабочих журнале¹ национал-социалисты призывали к борьбе против «темной реакции» на защиту «завоеваний профсоюзов»(!). Одна из статей озаглавлена следующим образом: «Пусть подыхает рабочий — только бы хорошо жилось реакционным капиталистам!» Этот заголовок напечатан жирным, кричащим шрифтом. Смысл новых чрезвычайных декретов характеризуется следующим образом: «Капитализму все. Рабочему ничего». В программной статье Грегора Штрассера провозглашается «положительное отношение к тарифному законодательству», правда, с такими оговорками и «исключениями», которые лишают тарифный договор всякого смысла и значения для рабочих.

Теперешний министр пропаганды Геббельс, бывший тогда руководителем берлинской организации национал-социалистской партии, заявил 4 сентября 1932 г. на совещании представителей национал-социалистских заводских ячеек: «В настоящее время мы все могли бы быть министрами, нам были бы предоставлены высшие должности и чины. Для этого достаточно было

¹ «Arbeitertum» № 15, 1932.

бы «только» отказаться от нашей социалистическо-революционной программы». Это был период, когда национал-социалисты выдвигали на первый план свою социальную демагогию.

Что сделали эти «защитники» заработной платы и тарифных договоров после прихода к власти?

«Приискивание работ»

До захвата власти Гитлером во время стачечной волны осенью 1932 г. национал-социалистическая партия заявляла, что уровень зарплаты германских рабочих «снижен до прожиточного минимума и даже ниже его».

Когда германская монополистическая финансовая олигархия передала власть Гитлеру, то было ясно, что это произошло в первую очередь с целью обеспечить господство эксплуататоров. Одновременно перед фашистской диктатурой стояла задача увеличения массы прибавочной стоимости и усиления эксплуатации пролетариата.

Однако свыше половины промышленных рабочих находилось без работы и вообще не могло быть использовано для создания прибавочной стоимости.

Таким образом фашистская диктатура начала с попытки снова вернуть эти массы к эксплуатации их в производственном процессе. Так как действительное препятствие для их эксплуатации заключалось в нарушении капиталистической рентабельности, то фашистская диктатура начала с попытки восстановления рентабельности капиталистических предприятий. Она выработала ряд программ по приискиванию прибыли и назвала их программами по приискиванию работ. Принцип этих последних заключался прежде всего в непосредственном или косвенном приискивании заказов для монополистических отраслей крупной промышленности и в повышении использования производственной мощности. В основном все эти мероприятия были одновременно мероприятиями по вооружению. Первым крупным мероприятием были субсидии автомобильной промышленности, главным образом путем освобождения ее от налогов. Затем последовал знаменитый «закон о приискивании работ», изданный в июне 1933 г.

Закон наметил предоставление 1 млрд. марок из государственных средств, для того чтобы стимулировать проведение следующих работ:

1. Ремонт всякого рода зданий.

2. Мелиоративные работы, дорожное строительство, муниципальное строительство, оборудование газовых заводов, водопроводов, электрических станций.

3. Разрешение всем капиталистам полностью исключить из обложения налогом суммы, затраченные на приобретение машин, орудий и инструментов, рассчитывая тем самым побудить к повышению заказов на средства производства и вызвать расширение сбыта отраслей промышленности, производящих средства производства.

4. Капиталистам, авансирующим денежные суммы на прискаание работ, 25% этой суммы засчитывалось в счет уплаты подоходного налога. Одновременно они освобождались при этом от судебного преследования за все совершенные в прошлом проступки, связанные с неуплатой налога.

Что давало «прискаание работы» самим безработным? Закон принуждал их к тяжелой работе при следующей еженедельной зарплате:

1. Получение прежнего пособия по безработице или благотворительного пособия, составляющего в среднем по Германии меньше	9	марок
2. Получение б н, дающих право на получение одежды и т. п. на 25 марок в месяц, т. е. в неделю	6,25	”
3. 6 горячих обедов по 0,20 марки, т. е. в неделю	1,20	”

Итого . . . 16,45 марки

Официальная тарифная зарплата составляла в этот период 34,20 марки в неделю. Безработных принуждали к этой работе, так как в случае отказа их снимали с пособия и кроме того бросали в концентрационный лагерь и жестоко пытали.

Далее закон содержал постановление, согласно которому государство может выплачивать вступающим в брак пособие в размере «до тысячи марок» в форме бон на покупку мебели, домашней утвари и т. п. в том случае, если они обязуются ежемесячно уплачивать по 10 марок, а работница, выходящая замуж, обязуется после получения денег не работать в промышленных и прочих предприятиях.

Это условие могут выполнить только более высоко оплачиваемые рабочие, служащие и чиновники; таким образом этим мероприятием воспользовались главным образом служащие, чиновники и прежде всего национал-социалистские активисты, которым правительственные органы аннулировали задолженность по ссудам. Чем больше детей будет у вступивших в брак, тем большая часть задолженности по ссуде аннулируется.

Оплачивать это должны молодые рабочие и служащие. Закон предписывает, что суммы, необходимые на выплату ссуд, должны поступить от налога на холостяков в размере от 2 до 5% дохода. Таким образом эти суммы уплачиваются массами трудящихся.

«Национал-социалисты не допустят дальнейшего сокращения зарплаты»

Рассчитывая на поддержку социал-демократов, правительство Гитлера маневрировало, заявляя при истечении срока действия тарифных договоров для 4 млн. рабочих в конце марта 1933 г., что «существующие условия зарплаты и труда» должны быть сохранены. Вождь Стального племени, имперский министр труда Зельде, опубликовал соответствующее письмо организациям предпринимателей. Срок действия тарифных договоров был продлен для 600 тыс. текстильщиков до 31 января 1934 г., а срок действия соглашения о зарплате горной промышленности Рурской

области был продлен до 30 сентября 1933 г. Опираясь на предательство социал-фашистских лидеров национал-социалисты могли распространять среди рабочих свои демагогические лозунги «тарифного мира» и «защиты тарифных договоров». Однако уже при продлении срока действия тарифного соглашения для горной промышленности Рурской области «Berliner Tageblatt» от 22 марта 1933 г. писал: «Этим перезаключением соглашения союз горнозаводчиков никоим образом не отказался от своего старого требования «ослабить действие тарифных договоров». Он также не отложил это требование до 30 сентября, а только опирается на намерения имперского правительства, о которых представители работодателей горной промышленности Рурской области во всяком случае будут информированы». Фактические диктаторы Германии действительно были хорошо информированы и знали, что дело идет о маневре, для того чтобы вскоре с большим успехом перейти к наступлению на тарифные договоры и зарплату.

Доверенного рурских горнопромышленников предпринимателя Мансфельда Гитлер назначил руководителем отдела «тарифной политики и трудового права» имперского министерства труда. Одновременно Зельдте заявил, что политика заработной платы также должна быть подчинена целям борьбы с безработицей, а для этого необходимо преодолеть «закостенелость тарифной системы». Это было старое требование капиталистов, лозунг, под которым предприниматели вели борьбу за уничтожение тарифных договоров.

Уже первое новое соглашение о зарплате — тарифный договор для строительных рабочих, заключенный 3 марта 1933 г., — означал даже по официальным данным сокращение заработной платы. В имперском договоре для строительных рабочих почасовая плата квалифицированных рабочих была установлена в размере 62,2 пфеннига, т. е. на 2,7 пфеннига (3,6%) ниже прежних ставок. Введение новых сниженных территориальных поясов означало еще более значительное сокращение заработной платы в мелких поселениях с числом жителей до 60 тыс. человек.

Это касается только тарифной ставки. Сверхтарифные прибавки и сдельная зарплата были снижены не только для строительных, но и для остальных рабочих. Снижение этих ставок еще превышает сокращение почасовых ставок заработной платы. Следующий факт показывает, что лозунг «тарифного мира» являлся и является демагогической ложью. Журнал имперского министерства труда «Das Reichsarbeitsblatt», недоступный широким кругам, регулярно публикует список вновь заключенных тарифных договоров. Отсюда видно, что со времени прихода Гитлера к власти фашистские диктаторы по вопросам заработной платы — так называемые «попечители труда», — навязали рабочим большое количество новых тарифных соглашений, сокращающих ставки. Так например 31 октября 1933 г. «Bergwerkszeitung» опубликовала сообщение попечителя труда экономического района Вестфалии о ряде предписаний, регулирующих заработную плату. Они касаются рабочих-строителей, текстильщиков, металлистов (Золлин-

ген) и др. Однако не сказано ни слова о том, в чем заключается это «регулирование». Сказано лишь, что «справки об отдельных предписаниях выдаются в бюро попечителей». Национал-социалистские попечители имеют все основания скрывать от рабочих содержание новых «договоров».

Газета «Der Deutsche» являющаяся в настоящее время органом фашистских профсоюзов, так называемого «рабочего фронта», 2 ноября пишет: «Кое-где зарплата даже снижается. Это снижение тарифов, с одной стороны, и повышение цен, с другой стороны, являются безответственными». Безответственными? Ведь заработная плата устанавливается национал-социалистскими попечителями труда. Их задачей является проведение политики Третьей империи по отношению к рабочим. Они являются надежными исполнителями воли монополистического капитала. Одной рукой сокращают зарплату, а другой пишут ярые протесты против снижения. Демагогические протесты смолкают (кто еще верит им?), а снижение зарплат остается.

Приведем только один пример из тысяч. Унифицированная «Vossische Zeitung» от 6 декабря 1933 г. сообщает, что в Вальденбурге (Нижняя Силезия) горнорабочий-забойщик, занятый в течение полного рабочего времени, зарабатывает на семью из пяти человек 82,70 марки в месяц, включая прибавку к зарплате. «В соседнем районе Нейродер заработок еще на 12½% ниже. При этом, по данным подробного обследования ведомства по делам благотворительности, жизненный минимум для семьи из пяти человек составляет в районе Вальденбурга в настоящее время 129 марок. Уже теперь заработок рабочего в Вальденбурге иногда совпадает со ставками благотворительного пособия»¹. Это констатирует «Vossische Zeitung» по отношению к зарплате забойщиков. Наземные рабочие зарабатывают еще на 20% меньше.

Стремление рабочих к получению приличных ставок национал-социалисты называют эгоизмом. «Каждый должен стать выше эгоистических стремлений и преодолеть их. Интересы зарплат и дивидендов, как бы болезненно это ни было, должны теперь отступить на второй план перед сознанием необходимости создать ценности, которыми мы сами будем впоследствии пользоваться», — говорит Гитлер в своей речи от 20 марта 1934 г. и тем самым призывает к новому наступлению на зарплату, в то время как дивиденды Круппа, Тиссена и др. за период его господства возрастают.

Фашистская статистика разоблачает самих фашистов

Даже фашистская статистика показывает, что зарплата снижается по всей линии. При уплате заработной платы у рабочего удерживают налог, пропорциональный зарплате. Таким образом сумма поступившего налога на зарплату позволяет судить о движении общего дохода рабочего класса. С апреля до

¹ «Vossische Zeitung» 6/XII 1933.

июля 1933 г. поступления от налога на заработную плату уменьшились на 7% по сравнению с предыдущим годом. Если бы было правдой, что Гитлер дал работу миллионам, то это уменьшение означало бы, что вновь принятые на работу вместе с прежде работавшими зарабатывают меньше, чем до того зарабатывали одни только прежде работавшие. Если же не верить цифрам об уменьшении безработицы, то данные о движении налога на зарплату свидетельствуют об уменьшении зарплаты не меньше чем на 7%. Даже Берлинский конъюнктурный институт не может скрыть этот факт. Он прибегает к слишком прозрачному методу. Пока речь идет о снижении поступлений от налога на зарплату до июля, Институт ссылается на снижение зарплаты в конце 1932 г.¹ Через месяц после этого «Wochenbericht» ссылается на то, что «до апреля 1933 г. зарплата в значительных частях народного хозяйства еще снижалась».

Действительно ли зарплата снижалась только до апреля? С 1 января в большинстве предприятий деревообделочной промышленности нет тарифных договоров. Попечитель труда демагогически устанавливает минимальную зарплату и предлагает объявить ее обязательной. Это конечно несколько не смущает предпринимателей. Имперский министр труда официально заявил 7 января 1934 г.: «Отсутствие тарифных договоров привело в сельском хозяйстве и в мелких предприятиях к широкому снижению заработной платы. Это снижение, которое частично несомненно перешагнуло далеко за пределы допустимого, само по себе конечно очень прискорбно. Однако это факт».

«Vossische Zeitung» от 28 сентября пишет: «Различные попечители труда и высокие государственные чиновники высказались против нового сокращения заработной платы... Вновь принятые на работу (в течение кампании за предоставление работы) не получают полной зарплаты. Во многих случаях произошло значительное фактическое снижение дохода рабочих, так что в настоящее время зарплата частично достигла почти (?) минимальных пределов... Даже католическая венская «Reichspost» может с полным правом констатировать: «Гитлеровское генеральное наступление» на безработицу выражается не только в том, что выплачивается пособие за счет тех, кто еще работает на предприятиях, т. е. одной рукой отбирают то, что дали другой, но выражается и в том, что в результате этого наступления уменьшается общий доход лиц, получающих зарплату».

Об этом свидетельствуют также балансы крупнейших горно-промышленных предприятий Германии за истекший год. Эти балансы ярко показывают итог господства Гитлера: снижение налогов для капиталистов при росте оборотов, снижение расходов предпринимателя на социальные взносы, с одной стороны, и сокращение зарплаты при интенсификации труда рабочих — с другой.

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung», 6/LX 1933.

Налоги и расходы на социальные взносы (в млн. марок)

	Налоги		Социальные взносы	
	1931/32 г.	1932/33 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Гутеhoffnungсхюте	5,45	4,14	6,33	4,96
Клякнер	4,44	3,80	4,32	4,30
Геш	4,91	4,50	6,96	6,26
Крупп	10,50	10,57	13,68	12,77

Количество рабочих и сумма зарплаты (в млн. марок)

	Число рабочих		Сумма зарплаты	
	1931/32 г.	1932/33 г.	1931/32 г.	1932/33 г.
Гутеhoffnungсхюте	16 266	16 197	38,85	31,14
Клякнер	14 662	15 249	—	27,91
Геш	18 961	0 239	43,60	33,98
Крупп	35 647	43 409	69,57	67,43

За исключением Гутеhoffnungсхюте повсюду возросло число рабочих при одновременном значительном снижении суммы зарплаты. Возросшее число рабочих зарабатывает сейчас меньше прежнего числа рабочих.

У Круппа, который в январе 1934 г. опубликовал свой баланс на 30 сентября 1933 г., повышение размеров продукции гораздо значительнее роста числа занятых рабочих. Добыча угля увеличилась на 8%, производство чугуна — на 40,7%, стали — на 22,4% и проката — на 21,5%. Это свидетельствует об усилении эксплуатации путем интенсификации труда. В результате падения суммы выплачиваемой зарплаты и роста интенсивности труда возрастала и прибыль. «Дальнейшей причиной значительного повышения прибылей предприятий является... уменьшение заработной платы», — пишет «Berliner Börsenzeitung» от 1 февраля 1934 г. в день годовщины правительства Гитлера.

В феврале 1934 г. «национал-социалистский рабочий фронт» провел обследование ставок германских рабочих¹. Из его данных выясняется, что ставки зарплаты брутто (не учитывая 15—20% отчисления на налоги и прочие вычеты) не достигают уровня пособия по безработице до прихода Гитлера к власти у 26% строительных рабочих, 27% горнорабочих, 32% лесопромышленных рабочих, 19% металлостроителей, свыше 50% текстильщиков и у 91% рабочих табачных фабрик.

¹ «Wirtschaft und Statistik», 1/VI 1934.

Статистическое управление вынуждено признать после года гитлеровской диктатуры, что в текстильной промышленности тарифные ставки снизились на 15—22%, а недельный заработок (без учета отчислений) на 20—45%.

Эти данные наглядно иллюстрируют, что стало с обещаниями национал-«социалистской» «рабочей» партии Гитлера.

Повышение производительности

В течение всего кризиса и особенно при Гитлере проводилась дальнейшая рационализация. Однако это была рационализация, которая должна была дать капиталу возможность повысить продукцию частично без значительных технических нововведений, без повышения производственной мощности, а главным образом с помощью повышения интенсивности труда, с помощью потогонной системы и более быстрого истощения рабочей силы.

Сравнение промышленной продукции с числом занятых ясно показывает повышение производительности труда рабочего как в период 1929—1932 гг., так и при Гитлере.

Германский конъюнктурный институт приводит следующие индексы за 1929—1933 гг. о производительности труда в час¹:

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
106,6	115,6	121,0	124,4

Если сравнить наиболее низкий уровень производства в августе 1932 г. с январем 1934 г., то получится следующая картина (по официальным данным):

	Общее число занятых рабочих и служащих (в миллионах)	Индекс продукции промышленности	Среднее рабочее время в промышленности
Август 1932 г.	12,72	58,5	6,87
Январь 1934 г.	13,52	77,8	7,19
Рост (в %)	5,6	33	4,6
Годовые данные			
1932 г.	12,5	61,2	6,87
1933 г.	13,0	68,3	7,43
Рост (в %)	4,0	12,4	3,7

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung», 5/VII 1934.

В то время как в 1933 г. число занятых рабочих возросло по сравнению с 1932 г. только на 4%, продукция увеличилась на 12,4%. Таким образом при сокращении числа работающих неполную рабочую неделю, повышение среднего рабочего времени составило только 3,7%.

Приведенные цифры свидетельствуют также о том, что повышение производительности было особенно высоко во второй половине 1933 г.

В рурской угольной промышленности добыча угля на рабочего повысилась с 1929 г. по 1933 г. на 32%.

В автомобильной промышленности общая продукция повысилась с января 1933 г. по январь 1934 г. по данным «Deutsche Bergwerkszeitung» от 6 марта 1934 г. на 150%, а число рабочих якобы на 91%.

Сравнение продукции текстильной промышленности в январе 1933 г. с январем 1934 г. показывает, что продукция возросла на 18,6%, а число отработанных рабочих часов — только на 14,5%.

Дополнительное ограбление рабочих

Послушаем свидетеля, который являлся тогда лучшим другом германских фашистов. Итальянская фашистская газета «Il lavoro fascista» от 26 ноября 1933 г. сообщает: «В некоторые дни, в особенности по воскресеньям, Германия производит впечатление гигантской организации попрошаек. Изобретается и методически осуществляется все, что только может выдумать человеческий ум, чтобы побудить людей внести свою лепту. Продаются особые значки самых разнообразных форм. Их продают по таким ценам, что «зимняя помощь» извлекает из них значительный доход. В кино показывают пропагандистские фильмы о новом режиме, а после того как зажигается свет, начинается сбор пожертвований, как в церкви. Тот, кто отказывается внести свою лепту, конечно рискует только (?) тем, что сосед по кино заподозрит его в отсутствии особого расположения к национальному правительству». «Предоставляю читателям, — продолжает фашистский корреспондент, — судить о том, какое приятное душевное состояние создает это положение. В частных квартирах сбор производится подростками, снабженными подписными листами. Если это оказывается нужным, они появляются по несколько раз. Тот, кто жертвует не меньше одного процента своего установленного налогового ведомством заработка, может украсить свою квартиру особым значком, который в течение месяца избавляет его от дальнейших посещений такого рода. На следующий месяц выпускается уже другой значок» и т. д. и т. д.

Таковы методы сбора пожертвований. Однако применяются и другие способы: как уже было отмечено, под звучным названием «поощрения заключения браков» введен новый налог в размере 2—3% ежемесячного дохода для всех холостых рабочих и работниц. При этом необходимо иметь в виду, что половина всех работающих относится к категории холостых.

На предприятиях рабочих заставляют «добровольно» вносить ежемесячно от 1 до 3% зарплаты в качестве «пожертвования для укрепления национального труда». Для верности эта сумма вносится предпринимателем, который затем удерживает ее из зарплаты. Собираются еще жертвования в пользу «жертв труда», «пожертвования для безработных штурмовиков», «пожертвования для национал-социалистской благотворительности». Перечень этих способов грабежа в форме жертвований был бы бесконечным.

Если учесть все это, то окажется, что за время правительства Гитлера реальная зарплата упала не менее чем на 10%, а в отдельных крупных отраслях промышленности (текстильной, строительной, горной) на 15—20%. Особенно низко оплачиваются вновь принятые рабочие и работающие неполное время.

Снижение номинальной зарплаты представляет не меньше 5—6%, новые налоги составляют от 2 до 3%, а остальное приходится на грабеж при помощи «пожертвований». Кроме того даже официальная статистика показывает повышение стоимости жизни и рост розничных цен. Особенно значительно вздорожание отдельных товаров, так например маргарина на 40%, масла на 25%, мяса на 8,8%, гороха на 39%. Сахар, цена на который за годы кризиса поднялась до конца 1932 г. на 17,5%, при национал-социалистском правительстве вздорожал еще на 3,4%. По официальным данным стоимость питания поднялась с февраля по сентябрь на 4,4%.

Рост дороговизны в течение года, с марта 1933 г. по март 1934 г., выражается в следующих цифрах (1913 = 100):

	Март 1933 г.	Март 1934 г.
Индекс прожиточного минимума . . .	116,6	120,6
Индекс стоимости питания	106,2	113,5

Фактический рост дороговизны еще больше, так как цены на продукты, имеющие наибольший удельный вес в бюджете пролетарской семьи, возросли больше всего, да и официальные данные показывают увеличение стоимости питания на 7%. В Германии едва ли имеется в настоящее время рабочая семья, в которой не было бы безработного. Не получая пособия или получая уменьшенное пособие, безработные еще больше обременяют работающих членов семьи. Сокращение заработной платы, лишение пособия, снижение пособий по болезни и дороговизне резко усиливают обнищание рабочего класса.

Национал-социалистские «защитники» профсоюзов

Одновременно с заключением в тюрьмы десятков тысяч лучших революционных бойцов германского рабочего класса, одновременно с жестокими пытками и зверским убийством тысяч пролетариев, национал-социализм, ввиду растущего организованного компартией сопротивления рабочих, вынужден прибегать к ряду

маневров, внешне противоречащих друг другу. Первое время национал-социалисты продолжали социальную демагогию, спекулируя на антикапиталистических настроениях трудящихся масс. Возникла легенда о национал-социалистской «революции» против марксизма и против «марксистски настроенных предпринимателей». Национал-социалисты изображали себя в качестве защитников профсоюзов, заработной платы и тарифных договоров. Они временно терпели выступление «снизу» национал-социалистских организаций против капиталистов. Безработным раздавали хлеб и масло по сниженным ценам. В день рождения Гитлера раздавались подарки. Несколько трамвайщиков, уволенных во время ноябрьской забастовки на берлинском трамвае, были снова торжественно приняты на работу. Окружные руководители национал-социалистской заводской организации «запрещали» сокращение производства и увольнение рабочих на тех предприятиях, где кто-либо из служащих или директор получал свыше 500 марок в месяц. С большим шумом были снижены оклады жалованья нескольких бургомистров. Сам Гитлер отказался от получения своего жалованья в качестве имперского канцлера.

Когда Гугенберга нужно вытеснить из правительства, для того чтобы получить возможность беспрепятственно выполнить фашистскую программу, в национал-социалистской прессе началась кампания против «реакции». Козырем национал-социалистов был «социализм». «Социализм остается», — заявил Кубе. Далее он продолжал: «Несколько недель тому назад какой-то государственный деятель, не являющийся национал-социалистом, сказал, что национал-социалистскую рабочую партию надо отучить от социализма. Он не знал, что говорит. С таким же успехом можно было бы отучить от чувства германской чести. Мы не забудем, что... мы должны остаться национальными социалистами».

Фразой «Дорогу социализму!» заканчивается статья в «Westdeutscher Beobachter» о конфликте между Гугенбергом и имперским комиссаром народного хозяйства. Национал-социалисты пытаются использовать даже популярность пятилетнего плана среди германских трудящихся. Гитлер провозгласил 1 мая 1933 г. свой четырехлетний план. 1 мая был объявлен национальным «праздником труда» со всеобщим прекращением работы и выплатой зарплаты. Однако обещанное не было выполнено. Профсоюзы, еще находившиеся тогда под руководством социал-демократов, призвали рабочих к массовому участию в национал-социалистских демонстрациях. Реформисты поддержали этот маневр национал-социалистов и своим заявлением, что «объявление боевого праздника рабочего класса национальным праздником 1 мая 1933 г. будет воспринято как победа» (!). Буквально так говорится в передовице органа объединения реформистских профсоюзов «Gewerkschaftszeitung». Дальше орган реформистов приравнивает демагогию национал-социалистов к «социализму» и заявляет: «Этим мы впервые действительно выполняем предпосылки успешного начала социалистической перестройки общества».

*Готовность социал-демократических профсоюзных вождей
к сотрудничеству*

Хотя после пожара рейхстага национал-социалисты еще оставили профсоюзы под руководством социал-демократов, но было ясно, что тем самым они допустили существование рабочей организации, которая становилась опасной для национал-социалистической диктатуры. Конечно для национал-социалистов были опасны не реформистские вожди. Реформистские вожди соревновались в погоне за «унификацией». Еще в марте объединение реформистских профсоюзов заявило: «...в ходе своей истории... профсоюзы... все более и более срастались с государством». «Они (руководимые реформистами профсоюзы) вполне готовы... постоянно сотрудничать с организациями предпринимателей в вопросах заработной платы и условий труда в духе самоуправления хозяйства. Государственный контроль за такой совместной работой профсоюзов мог бы при известных условиях способствовать этой работе, повысить ее ценность и облегчить ее проведение». Реформисты были готовы даже принести свои организации в жертву. В цитированном заявлении говорится: «Они не требуют для себя монополии. Соблюдение интересов рабочих выше формы организации». Они отказываются и от своей партии, от социал-демократической партии. Профсоюзы должны быть «независимы от политических партий». В смысле этой декларации объединения реформистских профсоюзов началась добровольная унификация отдельных организаций. Фашисты были избраны в руководящие органы, а «левые» и евреи удалены. 2 апреля правление профсоюза технических служащих («Butab») постановило «признать своим долгом предоставить все звенья союза в распоряжение имперского правительства и правительств провинций для сотрудничества при разрешении великих задач».

5 апреля состоялось совещание правления объединения реформистских профсоюзов с представителями национал-социалистских заводских организаций. В выходящем в Праге органе эмигрировавших социал-демократических лидеров опубликовано то, о чем говорилось на совещании. Цитируем дословно:

Брукнер (представитель национал-социалистской заводской организации) очень дружелюбно приветствовал Лейпарт как старого знакомого и затем открыл заседание. Лейпарт хотел получить гарантию того, что совещание останется тайным.

Брукнер заявляет: «Опубликование будет произведено только с обоюдного согласия. Совещание должно вестись искренно и останется секретным».

Лейпарт: «Господа, я обращаюсь к вам как немец». Затем он просит национал-социалистов прекратить нападения на членов профсоюзов и продолжает: «Вы намерены уничтожить профсоюзы». (Все представители национал-социалистов: «нет, мы не хотим этого, этого хочет Гугенберг».) Лейпарт продолжает: «Если бы после принятия власти Адольф Гитлер выступил с своей первой речью к германскому народу как рейхсканцлер,

а не как член партии, и если бы национал-социалистские министры, в особенности Геринг, меньше (!) обращались к силе, то профсоюзы стояли бы за этим правительством, так же как и за каждым из предшествующих правительств». Затем он спрашивает: «Я прошу объяснить, как вы (национал-социалистская заводская организация) представляете себе сотрудничество, как должна выглядеть единая организация и кто должны быть ее вожди».

Этот последний вопрос был самым важным для вождей реформистских профсоюзов.

Брукнер ответил:

«Мы будем сотрудничать с вождями профсоюзов. Правда, отдельные вожди должны быть устранены. Вопросами мировоззрения вы больше не должны заниматься. Ни при каких обстоятельствах мы не потерпим, чтобы вы представляли политическое течение». Для успокоения Лейпхарта Брукнер говорит: «Мы не выбросим старых борцов на улицу. Старейшим лидерам будет оказана помощь».

Когда представители национал-социалистов заявляют, что для руководства профсоюзами будут назначены и не профсоюзники, в беседу вмешивается другой вождь реформистов, Грассман. Он указывает национал-социалистам, что реформистские вожди лучше могут изложить рабочим национал-социалистскую политику, чем назначенные национал-социалистами новички.

Унификация профсоюзов

Возникает вопрос, почему при этой безоговорочной готовности реформистских вождей идти с национал-социалистами, эти последние 2 мая, через день после провозглашенной АДГВ «победы», все же прибегли к «унификации» профсоюзов. Чувствовали ли себя национал-социалисты настолько сильными, что они могли отказаться от поддержки социал-демократии и от проводимой социал-демократами фашизации? Ничего подобного. То, что национал-социалистам будет обеспечена поддержка социал-демократических вождей, выяснилось очень скоро, когда 17 мая 1933 г. социал-демократы открыто выступили в рейхстаге за Гитлера. К «унификации» профсоюзов Гитлер был вынужден прибегнуть. «Унификация» является выражением слабости фашизма, она служила введением к полной ликвидации последней легальной массовой организации рабочего класса. Германию 1933 г. нельзя сравнить с Италией 1921 г. — Германию с значительным удельным весом пролетариата, с высоко развитой промышленностью, с организационными традициями рабочего класса и прежде всего с наличием, при чрезвычайно обостренных классовых противоречиях, подготовленной, сильной коммунистической партии, насчитывающей миллионы сторонников, и при падении влияния социал-демократии на рабочие массы. Это означает, что всякая, даже руководимая социал-демократами или фашистами, легальная организация рабочих, всякое

объединение рабочих могло бы быть использовано классово сознательным революционным авангардом пролетариата в качестве инструмента для организации масс на борьбу за свержение фашистской диктатуры. Эта опасность вынуждает Гитлера как «спасителя» диктатуры буржуазии расплыть и разбивать всякую рабочую организацию. Слабость германской буржуазии в нарастающей революционной борьбе вынуждает буржуазию отказаться от ряда маневров, применяемых в других фашистских странах.

В фашистской Италии профсоюзы еще в течение ряда лет после прихода Муссолини находились под руководством итальянских реформистов. После унификации Муссолини попрежнему разрешал профсоюзам вести переговоры с предпринимателями, заключать коллективные договоры и т. д. Это делалось с целью вызвать у итальянских рабочих иллюзию, что фашистские профсоюзы при поддержке государства действуют в интересах рабочих против капиталистов. У назначенных Муссолини руководителей профсоюзов не было недостатка в демагогии. Радикальные речи на собраниях, еще более радикальные статьи в профсоюзной прессе служили маскировкой того, что итальянские рабочие отданы на произвол крупных капиталистов. Период относительной стабилизации капитализма облегчал Муссолини демагогию. В настоящее время он вынужден постепенно ликвидировать эту демагогию. Преобразование профсоюзов, построение «корпоративного государства» должно содействовать преодолению затруднений, возникающих в результате сопротивления итальянских рабочих.

Опираясь на национал-социалистское массовое движение при приходе Гитлера к власти, германская буржуазия не хотела, а ввиду растущего революционного сопротивления не могла копировать маневры Муссолини с фашистскими профсоюзами. Несмотря на это и германская буржуазия маневрировала в вопросе о профсоюзах. Разгром профсоюзов происходил постепенно. Сначала террор, при помощи которого рабочие должны были быть удержаны в профсоюзах «рабочего фронта», сопровождался льстивыми фразами, обещаниями, использованием иллюзий отдельных рабочих о том, что национал-социалисты не посягнут на их «права», приобретенные многолетним членством в профсоюзах.

При «унификации» профсоюзов в мае доктор Лей, назначенный «вождем рабочего фронта», заявил:

«Рабочий! Я клянусь тебе, что мы не только сохраним все, что уже имеется, но и расширим защиту рабочего и его прав». «Нашей целью, — заявляли фашисты, — являются сохранение и спасение профсоюзов». Еще в мае 1933 г. при возникновении забастовок национал-социалистские заводские ячейки обещали бастующим денежную помощь. Они демагогически нападали на капиталистов. В мае Лей писал в «Arbeitertum»:

«Мне сообщают, что некоторые безответственные круги работодателей хотят использовать этот период перестройки для расторжения тарифных договоров, снижения заработной платы и уволь-

нения рабочих под якобы «политическими» предложениями. Это — низкий саботаж великого обновления нации».

В захваченных профсоюзах национал-социалисты пытались созвать собрания. Они должны были констатировать, что «уничтоженная» ими классовая борьба продолжается и в унифицированных профсоюзах. Созванные фашистами профсоюзные собрания были сорваны репликами, выступлениями. На заводах нарастало сопротивление против ограбления путем сбора «пожертвований» и снижения зарплат. Неоднократно происходил коллективный отказ от уплаты взносов.

«Попечители труда»

Рост боевого движения рабочих вызвал новую волну террора, а с другой стороны, вынудил национал-социалистов к свертыванию их социальной демагогии. Уже 20 мая 1933 г. Геббельс выступил на собрании актива национал-социалистов с речью против «вмешательства в хозяйство», против «радикалов», которые нетерпеливо требуют от национал-социалистической партии осуществления обещаний. Вскоре появилось заявление Гитлера: «Национальная революция закончена». Того, кто осмелился бы снова напомнить национал-социалистскому руководству о его обещаниях, ожидало заключение в концентрационный лагерь в качестве «саботажника». И действительно, сотни национал-социалистов, штурмовиков, членов национал-социалистских заводских ячеек были брошены в концентрационные лагеря. Как руководимым фашистами профсоюзам, так и национал-социалистским заводским ячейкам было запрещено вести переговоры с предпринимателями о заключении тарифных договоров. В июне правительство назначило для отдельных районов «попечителей труда» — национал-социалистских диктаторов по вопросам заработной платы, которые одни имели право по указаниям предпринимателей устанавливать условия труда.

Закон от 20 июля 1933 г. о «передаче попечителям всех задач арбитража» санкционирует продолжение национал-социалистами практики арбитража, которую в течение многих лет поддерживали реформисты. Сущность дела не меняется тем обстоятельством, что попечитель не обязан перед принятием решения выслушивать мнение профсоюзов. Новым было то, что впредь зарплата во всех случаях устанавливается попечителем труда, в то время как прежде профсоюзы и союзы предпринимателей могли заключать соглашения и без посредничества арбитража.

В то время как все легальные рабочие организации постепенно уничтожались, национал-социалисты маневрировали профсоюзными традициями рабочих и всячески стремились убедить рабочих в том, что национал-социалистские организации не являются желтыми. На заседании «большого рабочего конвента» в конце мая «руководитель германского рабочего фронта» выступил с речью, внешне направленной против капиталистов:

«Вопрос о тарифах не может быть разрешен таким способом, как этого хотели бы некоторые круги. Национал-социализм принципиально отклоняет заводские союзы и заводские тарифы. Методы желтых не встречают сочувствия».

В законе «Об упорядочении национального труда», в этом опубликованном в январе 1934 г. каторжном для германских рабочих законе, национал-социалисты пытаются осуществить как раз то, что они «принципиально» отклоняли в мае 1933 г.

Эти противоречия в национал-социалистической фразеологии и в их маневрах, противоречивые попытки «разрешения» вопроса о профсоюзах отражают и противоречия интересов отдельных групп буржуазии. Однако в первую очередь они показывают, как маневренные возможности буржуазии суживаются под усиливающимся давлением рабочих и как это вынуждает буржуазию к применению жесточайшего, ничем не прикрашенного террора для сохранения господства монополистического капитала.

Каждый предприниматель стремится как можно сильнее снизить зарплату на своем предприятии. В то же время ни один из них не хочет допустить, чтобы конкурирующее предприятие при помощи еще более резкого снижения зарплаты очутилось в более благоприятном положении на рынке. Монополистический капитал хочет сконцентрировать в своих руках весь контроль в области регулирования зарплаты, используя это для конкурентной борьбы с более слабым противником, с тем чтобы на своих собственных предприятиях перейти к жесточайшему наступлению на рабочих. Задачей «попечителей труда» является выполнение этой воли монополистического капитала. Этим объясняется то, что и в рядах буржуазии нашлись группировки, выступавшие за сохранение определенных тарифных соглашений для отдельных предприятий, отраслей промышленности или районов.

Регулирование заработной платы почти всех рабочих тарифными договорами было одним из немногих завоеваний ноябрьской революции 1918 г. Важнейшим пунктом тарифных договоров была их «непреложность», т. е. запрещение предприятиям, охваченным тарифами, заключать индивидуальные соглашения о выплате более низких ставок зарплаты, чем это предусмотрено тарифным договором. Если всеобщий охват предприятий тарифным договором и его непреложность отменяются, то этим самым тарифный договор уничтожается. Под флагом «большей эластичности» тарифных договоров капиталисты боролись против тарифных договоров как таковых. «Объектом критики является не самый тариф, а размер заработной платы и ее недостаточное приспособление к возможностям и потребностям отдельных районов, отраслей или предприятий», — так писал орган тяжелой промышленности «Deutsche Allgemeine Zeitung» 16 декабря 1932 г., после того как наступление Папена на тарифные договоры и зарплату рабочих было встречено волной успешных забастовок. С помощью штрейкбрехерской политики реформистской профсоюзной бюрократии, с помощью официальных арбитражных су-

дов «демократической» республики буржуазии еще до Гитлера удавалось все в большей степени превращать тарифные договоры в орудие борьбы против рабочего класса. Существовавшая перед приходом Гитлера к власти система тарифных договоров уже немногим напоминала те договоры, которые рабочие завоевали в борьбе с буржуазией и против ее воли. Социал-фашисты и в этой области расчистили дорогу Гитлеру.

Еще до Гитлера тарифные договоры были лишены своего содержания и сделаны «эластичными». Гитлеровские попечители с помощью лживого лозунга «тарифного мира» ухудшали договоры для каждого отдельного слоя рабочих, прежде всего для тех слоев, которые могли оказать наименьшее сопротивление (строительные рабочие, с.-х. рабочие, рабочие коммунальных предприятий и т. д.) и при помощи террористического запрещения стачек превратили тарифные договоры в принудительное государственное регламентирование, направленное против рабочих. Сопротивление рабочих на предприятиях, в особенности в крупной промышленности, приняло новые формы: делегации к национал-социалистским заводским комитетам, делегации к дирекции завода, внезапные демонстрации на заводском дворе, пассивное сопротивление. Эти факты показали фашистам рост сопротивления рабочих, показали, что компартия и революционная профопозиция, организуя массы, идут во главе антифашистской борьбы. Это вынуждало фашистов отказаться от всеобщего, одновременного ухудшения тарифных договоров или от их открытой отмены. Политические соображения заставляли монополистический капитал действовать постепенно и сначала сокращать зарплату без отмены тарифных договоров, даже без изменения их. Эти возможности в настоящее время почти исчерпаны. Для «подъема» хозяйства, т. е. для капиталистического выхода из кризиса монополистическому капиталу нужно дальнейшее сокращение зарплат. Тарифные договоры давно перестали быть «договорами». Однако и эти «договоры» должны быть ликвидированы для замены их регулированием зарплаты исключительно в пределах предприятия по произволу предпринимателя и для беспрепятственного введения оплаты соответственно выработке.

Оплата по выработке

Иллюзии германской буржуазии относительно характера депрессии были основой ее надежд на быструю и относительно легкую стабилизацию фашистской диктатуры. Объявленный Гитлером 1 мая 1933 г. «четырёхлетний план окончательного преодоления безработицы» представлял собой спекуляцию на «нормальном» ходе конъюнктурного цикла. Результаты циклического улучшения конъюнктуры могли бы впоследствии быть занесены на счет фашистской диктатуры в качестве ее «успеха», подобно тому как сезонные улучшения каждый раз раздуваются в качестве «достижений» фашистской кампании «создания работ». При достижении «нормальной» высокой конъюнктуры в распоряжении

финансовой олигархии было бы больше материальных средств, для того чтобы бросать подачки отдельным слоям других классов.

Условия общего кризиса капитализма однако же не допускают «нормальной» депрессии, надежда на высокую конъюнктуру отнюдь не гарантирует сколько-нибудь полного использования наличной производственной мощности, факт сокращения материальной базы маневренных возможностей обнаруживается в необходимости быстро сменить старые методы маневрирования новыми и одновременно всеми средствами подавлять требования масс о проведении в жизнь данных в связи с прежними маневрами демагогических обещаний.

В силу этого буржуазия в возрастающей степени вынуждена одновременно с усилением репрессивных методов подавления рабочего класса (сосредоточением всей своей классовой мощи в фашистской диктатуре, усиленным террором против рабочего класса, разгромом легальных рабочих организаций) встать на путь представления привилегий.

Материальная база для возможностей маневрирования

Для подкупа широких слоев рабочего класса у германской буржуазии нехватает материальных средств. Лишенная своих колоний, поставленная в невыгодное положение в международной конкурентной борьбе под тяжестью последствий Версальского договора, обремененная к тому же огромными расходами на быстрое восстановление своих вооружений, германская буржуазия в целом не располагает сверхприбылями в такой же мере, как ее более счастливые международные соперники.

Для подкупа отдельных групп рабочего класса и интеллигенции фашистская диктатура использует награбленные ею средства «унифицированных» рабочих организаций. Многие тысячи должностных лиц национал-социалистической партии получают содержание за счет этих средств.

Отнятые у рабочих в связи с сокращением социальных пособий денежные средства используются частично для финансирования «мероприятий по созданию работ» и создают таким образом базу для развития демагогии вокруг «ликвидации безработицы».

«Авансирование» средств за счет будущих налоговых поступлений — завуалированная инфляция — течет в форме субсидий в карман финансовой олигархии. За счет такого «авансирования», а в известной части и за счет денег иностранных кредиторов стимулируется «оживление хозяйства». В своей речи в Мюнстере министр финансов гитлеровского правительства граф Шверин-Кросиг в ответ на поставленный им самим вопрос, кто собственно оплачивает расходы по «созданию работ», заявил: «Деньги для оплаты всех программ по «созданию работ» берутся взаймы. Я не могу покрыть их из текущего государственного бюджета... Мы по одним только налоговым бонам имеем задолженность, обременяющую бюджеты будущих лет, в сумме около 4 млрд. марок. Все это составляет весьма основательное бремя для будущих бюджетов, в особенности, если принять во внимание, что нам

приходится кроме того влечь по имперскому бюджету еще переходящий дефицит за прошлые годы в сумме 2 млрд.».

Своеобразием всех приведенных источников подкупа является, с одной стороны, то, что они исчерпываются самым быстрым темпом, а, с другой стороны, то, что в результате их использования внутренние противоречия германского фашизма и переживаемые им трудности воспроизводятся в обостренной форме на новой, более высокой ступени.

Попытки создать опору для фашистского режима в среде рабочего класса

Гитлеровскому правительству не удалось превратить захваченные 2 мая 1933 г. профсоюзы в опору фашистского режима, несмотря на готовность социал-демократической бюрократии добровольно перейти в лагерь фашизма и несмотря на все старания и демагогию фашистских комиссаров.

Попытка фашизма завоевать широкие слои рабочего класса потерпела крах.

Стремясь к расширению своей социальной базы, фашизм пытается подкупить отдельных рабочих средствами, не связанными для буржуазии с материальными жертвами, с которыми был связан подкуп старой рабочей аристократии. Вместо повышения заработной платы в качестве такого средства подкупа выдвигается обеспечение постоянной работы, предпочтении при распределении имеющихся свободных рабочих мест. Таким путем бок о бок с поредевшими за годы кризиса рядами старой рабочей аристократии возникают новые своеобразные привилегированные группы рабочих, продавших свои убеждения. Эти новые группы не представляют какого-либо единообразно определенного по своему экономическому месту и значению слоя рабочего класса. Это — незначительная часть квалифицированных рабочих, они не вырастают из решающих участков производственного процесса. Эти группы представляют производственную полицию предпринимателей.

В состав их входят рабочие с национал-социалистским партийным билетом, фашизированные и унифицированные бывшие социал-демократические члены фабрично-заводских комитетов и члены предусмотренных новым «законом о регулировании национального труда» «советов доверенных».

Сюда же относятся новые чиновники, занявшие доходные места в «рабочем фронте», в организации «Радость — сила» и т. д. Вместе взятые эти группы составляют относительно очень малочисленный слой в среде рабочего класса, притом далеко не столь глубоко укоренившийся в рабочей массе, как старая рабочая аристократия или прежняя социал-демократическая бюрократия.

Дифференциация рабочих в предприятиях

Под влиянием кризиса проявилась сильная тенденция к нивелированию отдельных категорий рабочих. Разрыв между отдель-

ными ступенями заработной платы уменьшился. Снижение заработной платы относительно сильнее затронуло наиболее высокооплачиваемые группы. Затяжной характер кризиса, хроническая безработица, текучесть в среде безработных привели к тому, что все большие массы рабочих были прямо или косвенно затронуты последствиями безработицы. Снижение и сильная нивелировка реальной заработной платы рабочих, оставшихся в производстве, были обусловлены не только понижением номинальных ставок заработной платы, вздорожанием жизни (с момента прихода к власти Гитлера), введением новых налогов, но и катастрофическим влиянием безработицы на доходы рабочей семьи. Одна из важнейших тактических задач германского фашизма заключается в том, чтобы задержать эту тенденцию к нивелировке в среде рабочего класса таким путем, чтобы, при одновременном ухудшении положения рабочего класса в целом, добиться усиления тенденций к дифференциации — к расколу среди рабочих. Решение этой задачи может однако быть достигнуто лишь при условии понижения общей суммы издержек по оплате труда, дабы в конечном итоге стоимость этого маневра принесла материальные выгоды буржуазии. Принцип «оплаты каждого по его работе», играющий центральную роль в новом законе о труде, должен способствовать тому, чтобы в пределах каждого отдельного предприятия можно было натравить одного рабочего на другого.

Наторжный порядок на предприятиях

К годовщине фашистской диктатуры были систематизированы и объединены в одном «законе» все проводившиеся шаг за шагом мероприятия в области снижения зарплаты, лишения рабочих всех прав на предприятии, уничтожения коллективных договоров, диктатуры монополистического капитала посредством «почетителей труда». Закон этот называется «законом о национальном труде». Его сущность составляет обеспечение капиталистам неограниченной власти на предприятии.

Его роль сводится к приспособлению условий труда германского рабочего к подготовке войны германским фашизмом. «Осадное положение» должно полностью проводиться на производствах еще в мирное время. В «чрезвычайных случаях» место вождя на предприятии занимает военный комендант.

Изданием этого закона национал-социалистская диктатура сама сбрасывает маску «дружелюбного отношения» к рабочим. Ненависть Гитлера, Геринга и прочих убийц рабочих к пролетариату проявляется без всяких прикрас.

В мае 1930 г. Гитлер беседовал с Отто Штрассером, который стоял тогда во главе оппозиции внутри национал-социалистской партии. Гитлер заявил ему:

«Широкие массы рабочих не хотят ничего другого кроме хлеба и зрелищ, они не понимают никаких идеалов, и мы никогда не можем рассчитывать на завоевание значительной части рабочих. Мы хотим отобрать новый слой господ, ко-

торые не будут руководствоваться какой-либо моралью сожаления, как вы (т. е. Шграссер), а будут иметь ясное представление о своем праве господствовать в качестве лучшей расы и беспощадно обеспечат себе это господство над широкими массами».

Национал-социалистская расовая теория выступает здесь в устах ее представителя как идеология жесточайшего господства монополистического капитала. Низшая раса — это рабочие, а капиталисты, «слой господ» — это высшая раса.

Гитлер особенно подчеркивает, что владельцы трестов, короли угля и железа, принадлежат к «высшей расе». Он заявил во время беседы:

«По какому праву эти люди (рабочие) требуют доли во владении или даже в руководстве?.. Предприниматель, который несет ответственность за производство, дает рабочим хлеб. Именно для наших крупных предпринимателей (это Крупп, Тиссен, Феглер, Борзиг) дело идет не о том, чтобы награть денег или вести приятную жизнь. Самым главным для них является ответственность и власть. В силу своих способностей (!) они достигли вершины и на основе этого отбора, который снова показывает нам высшую расу, они имеют право руководить».

По новому закону капиталисты являются «вождями» предприятия, а рабочие «руководимыми». «Вождь» предприятия решает в отношении руководимых все вопросы по делам предприятия, — гласит закон. «На каждом предприятии вождь предприятия издает письменные правила внутреннего распорядка для руководимых». Правила внутреннего распорядка регулируют рабочее время, зарплату, сдельную оплату, наказания (!), порядок увольнения. Зарплата строится пропорционально выработке. Опубликованные предпринимателем условия обязательны для рабочих.

Закон предписывает, что тарифные договоры, действовавшие 1 декабря 1933 г. или вступившие в силу после этого срока, остаются в действии до 30 апреля 1934 г., «поскольку попечитель труда не внесет изменений или не предпишет их отмены до истечения срока»... Закон о заводских комитетах, законы о защите от увольнения и т. д. отменяются.

Не без основания заявляет итальянская фашистская газета «Il lavoro fascisto»:

«Противоречия между экономическими категориями, которые вычеркнуты законом, но не исчезли из жизни, возможно дадут знать о себе в политической организации, т. е. в таком месте, которое наименее приспособлено для подобной музыки. И это будет пение заглушенным голосом, подпольное. Оно будет сопровождаться опасностями, сопутствующими всякому явлению, которое, будучи выгнано через дверь, вынуждено ввиду отсутствия другого входа возвращаться через окно».

Орган итальянского министерства иностранных дел, «Giornale d'Italia», констатирует в специальной статье о новом законе:

«Многие заметили внутреннее противоречие, которое скрывается в наименовании национал-социализм. Политическое движение является либо национальным, либо социалистическим. Оба понятия непримиримы. Германская революция поторопилась развязать узел чрезвычайно резким способом. От социализма не осталось и воспоминания. Игнорируется весь социальный опыт целого столетия».

Итальянские фашисты насмеваются над своими германскими коллегами. Они думают, что умеют маневрировать лучше последних и не так неприкрыто, не так грубо и откровенно осуществляют политику монополистического капитала.

Почему Гитлер не имеет возможности копировать итальянский пример прошлых лет? Почему он должен отказаться от маневров «дружелюбия» по отношению к рабочим?

Тов. Сталин дал на это ответ в своей речи на XVII съезде ВКП(б):

«Народные массы не дошли еще до того, чтобы пойти на штурм капитализма, но что идея штурма зреет в сознании масс, — в этом едва ли может быть сомнение...»¹.

Этим, собственно, и объясняется тот факт, что господствующие классы капиталистических стран старательно уничтожают или сводят на-нет последние остатки парламентаризма и буржуазной демократии, которые могут быть использованы рабочим классом в его борьбе против угнетателей, загоняют в подполье коммунистические партии и переходят открыто к террористическим методам сохранения своей диктатуры.

Итальянских фашистов беспокоит судьба германского фашизма. На это у них есть основания.

«Когда буржуазия пускает в ход свирепейший террор для подавления революционного движения, то в условиях расшатывания капитализма это не может надолго устрашить передовые силы трудящихся и удерживать их от активных выступлений; возмущение, вызванное этим террором даже у большинства рабочих, шедших за социал-демократией, делает их более восприимчивыми к коммунистической агитации и пропаганде. Когда буржуазия реорганизует на фашистский лад свою шатающуюся диктатуру, чтобы создать крепко сколоченную власть, то в нынешних условиях это приводит к усилению не только ее классового террора, но и элементов дезорганизации ее власти, к разрушению авторитета буржуазной законности в глазах широких масс, к нарастанию внутренних трений в лагере буржуазии и ускорению развала ее главной социальной опоры — социал-демократии»².

---

¹ Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б), Партиздат, 1944 г., стр. 10.

² XIII пленум ИРКИ. Тезисы и постановления. Партиздат, 1934.

АГРАРНАЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ

В сельском хозяйстве Германии — стране высокого развития финансового капитала и монополистических организаций — уже в предвоенные годы в основном господствовал финансовый капитал. Его господство особенно усилилось в послевоенные годы. Однако формы господства финансового капитала в сельском хозяйстве Германии в значительной степени отличаются от форм, существующих в промышленности. Это обусловливается несравненно меньшей степенью концентрации производства и капитала в сельском хозяйстве, чем в промышленности, существованием в сельском хозяйстве многомиллионных масс мелких, распыленных товаропроизводителей. Важнейшими формами осуществления господства финансового капитала являлись: вовлечение крупного землевладения в общую систему капиталистических организаций, кооперативные организации, государственные и полугосударственные организации, банки, кредитная система сельского хозяйства. Промышленность, перерабатывающая сельскохозяйственное сырье (сахарные заводы, мельницы и т. д.), и господствующие здесь монополистические объединения являются также важнейшим рычагом для осуществления господства финансового капитала в сельском хозяйстве. Наконец не последнюю роль играют организации сбытового характера.

Финансовый капитал при посредстве различных организаций производства и сбыта пытается преодолеть главнейшую трудность: распыленность мелких производителей в сельском хозяйстве Германии. Немаловажную помощь в этом оказало ему государство. Сельскохозяйственная кооперация, имеющая свыше трех миллионов членов, была для большинства крестьян фактически принудительной организацией. Ленин в своих работах неоднократно подчеркивает, что кооперация в сельском хозяйстве при капитализме является не чем иным, как монополистической организацией. Молочные, хлебные и другие кооперативные объединения — это «тресты — с хлебом, молоком»¹. Сравнивая кооперацию в сельском хозяйстве и тресты в промышленности, Ленин устанавливает «полную однородность тех и других по их общественно-экономическому содержанию»².

¹ «Ленинский сборник», т. XIX, стр. 332.

² Там же, стр. 2-2.

Социал-демократический реформизм всемерно развивал, поддерживал и укреплял кооперативные организации, эти органы финансового капитала в сельском хозяйстве. Если социал-реформизм объявлял развитие монополистических организаций промышленности «признаком раннего социализма», то в сельском хозяйстве эту же роль он приписывал кооперативам. Бааде на кильском партийтаге говорит:

«Сельскохозяйственная кооперация как сбытовая кооперация производителей является монополистической организацией... мы полностью одобряем развитие кооперации в сельском хозяйстве, потому что воспитание сельских хозяев может быть осуществлено посредством кооперативного объединения, а также потому, что более сильная кооперативная организация сбыта с.-х. продуктов очищает дорогу для последующего общественного регулирования этого сбыта.

Но это то же, что достигается картелями в области промышленности; мы приветствуем ее организационное развитие, потому что посредством этого очищается дорога для последующего общественного регулирования хозяйства».

Ясен явно апологетический характер этой поддержки монополистических организаций в сельском хозяйстве в «интересах социализма».

Правительства Брюнинга и Палена провели ряд мероприятий в направлении принудительного объединения и картелирования различных отраслей сельского хозяйства. В 1931 г. правительство Брюнинга провело принудительное картелирование сахарной промышленности и одновременно сокращение площади сахарной свеклы мелких производителей. Это же правительство издало «молочный закон», запрещающий крестьянам продавать молоко непосредственно на рынок. Но все мероприятия предыдущих правительств, идущие в направлении усиления полного и безусловного подчинения мелкого и среднего сельскохозяйственного производителя финансовому капиталу, были только робкими шагами в сравнении с мероприятиями Гитлера. Под прикрытием громких фраз о борьбе с банковским капиталом, освобождении крестьян от цепей капитализма диктатура гитлеровского фашизма быстрыми темпами осуществляет все, что необходимо финансовому капиталу для усиления эксплуатации широких масс трудящегося крестьянства.

Аграрно-крестьянский вопрос занимал в программе и политике фашистов очень большое место до их прихода к власти и занимает не последнее место и сейчас. Если судить по их словам, то вопросы «благополучия крестьянства» являются якобы основными вопросами германского фашизма. Фашисты объясняют причину их «заботы о сельском хозяйстве» тем, что «крестьянство сохранило в самом чистом виде арийскую кровь», что «крестьянство является основой нации», и тому подобными фразами. В действительности же под этими пустыми фразами мы без большого труда можем вскрыть истинную причину «забот

о сельском хозяйстве» и «благополучии крестьянства». Это: 1) поддержание высоких цен на зерновые и на корма в интересах крупных землевладельцев вплоть до кулаков; 2) экономическая подготовка сельского хозяйства Германии к войне; 3) создание массовой базы фашизма в деревне; 4) переложение тяжести кризиса на трудящееся крестьянство под прикрытием антикапиталистической демагогии.

Несомненно, что важнейшей причиной «забот о сельском хозяйстве» является экономическая подготовка сельского хозяйства к войне, т. е. обеспечение прочной продовольственной базы на случай войны. Опыт мировой войны многому научил германских империалистов. Во всех мероприятиях гитлеровской диктатуры в аграрно-крестьянском вопросе эти моменты можно легко прощупать. Ясно, что национал-социалисты показывают только очень редко, и то вскользь, эти истинные пружины своей аграрной политики. Вилликенс — впоследствии один из лидеров с.-х. сословия — следующим образом пытается объяснить с точки зрения «расовой теории» значение аграрно-крестьянского вопроса и необходимости обеспечения Германии собственными с.-х. продуктами:

«Только тот народ останется здоровым и сохранит свою породу, который готов так питаться, как это ему природа предписывает, и тем, что доставит его отечественная земля»¹.

Итак, питайтесь только продуктами немецкого сельского хозяйства, иначе перестанете быть настоящими арийцами. Эту грубейшую маскировку экономической подготовки сельского хозяйства Германии к войне гитлеровский фашизм преподносит трудящимся как высшее достижение биологии.

«Если мы хотим быть «свободными», мы должны нашу потребность в хлебе снова, как и раньше, на три четверти удовлетворять ржаным хлебом», — заявляет тот же Вилликенс. Он предлагает якобы «в интересах здоровья народа» сократить потребление мяса.

«Реаграризация Германии», «восстановление равновесия между промышленностью и сельским хозяйством» — эти лозунги являлись наиболее модными лозунгами немецких фашистов, которые и на сегодняшний день не сходят со страниц фашистской печати. Расшифровка этого лозунга довольно открыто дана в одной из статей Рудольфа Бомера.

«Для национальной Германии является жизненным интересом быть в состоянии во время войны кормить свое население продуктами своей собственной земли. Это конечно возможно только при условии, если снабжение уже в мирное время будет основано на продуктах германской земли. Таким образом для экономической политики Германии не могут служить определяющим фактором условия производства продуктов питания в других странах»².

¹ Werner Willikens, Nationalsozialistische Agrarpolitik, S. 10.

² «Wirtschaftsdienst», 21/VIII 1933.

Германскому народу нехватает земли для своего пропитания — утверждают фашисты. Из этого они делают вывод о необходимости завоевания новых «плодородных» земель на Востоке, т. е. открыто призывают к контрреволюционной войне против СССР. В целях психологической подготовки немецкого крестьянина к этой войне фашисты распространяют клевету об «ужасах коллективизации», о «голоде в Советском союзе» и тому подобным небылицы.

Германский крестьянин должен быть рад и благодарен, что национал-социалистское правительство в последнюю минуту предупредило «большевистскую опасность», — говорят крестьянам фашисты¹.

В одном из программных документов фашистов о сельском хозяйстве говорится: «Мы признаем не только исключительное значение кормильца нашего народа, но мы видим также в деревенском населении главного носителя национального возрождения, источник молодости народа и опору его обороноспособности»².

Крестьянство — это «опора обороноспособности». Крестьянство, — это самое надежное пушечное мясо, — вот истинные причины «забот о крестьянстве».

В сельском хозяйстве не спрашивают, рентабельно ли предприятие; разве спрашивают о рентабельности армии? — задают вопрос национал-социалисты. Это сравнение показывает нам истинный взгляд фашистов на сельское хозяйство.

Гитлер на одном из заседаний с.х. совета после глубоко реакционных рассуждений о том, что немецкий народ в своей истории уже доказал, что без городов можно существовать, но без крестьянства невозможно, говорил³:

«В городах это национальное восстание не могло бы начаться. Деревня, крестьянство являются, по признанию самого Гитлера, важнейшим опорным пунктом фашистского движения. Это признание одновременно показывает, что национал-социалисты отдают себе отчет в том, что в основной массе городского пролетариата они не достигли каких-либо серьезных успехов. В деревне же часть трудящегося крестьянства дала себя обмануть громкими обещаниями фашистов. Своему возмущению и разочарованию Веймарской республикой крестьяне дали выход в поддержке фашистов. Партия Гитлера выросла в деревне, вначале путем поглощения ряда кулацких партий и организаций, как «германская партия сельского люда» (Deutsche Landvolkspartei) «германская крестьянская партия» (Deutsche Bauernpartei) и ряда других кулацких организаций. Одновременно шло установление тесного организационного и персонального сотрудничества с кулацкой организацией «Landbund». Наряду с этим фашисты организовали свой «аграрно-политический ап-

¹ «Nationalsozialistische Landpost», 13/1 1934.

² Parteiämliche Kundgebung über die Stellung der NSDAP zum Landvolk und Landwirtschaft.

³ «Berliner Börsenzeitung», 5/IV 1933.

парат». С помощью всех этих организаций фашистам удалось завоевать большие массы крестьянства.

Для достижения этой цели фашисты не останавливались ни перед чем. Они даже принимали участие в бойкоте принудительных продаж крестьянского имущества и пытались завоевать руководство в различных революционных выступлениях крестьян. Говоря о том, что фашизму удалось завоевать не только кулачество, но и часть середняков и бедняков, мы одновременно должны подчеркнуть, что конечно последние пошли за фашистами по совершенно другой причине и с совершенно другими надеждами, чем кулачество.

Каждый день существования гитлеровской диктатуры, каждое ее новое мероприятие в области сельского хозяйства открывает глаза все более широким массам трудящегося крестьянства; они убеждаются в том, что Гитлер представляет интересы не трудящихся крестьян, а финансового капитала и крупных землевладельцев. О происходящем в этом направлении процессе мы имеем ежедневные доказательства. Задача коммунистической партии Германии в этих условиях — ускорить процесс отхода трудящегося крестьянства от фашистов.

«Коммунизм — единственная идея в современной Германии, которая серьезно соперничает с национал-социализмом», — пишет один из идеологов фашизма, профессор Данненбауэр.

«...В данный момент в Германии борьба уже идет не вокруг вопроса: национал-социализм или буржуазный либерализм, а только вокруг вопроса: национал-социализм или коммунизм»¹.

Да, на сегодняшний день для всего трудящегося населения Германии вопрос поставлен ясно: диктатура Гитлера или власть советов!

Чего ожидали крестьяне и что обещал Гитлер

Несмотря на мероприятия Веймарской республики, аграрный кризис в германском хозяйстве все время усиливался, разоряя бедняцкие и середняцкие слои крестьянства. Все обещания и мероприятия правительств Брюнинга, Папена, Шлейхера вместо облегчения положения трудящихся крестьян привели к дальнейшему закабалению трудящегося крестьянства финансовым капиталом, ростовщиками, помещиками и банками. Так называемая «помощь сельскому хозяйству» означала помощь помещикам во всех формах: кредиты, пошлины и т. д. Ясно, что все это было проведено за счет трудящегося крестьянства. Разорение, нищета принимали в деревне невиданные размеры. Городская мелкая буржуазия и крестьянство, питавшие одно время большие иллюзии в отношении «демократической» Веймарской республики, по мере углубления кризиса и ухудшения их положения все больше и больше разочаровывались в этой республике и искали других путей для осуществления своих требований. Гитлер, партия национал-социалистов, исполь-

¹ Prof. Dannenbauer, Nationalsozialismus in geschichtlicher Bedeutung.

зую недовольство крестьян, развивая бешеную демагогию, обещая светлую и обеспеченную жизнь в Третьей империи, делали все возможное для завоевания мелкобуржуазных масс.

Каковы были важнейшие экономические проблемы, немедленного разрешения которых требовало немецкое крестьянство? В общих чертах они сводились к следующему:

1. Освобождение от задолженности и возросших процентных и налоговых платежей.

2. Прекращение массовых принудительных распродаж крестьянских хозяйств.

3. Ликвидации ножниц между ценами с.-х. и промышленных товаров.

4. С.-х. рабочие требовали немедленного улучшения их материально-бытового положения, повышения зарплаты, ликвидации безработицы, свободы организаций и т. п.

5. Безземельные и малоземельные крестьяне требовали земли. Этим далеко не исчерпываются все требования крестьянства, но бесспорно, что накануне прихода Гитлера к власти эти вопросы стояли особенно остро.

О все возрастающей задолженности немецких крестьян дает представление нижеследующая таблица:

Задолженность сельского хозяйства (в млн. марок)¹

К р е д и т ы	К о н ц у					К 30 июня
	1928 г.	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
Учтенные кредиты	6 831	7 342	7 780	7 915	7 575	7 580
Не поддающиеся точному учету кредиты	4 000	4 050	3 850	3 850	3 850	—
Всего кредитов . . .	10 831	11 392	11 630	11 765	11 425	—

К этой чистой задолженности необходимо еще прибавить 1,9 млрд. марок ренты (Renten-und Altenteile); таким образом задолженность выразилась в сумме свыше 13 млрд. марок.

В период инфляции значительная часть долгов главным образом зажиточных, кулацких и помещичьих хозяйств была ликвидирована. Но в связи с все обостряющимся аграрным кризисом задолженность сельского хозяйства возрастала с каждым годом и по вышеприведенным данным Конъюнктурного института достигла к концу 1932 г. огромной суммы — свыше 13 млрд. марок. Процентные платежи, по исчислениям того же Конъюнктурного института, превышали ежегодно миллиард марок. Чтобы более ярко представить огромную задолженность сельского хозяйства Германии, мы должны сопоставить эту 13-миллиардную задолженность с 8,8-миллиардной стоимостью продук-

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» № 27, 1933.

ции всего германского сельского хозяйства в 1932/33 хозяйственном году. В этом году 15—20% валового дохода сельского хозяйства было поглощено процентными платежами. Если к этим процентным платежам прибавить почти миллиард налоговых платежей, то ясно будет, какое огромное бремя лежало на немецких крестьянах.

Кредиты, полученные сельским хозяйством за все годы кризиса, в значительной своей части были использованы для покрытия процентных, налоговых и других платежей, и только незначительная часть была вложена в основной капитал сельского хозяйства. И эти новые капиталовложения были произведены исключительно крупными капиталистическими хозяйствами и помещиками, успевшими за эти годы за счет денег, отпущенных веймарскими правительствами, приобрести большое количество новых с.-х. машин, тракторов, и т. д. Мелкий и средний крестьянин не производил за все годы аграрного кризиса почти никаких новых капиталовложений в свое хозяйство. Наоборот, их наличный основной капитал растаял. Это важнейшее проявление деградации мелких и средних крестьянских хозяйств в Германии.

Однако эти данные о задолженности еще не вскрывают особенно тяжелого положения мелких и средних крестьян. Результаты обследования революционного «всегерманского крестьянского союза» в отношении задолженности бедняцких и середняцких хозяйств следующие:

Величина хозяйств (в га)	Задолженность на 1 га (в марках)	Сумма процентных платежей на 1 га
От 0,5 до 2	1593	123
„ 2 „ 5	1050	84
„ 5 „ 10	752	60

Если к этой сумме процентных платежей прибавить огромные налоговые платежи, составляющие на 1 га не меньше чем платежи по процентам, то станет ясным то положение, в котором находятся основные массы немецких крестьян. При постоянном обострении аграрного кризиса и падении цен на с.-х. продукты и особенно продукты мелкого крестьянского производства, немецкие крестьяне впадают в нищенскую жизнь. В этих условиях «демократическое» государство Веймарской республики при поддержке социал-демократов бросало огромные подачки помещикам под видом «помощи восточным провинциям» (Osthilfe). Куда пошли деньги, отпущенные на эту «помощь», видно из следующего:

Распределение денег, отпущенных на «Osthilfe»

Величина хозяйств	Количество ссуд	Сумма (в млн. марок)
До 4 га	2 671	7,9
От 5 до 20 га	7 760	24,9
„ 20 „ 100 „	4 834	53,5
Свыше 100 „	1 093	99,8

«Восточная помощь» в действительности означала помощь крупным аграриям. Кроме того правительство Веймарской республики оказывало поддержку помещикам в виде различных кредитов: мелiorативный кредит, кредит механизации и механизации и т. д.

Немецкий крестьянин только номинально остается собственником своего клочка земли, в действительности же он полностью в руках крупных ипотечных банков и ростовщиков. Несколько крупных ипотечных банков крепко держат в своих руках миллионные массы крестьян, выплачивая огромные дивиденды. Крупнейшие ипотечные банки и их объединения, как например «Gemeinschaftsgruppe», немецкие ипотечные банки, «Bayerische Bankgruppe» и «Arbeitsgemeinschaft», Южногерманский ипотечный банк выплатили 8—10 и даже 12% дивидендов в 1930/31 г. Кредитные кооперативы — эти низовые органы финансового капитала, имеющие сотни тысяч членов, заканчивают каждый операционный год с прибылью в несколько сот миллионов марок.

Банковская и кредитная система сельского хозяйства Германии являются важнейшими рычагами господства финансового капитала. В результате усиления этого господства в послевоенные годы мы имеем небывалое обнищание и деградацию широких бедняцких и середняцких хозяйств. Данные о принудительных продажах крестьянских дворов показывают, что они падают главным образом на мелкие и середняцкие хозяйства.

Принудительные продажи (кроме Бадена, Тюрингии, Мекленбурга и Берлина)¹

Г о д ы	Число проданных хозяйств	Площади
1927	2 554	36 713
1928	2 299	48 376
1929	3 173	91 153
1930	4 350	128 707
1931	5 061	152 648
1932	6 497	140 591
1933 (первый квартал)	637	10 139

Берлинский конъюнктурный институт, опубликовавший эти данные, вынужден констатировать:

«Принудительные продажи все больше и больше распространяются на средние и мелкие хозяйства».

В этих условиях Гитлер выдвинул свой демагогический лозунг: «уничтожение процентного рабства».

Гитлер обещал борьбу с крупными банками, национализацию банков, освобождение крестьян от всех долгов, процентных платежей, снижение налогов и т. д. и т. п.

Лозунг «уничтожения процентного рабства» вообще играл центральную роль в демагогической программе Гитлера. Но особенно большую роль он играл в аграрной программе. Этим лозунгом Гитлер затрагивал самые больные места немецкого кре-

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» №№ 11, 27, 1933.

стьянства. Демагогически используя этот лозунг, фашизму удалось обмануть и запрячь в свою колесницу часть трудящихся крестьян, эксплуатируемых финансовым капиталом и крупными помещиками, задолжавших по горло, платящих ежегодно огромные суммы по процентам, налогам и находящихся на краю разорения.

Как может крестьянство освободиться от процентного рабства? На это фашисты отвечают:

«Освобождение от этого рабства возможно только тогда, когда германский народ сможет питаться в основном продуктами своей земли»¹.

Демагогия о «процентном рабстве» используется для целей военной подготовки. Этот же лозунг фашизм использовал для своей пропаганды «общности интересов» всех классов Германии.

Гитлер обещал крестьянству разрешить проблему цен.

В ходе кризиса цены на с.-х. продукты, несмотря на протекционистские мероприятия правительства, падали быстрее цен на изделия промышленности. Раствор ножниц между индексом промышленных товаров и с.-х. продуктов все время увеличивался².

Индекс цен промышленных товаров и с.-х. продуктов (1913=100)

	1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.
Аграрные продукты	130,2	113,1	103,8	91,3
Промышленные фабrikаты	117,4	150,1	136,2	117,9

Тов. Варга, приводящий эти данные, указывает, что расхождение индекса цен между промышленными товарами и продуктами сельского хозяйства в действительности значительно больше, потому что за основу исчисления индекса аграрных продуктов буржуазная статистика берет биржевые цены, в то время как крестьянин получает значительно меньше. Разница попадает в карман крупных торговцев с.-х. продуктами.

Индекс цен на аграрные продукты по важнейшим отраслям обнаруживает большую неравномерность.

Индекс цен на с.-х. продукты (1913=100)

	1924 г.	1928 г.	1930 г.	1932 г.
Растительные пищевые продукты	115,1	142,2	115,3	212
Скот	102,1	111,3	112,4	65,5
Продукты животноводства	65,3	144	121,7	93,9

В 1930—1932 гг. особенно сильно пали цены на продукты животноводства, т. е. на те продукты, которые выбрасываются на рынок преимущественно мелкими с.-х. производителями. Наоборот, цены на зерновые и кормовые продукты, поставщиками которых являются крупные помещики, благодаря таможенным мероприятиям веймарского правительства, пали незначительно. От этих высоких цен на зерновые продукты мелкий крестьянин

¹ Parteiamtliche Kundgebung über die Stellung der NSDAP zum Landvolk und Landwirsch ft.

² Варга, Новые явления в мировом экономическом кризисе, Партиздат, 1934 г., стр. 110.

ничего не выигрывает; наоборот, он должен закупать корм для своего скота, хлеб для своего пропитания по высокой цене, в то время как свои продукты он вынужден продавать по низким ценам. Ясно, что поддержание высоких цен на эти основные продукты сельского хозяйства не в интересах мелкого с.-х. производителя. Фашисты демагогически замазывали этот вопрос:

«Корень зла главным образом в установлении цен на бирже. На бирже господствует еврей, это является его неоспоримой областью. Он диктует цены на все с.-х. продукты не на благо германского народного хозяйства, а на основе закона талмуда; «обворовывать имущество неевреев» (речь национал-социалистского депутата рейхстага Шнейдера от 6 декабря 1930 г.).

Гитлер выступал в качестве борца за высокие цены, за высокие таможенные барьеры, за контингентирование ввоза, за «самоснабжение» Германии всеми с.-х. продуктами. Требование высоких цен якобы в интересах крестьянства служит лишь внешней маскировкой для подготовки сельского хозяйства Германии к войне. Политика цен Гитлера — лишь одно из звеньев подготовки германского империализма к войне. Уже прежние правительства Веймарской республики проводили мероприятия для поддержания высоких цен на определенные с.-х. продукты; уже до Гитлера с.-х. цены на германском рынке были значительно выше мировых цен. Германия превратилась еще до прихода Гитлера к власти в самоснабжающуюся страну, за исключением жиров, мяса и ряда других второстепенных с.-х. продуктов. В настоящее время в результате неурожая 1934 г. положение значительно изменилось.

В 1932 г. 87% потребленных в стране продуктов питания было произведено в Германии. Если учесть долю, падающую на корма, ввезенные извне для животноводства, то доля внутреннего производства в балансе питания составит в чистом виде в 1932 г. 79%¹.

С.-х. производство Германии в процентах ко всему потреблению

Продукты	1926 г. 1932 г.	
	Хлеба продовольственные (пшеница, рожь)	70
Дру не зерновые	59	73
Гобовые	52	56
Картофель для питания	97	101
Сахар	112	104
Мясо	90	97
Рыба	49	65
Молочные продукты	83	90
Жир	36	45
Яйца	63	63
Фрукты	70	64
Овощи	87	90

Все мероприятия прежних правительств по таможенной защите сельского хозяйства не могли облегчить аграрного кризиса. Положение трудящихся крестьян в силу этих мероприятий

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» № 33, 1933.

еще больше ухудшилось, противоречия между аграриями и промышленниками все больше обострились.

Фашисты, играя на мелкособственнических инстинктах крестьянства, обещали высокие цены, рентабельность крестьянского хозяйства. Вот один из таких демагогических перлов:

«Повышение уровня с.-х. цен путем запрещения ввоза с.-х. продуктов, выравнивание соотношения между с.-х. и промышленным индексом без повышения розничных цен, снижение цен на искусственное удобрение, предоставление миллиардов марок кредита для сельского хозяйства», — говорится в экономической программе фашистов¹.

Теперь широкие массы трудящихся крестьян убеждаются в полном провале всех обещаний Гитлера.

Но ярче всего фашизм разоблачил себя в одном из центральных вопросов немецкой деревни — в вопросе о земле. В этом вопросе Гитлер полностью показал свое истинное лицо еще задолго до прихода к власти. Если во всех других вопросах сельского хозяйства фашисты могли допустить необузданную демагогию, если они наобещали, что угодно, то в вопросе о земельной собственности они вынуждены были, с самого начала маневрируя, все более открыто становиться на сторону крупной собственности, разоблачать свою роль самых ярких защитников крупного землевладения.

Помещики не имели ничего против демагогических обещаний в других вопросах; но в вопросе о земле они не могли допустить ни тени неясности; они не могли допустить разжигания страстей немецкого крестьянина в этой области.

Вопрос о земле играет в германской деревне огромную роль. В отдельных частях Германии это является бесспорно центральным вопросом. Это показывает распределение хозяйств по группам.

В 1925 г. 18 668 помещиков и крупнокапиталистических хозяйств владело значительно большей с.-х. площадью (20,2%), чем почти четырехмиллионная масса карликовых и мелких хозяйств (17,6%). Если взять отдельные районы Германии, то это противоречие еще более остро бросается в глаза. В Германии существуют огромные помещичьи латифундии.

Латифундии свыше 2500 га

Величина хозяйств (в га)	Число собственников	Всего земли (в га)
от 2500—5000 . .	266	919 900
» 5000—10000 . .	99	695 085
» 10000—20000 . .	30	419 949
» 20000—30000 . .	11	275 172
» 30000—40000 . .	3	191 300
» Свыше 40000 . .	3	191 300
Всего . . .	412	2 608 036

¹ «Wirtschaftliches Sofortprogramm der NSDAP», S. 27.

Почти 3 млн. га земли находится во владении 412 помещиков. Эта цифра с достаточной ясностью иллюстрирует остроту земельного вопроса. Огромное количество этих земель сдается в аренду мелким крестьянам за грабительскую арендную плату, устанавливаемую на 8—10—12 лет вперед. Таким образом мелкий арендатор вынужден платить арендную плату, несмотря на изменившиеся условия производства, несмотря на обострение аграрного кризиса и падение цен на с.-х. продукты. На этой основе растут противоречия между землевладельцами и мелкими арендаторами, требующими снижения арендной платы.

В одном из первых программных документов гитлеровского фашизма, в так называемых «25 пунктах», принятых 25 февраля 1920 г. в Мюнхене, пункт 17 посвящен вопросу о земле. Этот пункт гласит:

«Мы требуем земельной реформы, соответствующей нашим национальным потребностям, введения закона о безвозмездном отчуждении земли для общепользовательных надобностей, упразднения процентов по земельным долгам и прекращения всякой спекуляции землей».

В условиях 1920 г., когда высоко вздымалась революционная волна, а партия Гитлера представляла ничтожную силу, фашисты не только могли, но и вынуждены были включить в свою программу пункт о «безвозмездном отчуждении земли». Но эта роскошь причинила фашистам впоследствии немало хлопот. Под нажимом крупных аграриев, когда партия Гитлера уже представляла другую величину, чем в 1920 г., фашисты изворачивались, наговорили и написали немало, чтобы доказать, что они не требуют того, что было провозглашено в 1920 г. Они вынуждены были постоянно заверять, что они стоят на почве частной собственности на землю, что они не будут затрагивать крупное хозяйство, а наоборот, всеми средствами будут способствовать его развитию. Готфрид Федер пытался даже обосновать эти взгляды «биологией арийцев».

«Признание частной собственности глубоко заложено в сущности арийцев»¹.

Но все заверения вождей «второго ранга» и официальных писак фашизма не удовлетворяли аграриев. Они требовали публичного заявления Гитлера. 13 апреля 1928 г. Гитлер опубликовал следующее заявление:

«Ввиду лживых комментариев 17-го августа программы НСДАП со стороны наших противников необходимо установить следующее.

Ввиду того, что НСДАП стоит на основе частной собственности, само собой разумеется, что пункт о «безвозмездном отчуждении» касается только создания законных возможностей для отчуждения земли, незаконным образом приобретенной или такой, где хозяйство ведется не с точки зрения блага народа. Таким

---

¹ Gottfried Feder, Der Deutsche Staat auf nationaler und sozialer Grundlage, S. 21.

образом это направлено в первую очередь против еврейских обществ для спекуляции землей».

Но это заявление Гитлера было только началом открытого показа лица фашизма. Уничтожение крупного помещичьего хозяйства было объявлено «марксистской тенденцией»; посыпались заверения в том, что национал-социализм ставит крупные хозяйства под «государственную защиту» и т. п. Готфрид Федер пишет:

«... мы отклоняем марксистскую тенденцию разрушения земельной собственности, а также идеологическое требование на «право каждого на кусок земли»¹.

Фашисты открыто говорят, что не каждый крестьянин имеет право на землю. Фашисты обещают не затрагивать интересы крупных аграриев после прихода к власти. Конечно все это оправдывается «интересами нации». В партийном документе, опубликованном Гитлером 6 марта 1930 г., говорится:

«По отношению к размерам с.-х. предприятий не может быть схематического регулирования. Наличие значительного количества жизнеспособных мелких и средних крестьянских хозяйств прежде всего важно и с точки зрения политики народонаселения. Однако наряду с этим крупное хозяйство также выполняет свои особые необходимые задачи и при здоровом процентном отношении к среднему и мелкому хозяйству существование его обосновано». Можно было бы привести еще целый ряд примеров того, как национал-социалисты в этом центральном вопросе—вопросе о земле—вынуждены были еще до прихода к власти открыто стать на сторону помещиков.

Фашисты пытались создать в крестьянстве иллюзии вокруг переселения. Они выдвинули лозунг «переселения на Восток», чтобы создать там «жизнеспособное немецкое крестьянство против иностранного влияния». Фашисты пытались отвлечь внимание крестьян от крупных помещичьих хозяйств внутри Германии тем, что постоянно указывали на «плодородные земли на Востоке, которые надо завоевать». Вопрос о земле, самый острый вопрос классовой борьбы в деревне, фашисты также используют для подготовки к войне².

¹ Ibidem, S. 13.

² В аграрной программе социал-демократов и Гитлера по вопросу о земле имеет я почти полное совпадение. Если социал-демократия в своей программе требует «устранения добытого на основе кражи и незаконных действий помещичьего землеустройства», то фашисты говорят: «незаконно (в духе немецкого закона) добытая земля будет отчуждена». Если социал-демократическая программа требует передачи государству за соответствующую оплату участков земли свыше 75 га для нужд переселения, то по этому вопросу фашисты говорят: «Государство имеет право за соответствующую оплату отчуждать части крупной земельной собственности, которая не обрабатывается владельцем, для переселения свободного крестьянства». По социал-демократической программе — «собственники, которые упорно отказываются правильно обрабатывать свою землю... должны быть отстранены временно или навсегда от хозяйствования на них». По национал-социалистической программе «государство имеет право за соответствующую плату экспроприировать землю, которая... в силу безответственного хозяйничанья своего владельца в дальнейшем не служит обеспечением для народа».

Наконец вопрос о с.-х. рабочих. Если вся масса трудящегося крестьянства все больше и больше сгибалась под тяжестью и ударами аграрного кризиса, то естественно, что положение с.-х. рабочих было особенно тяжелое. Массовая безработица и нищенский уровень зарплаты, голод, в буквальном смысле этого слова, — вот что характеризует положение с.-х. рабочих Германии. Безработица в немецкой деревне достигла, по данным социал-реформистских профсоюзов, к концу 1932 г. 300 тыс. человек. Заработная плата упала с 1929 г. почти на 50%. Рабочий день длился с зари до поздней ночи. А гитлеровцы не скупались на обещания с.-х. рабочим.

«Равную реальную зарплату с.-х. рабочим с рабочими промышленности» обещали фашисты¹.

«Запрещение применения труда иностранного рабочего для ликвидации безработицы в деревне». Фашисты использовали применение польских сезонных рабочих в помещичьих хозяйствах Германии для разжигания шовинизма.

Фашисты обещали коренным образом улучшить жилищные условия с.-х. рабочих.

«Вопрос о практическом разрешении жилищной проблемы для с.-х. рабочего также не является для национал-социалистического государства трудно разрешимой проблемой», — хвастливо обещали фашисты².

Но за всеми этими обещаниями фашистов скрывалось одно: еще больше привязать с.-х. рабочего к своему хозяину. Они выдвинули предложение о переводе на натуральную оплату с.-х. рабочих, маскируя это лживой фразой: «Рабочий должен получать свою долю в урожае!».

«Рабочий должен участвовать не в прибыли, а в урожае, рост которого в его власти. Чем больше он своей старательностью и предусмотрительностью отвоюет у природы и у земли, тем лучше должны быть его жизненные условия»³.

Этой же цели закабаления батрачества служит и вся пропаганда «общности интересов с.-х. производителей», вроде того, что мол: «Необходимое улучшение положения с.-х. рабочих в отношении зарплаты и жилья будет осуществляться тем быстрее и основательнее, чем лучше будет положение всего сельского хозяйства».

В деревне социальная демагогия сочеталась особенно широко с террористическими методами, с запугиванием, с принуждением вступать в фашистские организации и т. п.

Вся программа фашистов в отношении с.-х. рабочих воскрешает средневековые условия труда и кабалы.

---

¹ Friedrich Hildebrandt, Nationalsozialismus und Landarbeiter-schaft, S. 2.

² Werner Willikins, Nationalsozialistische Agrarpolitik, S. 61.

³ Friedrich Hildebrandt, Nationalsozialismus und Landarbeiter-schaft, S. 14.

Несмотря на то, что антикапиталистическая демагогия фашизма сейчас уже изрядно развенчана в глазах масс, фашисты отнюдь не склонны отказаться от этого оружия. Особенно усиленно пытаются фашисты оживить свою демагогию в области сельского хозяйства. Центральный орган фашистов «Völkischer Beobachter» пишет:

«Неудивительно, что национал-социалистическая экономическая политика как раз в области аграрной политики сделала большой шаг к социализму в Германии»¹.

Свою аграрную политику в интересах помещиков и финансового капитала фашисты снова пытаются изобразить как социалистическую политику. Контингентирование, повышение цен, принудительное объединение мелких с.-х. производителей, насаждение нового «дворянства», отказ от всех обещаний в области земельной задолженности и т. д. — все это они объявляют «социализмом».

Одновременно они вынуждены говорить все более решительно. Министр земледелия Вальтер Дарре решительно заявляет о поддержке помещиков и кулачества.

«Я не трону ни одного поместья, каким бы крупным оно ни было, если оно в хозяйственном отношении здорово и может самостоятельно существовать. Я знаю, что это я говорю в полном согласии с рейхсканцлером. Я также не буду трогать ни одного обремененного задолженностью крупного хозяйства».

Вся сумма фашистских мероприятий в отношении мелких крестьян, задавленных крупными поместьями, все явственнее подчеркивает: земли не получишь... Фашисты до прихода к власти немало шумели о переселении. Ясно, при таких установках в отношении к крупному помещичьему хозяйству ни о каком переселении в крупном масштабе не может быть и речи. Даже фашистская печать вынуждена признать, что в 1933 г. число переселенцев в сравнении с предыдущими годами не только не увеличилось, но, наоборот, уменьшилось.

В деревнях Германии, особенно в районах, где земельный голод особенно силен, растет недовольство крестьян.

Вальтер Дарре на имперском крестьянском съезде (21 января 1934 г.) разделил аграрную политику фашистской диктатуры после прихода к власти на два периода. Первая половина 1933 г. это, по его словам, подготовительный период, в течение которого происходит «унификация» (читай — фашизация) с.-х. организаций и союзов, издание ряда законов, подготовляющих почву для «настоящей национал-социалистической аграрной политики». Только во второй половине 1933 г., — говорит Дарре, — были заложены основы национал-социалистической крестьянской политики».

«Один за другим последовали: закон об организации с.-х. сословия 13 сентября, закон об обеспечении цен на зерно 26 сен-

¹ «Völkischer Beobachter», 21/IX 1933.

тября и закон о наследственных хозяйствах 29 сентября. В течение двух недель все здание в своей основе было налицо, и все то, что мы с тех пор делаем, является только дальнейшим строительством на этих основах, собственно здание мы теперь только достраиваем...».

«На этих же основах покоятся все последующие законы, которые предусматривают регулирование рынка посредством государственных монопольных комитетов по жирам, молоку, маслу, сыру и яйцам, не считая уже существующего монопольного комитета по зерну, которые были реорганизованы в этом смысле...», — говорит Дарре.

Все эти мероприятия гитлеровского правительства были осуществлены под лозунгом «автаркии», обеспечения Германии собственными с.-х. продуктами. Монополизация отдельных продуктов сельского хозяйства через «имперское бюро», усиление позиций финансового капитала в сельском хозяйстве — таково истинное содержание этих законов. Важнейшими законами аграрной политики, по признанию самих фашистов, является организация «сельскохозяйственного сословия», или, как Дарре неоднократно подчеркивает, «картелирование сельского хозяйства», и закон о «наследственных хозяйствах», посредством которого фашисты пытаются создать в деревне новые привилегированные слои. Но прежде всего необходимо рассмотреть и вскрыть сущность тех мероприятий, которые были проведены правительством Гитлера в первую половину 1933 г. в «подготовительном периоде».

В это время министром народного хозяйства в кабинете Гитлера был Гугенберг, которого фашисты вынуждены были впоследствии отстранить. В отстранении Гугенберга немаловажную роль играло все возрастающее возмущение широких масс крестьянства фашистской аграрной политикой. Для отвода глаз крестьян гитлеровцы изобразили Гугенберга виновником этой политики. Фашисты организовали собрания крестьян, где принимались резолюции с требованием отстранения Гугенберга и назначения Вальтера Дарре министром сельского хозяйства. Гитлер, стремящийся создать вместо коалиционного правительства с немецкими националистами, к которым принадлежал Гугенберг, правительство, состоящее исключительно из его доверенных лиц, использовал для отстранения Гугенберга недовольство и возмущение крестьян фашистской аграрной политикой.

Все мероприятия фашистской диктатуры в области сельского хозяйства с первого же месяца ее существования являлись продолжением политики предыдущих правительств: повышение пошлин, протекционистские мероприятия, контингентирование и т. д. Иначе конечно и не могло быть, ибо все эти правительства, так же как и Гитлер, являются представителями финансового капитала. Если в этом отношении мы все же видим известные различия, то это обусловлено обострением аграрного кризиса и сводится к тому, что Гитлер проводит политику финансового капитала и крупных аграриев более решительно, более грубо

и откровенно, широко используя при этом «антикапиталистическую» фразеологию.

Для поощрения экспорта зерновых продуктов (почти исключительно из помещичьих хозяйств) фашистская диктатура ввела систему экспортных премий. Под влиянием протекционистских мероприятий внутри Германии цены на зерно беспрерывно повышаются. Но вследствие давления на цены огромных запасов зерна фашистам не удалось внутри страны восстановить уровень цен, достигнутый в середине 1932 г. Если 12 июля 1932 г. за 1 т пшеницы платили в Берлине 238 марок и за рожь 182 марки, то на тот же день 1933 г. за 1 т пшеницы платят 188 марок и ржи — 154 марки. Пошлины на яйца дали повышение с 30 до 70 марок за двойной центнер, пошлины на сыр — с 30 до 60 марок. Пошлины на маргарин и искусственные жиры были повышены с 30 и 12,5 марки до 75 марок. В конце февраля 1934 г. пошлины на каждый двойной центнер сала были повышены с 10 до 65 марок, 15 мая до 75 марок и 19 июня до 100 марок. Фашистское правительство наряду с зерновым хозяйством обратило особенное внимание на жировое хозяйство и всеми мерами старалось развивать его внутри Германии. Прежние правительства с помощью ряда протекционистских мероприятий сумели обеспечить более или менее прочную зерновую базу. Гитлер же с первых дней пребывания у власти поставил задачу расширения производства жиров на случай войны.

23 марта 1933 г. правительство Гитлера издает чрезвычайный декрет для регулирования жирового хозяйства. Этим чрезвычайным декретом вводится контингентирование производства маргарина на уровне 50% производства 1932 г., повышенные пошлины на жиры, монополизирована сырье, необходимое для производства маргарина, корм и т. п. «Frankfurter Zeitung» объясняет следующим образом необходимость и последствия этого декрета¹:

Из годовой потребности в жирах (в круглых цифрах 1,32 млн. т) 60% было покрыто посредством ввоза, а именно импортировалось 50 тыс. т искусственных жиров, 90 тыс. т растительного масла, 500 тыс. т маргарина или сырья, необходимого для его производства, 100 тыс. т сала и 50 тыс. т масла. Этому противопоставлялось внутреннее производство 400 тыс. т масла и 120 тыс. т сала.

Оздоровление рынка масла должно было быть достигнуто исключительно путем большого сокращения производства искусственных жиров. Их производство должно быть сокращено от 21 марта до 30 июня против последнего квартала 1932 г. наполовину. При производстве маргарина в 450—480 тыс. т это означает сокращение на 185 тыс. т.

Результатом мероприятий Гитлера в области жирового хозяйства было огромное повышение цен на эти продукты. В то время как фашистская печать — «Völkischer Beobachter», «Angriff» и др. — трубила о том, что «не будет повышения цен», и фашист-

¹ «Frankfurter Zeitung», 9/III 1933.

ские лидеры обещали не допускать спекуляции, цены на масло поднялись на 40—50%, маргарина — на 100% и т. д. Общий индекс цен показывает значительное повышение, причем особенно большое повышение показывает индекс предметов питания, который за промежуток времени от января 1933 г. по январь 1934 г. повысился на 6,8 пункта против повышения общего индекса на 3,5 пункта.

Индекс стоимости жизни (1913—1914=100)

Г о д ы	Общий индекс стоимости жизни ¹	Индекс питания
Январь 1933	117,4	107,3
Январь 1934	120,9	114,1

Повышение цен на масло и другие животноводческие продукты вызвало также рост цен на молоко. Повышение цен на продукты первой необходимости должно неизбежно еще более понизить покупательную способность широких масс. Это повышение цен не в интересах мелкого крестьянина, который часто вынужден продавать свое масло и молоко, чтобы закупить маргарин. Зато крупные производители и маргариновые фабрики получают огромные барыши.

Потребление жиров, упавшее в значительной степени в результате кризиса, массовой безработицы и нищенского заработка, благодаря этим мероприятиям Гитлера падет еще больше. Это неизбежно должно отразиться на положении крестьянства, которое все труднее и труднее находит покупателей на свои продукты. Вследствие повышения цен на животноводческие продукты и жиры часть крупных зерновых хозяйств, частично переключается на животноводство, чтобы использовать выгоды высоких цен. Гитлеровская диктатура таким образом пытается закрепить свое влияние среди зажиточных и капиталистических хозяйств, которым повышение цен принесет бесспорные выгоды за счет пролетариата и мелкого крестьянского хозяйства.

Монополизация кормов, проведенная гитлеровским правительством, также тяжело отражается на положении мелкого крестьянина, который ввиду нехватки кормов собственного производства вынужден покупать корма на рынке. Монополизация повлекла за собой большое повышение цен на кормовые продукты. Таким образом повышение цен на продукты животноводства принесло лишь убытки мелкому крестьянину.

Исключительно в демагогических целях, для успокоения возмущенных масс мелких арендаторов, Гитлер издал свой закон

¹ Питание, квартплата, отопление, освещение, одежда и другие расходы (кроме прямых налогов и социальных расходов).

22 апреля об арендных платежах. Вместо того чтобы понизить арендные платежи или совсем их уничтожить, как этого требуют мелкие арендаторы, этот закон дает преимущества владельцу земли и крупным арендаторам. Через несколько недель после прихода к власти — 15 февраля — фашисты издали закон о моратории на уплату долгов. Мораторий, впоследствии продленный до конца 1933 г., имел ряд ограничений для мелкого собственника и мелкого арендатора. Некоторые категории мелких крестьян (например садоводы) вообще были изъяты из действия закона, провозглашенного фашистами исключительно в целях предвыборной агитации и обмана крестьянства.

Если средний размер принудительно проданного хозяйства составил в I квартале 1932 г. 27,5 га, то в соответствующем квартале 1933 г. он был равен 14,7 га. В третьем квартале 1933 г. средний размер принудительно проданного хозяйства равнялся 14,9 га против 23 га в соответствующем квартале 1932 г.¹ Тесно примыкает к этому закону декрет о понижении процентов по с.-х. долгам до 4,5%. Кроме этого банки получают еще 1% из государственной казны.

Что снижение процентной ставки до 4,5% не имело никакого влияния на мелкокрестьянское хозяйство, видно из следующего сообщения²:

«Когда недавно один германский банк обратился в прусский государственный банк за информацией, как развивались в последнем квартале процентные ставки в Пруссии, банк отказался дать точный ответ... Управляющий союза немецких крупных банков Ланге в разговоре заявил, что процентные ставки от 10 до 20% существуют повсеместно.

Известно все возрастающее число случаев, когда берлинские банки требуют 20%. Управляющий кооперативного союза по поводу этих сообщений заявил, что комиссар Рейхсбанка согласился с этими процентными требованиями, вызвав всеобщее возмущение».

Неудивительно, что даже среди той части крестьянства, которая верила в демагогию фашистов об «уничтожении процентного брожения», в результате его «осуществления» началось сильнейшее брожение. Все громче раздаются голоса о том, что национал-социалисты не осуществляют обещанное, что они проводят политику прежних правительств. Отсюда массовые движения крестьян в отдельных районах, которые однако пока еще подавляются фашистами.

Конъюнктурный институт в Берлине, оценивая положение сельского хозяйства в августе 1933 г., т. е. спустя полгода после прихода Гитлера к власти, вынужден констатировать, что ничего не изменилось, хотя он утешается тем, что «созданы предпосылки для улучшения».

«Если положение сельского хозяйства в целом с весны 1933 г.

¹ «Wirtschaft und Statistik», № 3, 1934 г.

² «Arbeiter Zeitung» 25 мая 1933 г.

внешне мало изменилось, то все-таки основные правительственные мероприятия создали предпосылки для улучшения»¹.

Фашистское правительство надеется покончить с аграрным кризисом путем усиления автаркии, монополизации с.-х. продуктов, искусственного поддержания цен на внутреннем рынке за счет трудящихся города и деревни. Все мероприятия в этом направлении еще более обостряют классовые противоречия между пролетариатом и буржуазией и внутри крестьянства. Все попытки фашистов убедить широкие массы бедняцкого и середняцкого крестьянства в необходимости «единого зеленого фронта» в деревне, осуществить единство всего крестьянства под фашистским руководством неизбежно потерпят жалкое крушение в результате их аграрной политики.

«Протекционистские пошлины фашистской диктатуры на с.-х. продукты привели к резкому сокращению экспорта промышленных товаров. Ряд стран, находивших ранее в Германии рынок сбыта своих с.-х. продуктов, ответил на протекционистские мероприятия повышением пошлин на германский промышленный экспорт. Германская промышленность, убедившаяся в том, что внутренний рынок в результате повышения цен на с.-х. продукты не увеличивается, настоятельно требует срочных мер для облегчения промышленного экспорта. Таким образом противоречия между промышленниками и аграриями, которые в первые месяцы гитлеровской диктатуры казались заглушенными, снова вырываются на поверхность с возросшей силой»².

Ввоз в Германию составил в 1933 г. 4 203,6 млн. марок против 4 666,5 млн. марок в 1932 г. Из общей суммы уменьшения ввоза в 462,9 млн. марок большая часть — 411 млн. марок — падает на продукты сельского хозяйства. Ввоз продуктов питания составил в 1933 г. 1 082,3 млн. марок, т. е. на 27,5% меньше, чем в 1932 г.

Ввоз следующих важнейших продуктов уменьшился (в %)

Зерно	57,4
Яйца	38,4
Жиры (кроме масла)	34,2
Рыбы и рыбные продукты	26,0
Сыр	19,4
Мясо и сало	14,5
Кофе	13,8
Фрукты	10,0

Следует отметить, что ввоз таких продуктов, как фрукты из южных стран, потребляемые главным образом буржуазией, упал относительно меньше, чем ввоз продуктов широкого потребления.

Но, с другой стороны, мы видим огромное падение экспорта. Экспорт в 1933 г. уменьшился против

¹ «*Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung*», № 11, 1933.

² Характерно, что вскоре после прихода к власти Гитлера «*Berliner Börsen Zeitung*» (11 февраля 1933 г.) вышла с заголовком в целую страницу: «Хозяйственный мир». «За единый фронт промышленности с сельским хозяйством», где призвала «жизненные вопросы обих сословий разрешить не публично, а в частных переговорах».

1932 г. на 867,8 млн. марок, причем, из этой суммы сокращения экспорта 702,6 млн. марок составляют готовые промышленные изделия¹.

Немецкий фашизм возвестил всему миру как огромную победу своей автаркической политики, что Германия в 1933 г. якобы 90% всех потребленных с.-х. продуктов производила внутри страны. Что это означает для трудящихся Германии, откровенно выбалтывает орган тяжелой промышленности «Deutsche Bergwerkszeitung».

«Для Германии существует только одно спасение — установка на более скромный образ жизни на основе собственной с.-х. продукции. Хлеб и картошка производятся в достаточном количестве для каждого жителя; потребление мяса и жиров будет сокращено. Наряду с этим все ввозные средства питания должны потребляться в меньшем количестве. Это касается большинства продуктов. Снова будут не стесняясь носить ботинки и брюки с заплатой, и сношенная шерсть снова будет перерабатываться в искусственную шерсть. Это касается и каучука, который нужно регенерировать, как и раньше. Жизненный уровень должен быть повернут обратно. Это требует крепких нервов, и их должно уметь закалять министерство пропаганды»².

Постоянное повышение процента обеспеченности с.-х. продуктами внутреннего производства однако не означает, что продукция сельского хозяйства повышалась в той же мере. Это с очевидностью вытекает из движения фактической продукции и продажи важнейших с.-х. продуктов. Кризис, безработица, повышение цен на продукты первой необходимости повлекли за собой систематическое падение душевого потребления важнейших с.-х. продуктов. Фашистская диктатура старается достигнуть «самоснабжения Германии» за счет голода широких масс трудящихся.

Валовой доход от всей массы проданных на рынке с.-х. продуктов выражается в следующих цифрах³:

Хозяйственные годы	Доход (в млрд. марок)	Хозяйственные годы	Доход (в млрд. марок)
1924/25	7,5	1929/30	9,8
1925/26	8,0	1930/31	8,7
1926/27	8,4	1931/32 ⁴	7,4
1927/28	9,3	1932/33	6,5
1928/29	10,2	1933/34 ⁵	7,2—7,3

¹ «Wirtschaft und Statistik», № 3, 1934.

² «Deutsche Bergwerkszeitung» 17/V 1933.

³ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» 21/II 1934.

⁴ Предварительная оценка.

⁵ То же.

Как видим, до конца 1933 г. наблюдается постоянное падение валового дохода от проданных с.-х. продуктов. По оценкам Берлинского конъюнктурного института, валовой доход от проданных с.-х. продуктов в 1933/34 г. будет на 700—800 млн. марок выше, чем в предыдущем году. Но это ни в коем случае не означает, что количество проданных продуктов увеличится. Наоборот, по признанию Конъюнктурного института, по ряду важнейших продуктов, как молоко, яйца, овощи и др., проданное количество даже уменьшится. К вышеприведенной таблице Конъюнктурный институт делает следующие замечания:

«Увеличение валового дохода вызывается в первую очередь влиянием мероприятий имперского правительства для обеспечения продажи с.-х. продуктов. Благодаря этому особенно повышались цены на молоко и свинину. К этому прибавлялся еще рекордный урожай хлеба в 1933 г.

Судя по всему, проданное количество молока должно уменьшиться, валовой доход в силу увеличения цен на молоко — увеличиться. То же относится к валовому доходу на яйца. По овощам настоящий хозяйственный год должен дать увеличение валового дохода. В то время как продажная цена на растительные питательные продукты, как например, хлеб, картофель и т. п., в текущем хозяйственном году мало повышается, валовой доход по рогатому скоту и животноводческим продуктам, главным образом по причинам роста цен, увеличивается».

Рынок зерна, попрежнему, вопреки всем мероприятиям фашистской диктатуры, находится под давлением все возрастающих запасов ¹.

Запасы хлеба и муки на мельницах и элеваторах (в тыс. т)
(внутреннего и внешнего происхождения, прошедшие через таможи)

	Декабрь 1933 г.	Декабрь 1932 г.
Пшеница	1133,5	675,3
Рожь	882,4	518,8
Овес	97,9	101,6
Ячмень	235,9	179,6
Пшеничная мука	147,0	138,9
Ржаная мука	90,0	81,3

Кроме этих запасов на руках у производителей так называемые запасы первой степени составляли к концу 1933 г. 2,7 млн. т пшеницы и 4 млн. т ржи. Этот рост запасов хлеба является одновременно показателем того, что фашисты и по этой линии готовятся к продовольственному обеспечению на случай войны.

В целях подготовки войны и создания опорных баз в тылу фашистская диктатура пытается внутри крестьянства создать определенный привилегированный слой из зажиточных, кулацких и капиталистических хозяйств. Этим фашизм хочет создать себе, хотя и суженный, но верный оплот фашистской диктатуры

¹ „Wirtschaft und Statistik“ № 2 1934 г.

в деревне. Этой цели служит организация так называемых «наследственных хозяйств». Для политического обеспечения этих мероприятий фашистская диктатура провела в первой половине 1933 г. «унификации всех с.-х. и крестьянских организаций», что означало насильственное уничтожение революционных организаций с.-х. рабочих и крестьян, ликвидацию профессиональных союзов в деревне, объединение всех кулацких и помещичьих организаций под единым фашистским руководством. Фашистам еще до прихода к власти удалось завоевать ряд командных высот в кулацких и помещичьих организациях (в ландбунде, в с.-х. кооперации и т. д.). После прихода к власти фашисты объединили все эти организации в «всегерманское объединение руководителей крестьянства» под руководством Вальтера Дарре (руководителя аграрно-политического аппарата национал-социалистической партии). Фашисты в этом видели начало осуществления своих планов о «сословном объединении крестьянства». Этим фашизм пытается противопоставить деревню пролетарскому городу и организационно осуществить «единый фронт немецких крестьян».

Организация имперского с.-х. сословия наглядно показывает, что фашизм пытается осуществить единую централизованную организацию, обеспечивающую безраздельное господство финансового капитала в сельском хозяйстве.

Согласно закону, под сельским хозяйством подразумевается также и лесное хозяйство, садоводство, рыболовство и охота. В организацию «имперского с.-х. сословия» включаются также и кооперативы, деревенская торговля и промышленность, обрабатывающая и перерабатывающая с.-х. продукты. Впоследствии к этой организации была присоединена и организация с.-х. рабочих. Министру сельского хозяйства предоставлено право объединения или присоединения к уже существующим объединениям предприятий, производящих или распределяющих с.-х. продукты. Не подчиняющихся распоряжению министра сельского хозяйства, последний имеет право присуждать к тюремному заключению, штрафу до 100 тыс. марок или вообще лишать права дальнейшего ведения предприятия.

Организация «крестьянского сословия» имеет своей основной задачей:

- 1) обеспечить политическое и хозяйственное руководство крупных магнатов финансового капитала в деревне, а также во всех отраслях, связанных с продовольственным обеспечением страны;

- 2) обеспечить быстрый переход снабжения продовольствием на военное положение (нормирование продуктов, продовольственные карточки и т. д.). Прежние правительства провели ряд принудительных мероприятий по отдельным отраслям, например сахар, картофель, табак, молоко и т. д. Но то, о чем магнаты финансового капитала раньше лишь мечтали, сейчас осуществлено Гитлером.

Уже прежние отдельные примеры принудительного картелирования показали крестьянам, что каждое принудительное регулирование производства, сбыта и цен с.-х. продуктов (как на-

пример в области сахарной свеклы) производилось против интересов мелких производителей и означало помощь крупным хозяйствам за счет мелких. Наученная опытом основная масса крестьянства немедленно раскусила истинный смысл фашистского принудительного картелирования. Огромное возбуждение царило в деревнях Германии. И никакие уверения фашистов об «освобождении крестьян от капиталистической зависимости» благодаря этим мероприятиям не могли успокоить крестьянство. Через несколько дней после публикации закона о с.-х. сословии мы находим в фашистской печати ряд сообщений о недовольстве крестьян.

Фашистские законодатели пытаются регулировать также и производство. В законе говорится:

«Ни один крестьянин не имеет права засеять этой осенью (т. е. осенью 1933 г.) больше хлеба, чем осенью 1932 г.».

Фашисты хотят стабилизировать посевную площадь хлеба на достигнутом уровне и тем самым предоставить все выгоды твердых высоких цен крупным хозяйствам, успевшим в последние годы под сенью протекционистских мероприятий значительно расширить свою посевную площадь под хлебом. Фашисты даже предусматривают сокращение посева зерна, «поскольку это возможно с точки зрения производственных условий хозяйства». Этот пункт закона целиком направлен против мелких производителей. В этом же законе предусматривается сокращение в первую очередь посевов пшеницы и замена ее кормовыми и масличными культурами. Мелкий крестьянин, который до сих пор вынужден в большинстве случаев прикупать хлеб для собственного питания, вынужден будет это делать в будущем еще в большей мере и сеять вместо хлеба другие продукты, необходимые фашистской диктатуре для осуществления пресловутой «автаркии», т. е. подготовки Германии к войне. Все «регулирование» с.-х. производства служит исключительно этой цели и осуществляется за счет мелких производителей. Если крестьянин, несмотря на ограничительные мероприятия, будет сеять больше хлеба, он должен будет этот хлеб продавать по пониженным ценам.

«Имперское с.-х. сословие может отдельным крестьянам советовать, а также принуждать их предпринимать то или другое изменение в посевах или в других областях производства», — заявляет Дарре¹.

Осуществление фашистской «автаркии» означает огромные лишения не только для пролетариев города, но и для большой массы трудящихся крестьян. Одновременно оно несет огромное усиление мощи финансового капитала в сельском хозяйстве Германии. Различные имперские бюро (Reichsstelle) являются крупнейшими организациями финансового капитала, посредством которых фашисты пытаются регулировать не только сбыт с.-х. продуктов, но насильственным путем перестраивать производство

¹ «Der deutsche Volkswirt», 26/1 1934.

мелкого крестьянина соответственно потребностям подготовки к войне.

Что фашистам не удастся провести свое «регулирование» в сельском хозяйстве, что попытки эти заранее обречены на неудачу, показывают все факты уже после организации имперского с.-х. сословия. Даже фашисты не смогут скрыть, что ими же установленные твердые цены на с.-х. продукты в действительности не являются твердыми ценами, что рынок с.-х. продуктов не обнаруживает оживления и что регулировать огромные массы мелких производителей им не удастся. В официальной крестьянской газете фашистов сообщается о «невеселых тенденциях рынка... жалобы на недостаточное потребление муки»¹.

Фашистская печать угрожает этим «паникерам», обвиняет их в недостаточном понимании «национал-социалистического духа» и т. п. Но за этим не скрыть, что на рынке действительно господствуют «невеселые тенденции», что запасы растут из-за все падающей покупательной способности масс.

В то же время банки, связанные с фашистскими организациями в сельском хозяйстве, наживают огромные барыши. Фашистская печать публикует о делах берлинского Getreidekreditbank следующее:

Правление Getreidekreditbank в Берлине решило предложить общему собранию... снова дивиденды в 6%. В 1933 г. обороты банка утроились. Как известно, банк обслуживает преимущественно членов имперского с.-х. сословия»².

Закон от 15 сентября об объединении мельниц³, картелирование хлебной торговли, плодоовощной промышленности и ряд других мероприятий показывают, что фашистская диктатура старается и этим путем усилить господство финансового капитала в сельском хозяйстве. Одновременно это означает, что мелкие предприятия в мельничной, плодоовощной и других отраслях полностью попадут в руки крупнейших предпринимателей. Почти 30 тыс. мелких и средних мельниц, заключенные в «объединение мельниц», в этом принудительном картеле полностью теряют свою самостоятельность. Полномочия объединения, установленные законом, исключительно велики. Объединения устанавливают

¹ «Nationalsozialistische Landpost» 24/II 1934.

² Там же.

³ В 1932 г. существовали следующие важнейшие объединения мельниц:

	Число предприятий	Дневная производственная мощность
Германское объединение мельниц	11	2 700
Кампфмеер	9	2 700
Илькирх	9	2 500
Планге	4	2 200
Вернер и Никола	3	880
Вольф	2	500
Остверке	2	450

144 крупнейших мельницы в Германии переработали в 1927/28 г. почти столько же зерна, как и все остальные мельницы.

число мельниц, имеющих право перерабатывать зерно; каждая мельница имеет определенный контингент, выше которого она не вправе перерабатывать. Открытие новых мельниц, а также расширение существующих допускается только с разрешения объединения. Объединения устанавливают качество, цену и порядок сбыта продуктов мельниц. Руководство объединением находится полностью в руках тех нескольких десятков предприятий-гигантов, которые и раньше господствовали в мельничной промышленности.

«Существующее в кругах мелких мукомолов мнение, что их интересы в хозяйственном объединении недостаточно представлены, показывает, что идеология национал-социализма еще не достаточно завоевала определенные круги», — пишет Nationalsozialistische Landpost¹.

* * *

Закон о «наследственных хозяйствах» является попыткой гитлеровской диктатуры выделить зажиточные кулацкие и капиталистические элементы и поставить их в особо привилегированное положение. Этот закон воскрешает реакционное феодальное наследственное право, сохранившееся как феодальный пережиток в отдельных районах Германии до последнего времени. «Фидейкомиссы» — огромные полуфеодальные помещичьи хозяйства — являлись примером для составителей закона о «наследственных хозяйствах».

«Наследственное хозяйство» по закону должно обеспечить прожиточный минимум для семьи. Более подробного определения минимальной границы наследственного хозяйства закон не дает. Зато максимальная величина определена в 125 га, т. е. включает не только кулацкие, но и крупнокапиталистические хозяйства.

Наследственное хозяйство, непродávаемое, незакладываемое, по наследству переходит только одному наследнику.

Собственник наследственного хозяйства называется «крестьянином». Крестьяне, не обладающие собственным наследственным хозяйством, не могут называться «крестьянами». «Крестьянин» должен быть способен руководить хозяйством (bauernfähig) и должен быть германским гражданином арийского происхождения.

Каждый собственник наследственного хозяйства должен доказать, что в последних поколениях его семейства, а именно с 1 января 1800 г. не было смешения с «неарийской кровью».

Количество создаваемых наследственных хозяйств в точности не определено и по сей день. Как мы выше видели, максимальная площадь наследственного хозяйства (125 га) дана, но это не означает, что более крупные хозяйства не могут пользоваться привилегиями, предоставленными наследственным хозяйствам. Низшая граница «наследственного хозяйства» была определена в 7,5 га. Основная масса середняков исключается из действия закона.

¹ «Nationalsozialistische Landpost» 20/X 1933.

«New York Times» сообщает об этом законе фашистского правительства под заголовком:

«Гитлер создает крестьянскую аристократию»¹.

Эта новая аристократия имеет большие преимущества: она освобождается от поземельно-наследственного налога, с помощью государства ее задолженность снимается и т. п. Огромные привилегии и для наследственных хозяйств приведут к еще более свирепой эксплуатации мелких и середняцких хозяйств и к еще большей власти финансового капитала. Вся тяжесть государственных налогов будет падать на них.

В результате этих мероприятий фашизма классовое расслоение в немецкой деревне достигает невиданных размеров. Противоречия между привилегированными и непривилегированными крестьянами должны с неизбежностью обостряться с каждым днем. Противоречия проникнут внутрь наследственного хозяйства между «старшим сыном» и остальными членами семьи (вынужденными искать средств к существованию наемным трудом). Через наследственные хозяйства германский фашизм надеется создать несокрушимую опору в деревне. Но именно этими мероприятиями гитлеровский фашизм доведет все противоречия и классовую борьбу в немецкой деревне до такой остроты, что они бесспорно превратятся в серьезнейший фактор, содействующий борьбе пролетариата за свержение фашистской диктатуры.

Фашисты делают все возможное, чтобы скрыть от крестьян действительный смысл этих мероприятий. Они изображают все это как «социализм». После опубликования всех этих мероприятий немецкие фашисты развернули невиданную даже для них демагогию. Из огромного количества статей, речей и других произведений фашистов, по этому случаю, мы приведем только несколько примеров, достаточных, чтобы получить представление об отчаянных потугах фашистов.

«В историю будущих времен 1933 год войдет... как славный год окончательного освобождения немецких крестьян», — пишет помещик фон Цеппелин, политический адъютант Дарре².

Что означает по-фашистски «социализм», видно из следующих слов фон Цеппелина:

«...Что национал-социализм понимает под «немецким социализмом», уже ясно выявилось в реорганизации с.-х. сословия».

«Оба эти закона (о с.-х. сословии и «наследственных хозяйствах») можно рассматривать, как воплощение немецкой социалистической мысли»³.

Но вся эта демагогия не помогает фашистам. Возмущение и недовольство крестьян приняло уже совершенно открытые формы. Все чаще выявляются факты открытого выражения недовольства даже на собраниях, организованных фашистами. Ярким дока-

¹ «New York Times» 3/X 1933.

² «Der Angriff» 23/IX 1933.

³ «Arbeitsstimme» 1/I 1933.

зательством является распоряжение министра сельского хозяйства Вальтера Дарре, запрещающего все собрания крестьян. Распоряжение гласит:

«Во избежание беспорядков запрещаю доклады об имперском законе о наследственных хозяйствах, имперском законе о сельскохозяйственном сословии, а также о реорганизации сельскохозяйственных рыночных организаций, поскольку соответствующий крестьянский вождь страны сам не дает официального разрешения, а в сомнительных случаях должно быть дано разрешение имперского министерства питания и сельского хозяйства».

Этот документ поднимает завесу над положением в немецкой деревне. Фашисты вынуждены запрещать доклады о своих собственных законах «во избежание беспорядков!» Но и это не спасает фашистов. Запрещение крестьянских собраний не может заглушить недовольство, царящее в немецкой деревне. Крестьянство находит формы для выражения своих настроений. Отказы от платежей налога, от «добровольных» пожертвований, выступления против представителей фашистского государства, против штурмовиков перестали быть единичными явлениями в фашистской Германии.

Вернемся кратко к вопросу о политике фашистов в отношении с.-х. рабочих и их положении в гитлеровской Германии.

После прихода к власти фашизма в Германии все тарифные договоры с.-х. рабочих, заключенные ранее, были объявлены недействительными. Принудительный труд с.-х. рабочих — важнейшее мероприятие гитлеровского правительства. Принудительный труд не только в трудовых лагерях, но и в кулацких, помещичьих хозяйствах. Тот, кто принимает на работу безработного батрака, «обязуется принять безработного в состав своей семьи». Это значит, что хозяин получает от государства за каждого вновь принятого рабочего ежемесячно 20 марок премии, заработной платы совершенно не платит или платит ничтожную сумму. Зато он может заставить рабочего, «принятого в состав своей семьи», работать сколько угодно. Дикую, небывалую эксплуатацию с.-х. рабочего — вот что дала гитлеровская диктатура деревенским пролетариям.

«С.-х. рабочий должен знать, что крестьянин не является реакционным человеком, старающимся собрать как можно больше денег, только из-за денег требующим больше 10 часов работы в день и только из-за денег не желающим платить искусственно установленную тарифную зарплату», — пишет «Nationalsozialistische Landpost» от 9 марта 1934 г.

Никогда еще немецкий с.-х. рабочий — эта бесправная и обездоленная часть деревенского населения Германии — не находился во власти такой жуткой эксплуатации, как сейчас под диктатурой Гитлера.

Согласно статистике фашистов безработица в сельском хо-

зайстве якобы имеет тенденцию к понижению (128 тыс. в январе 1934 г. против 316 тыс. в январе 1933 г.). Но все это — обман. В действительности же большая часть с.-х. безработных находится в трудовых лагерях или же исчезает из числа безработных, работая фактически бесплатно в кулацких и помещичьих хозяйствах (Landhelfer). Государство выделило для этих хозяйств 35 млн. марок и, таким образом получая рабочую силу почти даром, они еще пользуются крупными премиями от государства.

Вот итог фашистской аграрной политики.

1. Гитлеровский фашизм насильственными мероприятиями — в интересах помещиков и кулаков — способствует усилению господства финансового капитала в сельском хозяйстве.

2. Гитлеровская диктатура старается в кратчайший срок привести сельское хозяйство в готовность к будущей войне, добываясь самоснабжения Германии, а также организационной готовности сельского хозяйства к военному регулированию.

3. Все эти мероприятия гитлеровской диктатуры осуществляются за счет огромных лишений трудящихся масс Германии. Для создания прочной базы фашизма Гитлер вынужден ставить ничтожное меньшинство деревенского населения в привилегированное положение.

4. В результате всего этого в последнее время усилился отход от фашизма значительных слоев трудящегося крестьянства, раньше веривших в демагогию фашистов.

Но одновременно необходимо подчеркнуть, что гитлеровская диктатура усиленно маневрирует в целях сохранения своей массовой базы в деревне и что значительные массы деревенского населения все еще следуют за Гитлером.

Гитлеровская диктатура хвастает, что она покончила с аграрным кризисом. На деле никакие мероприятия гитлеровского правительства не способны покончить с этим неотъемлемым спутником всеобщего кризиса капитализма.

ПУТЬ ФАШИЗМА К ВОЙНЕ

«С Гитлером против мирового безумия вооружений!» — таков был избирательный лозунг 12 ноября 1933 г., призывавший широкие народные массы Германии к поддержке фашистского режима. Фашистские властители — эти мастера демагогии — пытаются подобными лозунгами отвлечь внимание от гитлеровского курса на безумные вооружения, давшего новый толчок международной гонке вооружений. Одновременно с террористическим преследованием рабочего движения германский фашизм проявил наибольшую активность в области вооружений. За первый год своего господства фашизм достиг наибольших успехов именно в этой области. Правда, этому способствовали благоприятные объективные предпосылки, созданные многолетней политикой вооружения, проводившейся Веймарской республикой. За упорным требованием «равноправия и безопасности», которое предъявлялось правительством Гитлера, скрывалась решимость добиться признания уже произведенного вооружения, легализовать нелегальные нарушения основных предписаний договора и добиться неограниченного проведения широких мероприятий по вооружению. Национал-социализм, который, по словам Готфрида Федерера, «по своим внутренним свойствам имеет черты фронтового солдата», видит в войне единственную возможность разрешения основных вопросов германского империализма.

В своей книге «Военная наука» профессор Банзе пишет:

«Между нашей теперешней нуждой и нашим грядущим счастьем стоит война. Необходимо создать веру в высокую этическую ценность и в глубокий смысл войны».

Национал-социалистская печать в течение двух лет во всеуслышание расхваливала эту книгу, пока под давлением из-за границы Гитлер не распорядился изъять ее из обращения. Германский фашизм пробудил к новой жизни дух старого прусского империализма и превратил всю страну в казарму. «Мы не только антилибералы, но и антипацифисты», — заявил Геббельс в тот самый момент, когда Гитлер выступил с торжественным заявлением о своем миролюбии.

Следуя принципу реальной политики, германский фашизм шаг за шагом пытается достичь своей цели — империалистической экспансии и как средства для ее достижения — равноправия в вооружениях. В книге национал-социалистского спе-

специалиста по военным делам, статс-секретаря, полковника Гирля «Основы германской военной политики», говорится:

«Практическая военная политика, как и всякая практическая политика, должна быть системой промежуточных мероприятий, для того чтобы, исходя из данного положения, шаг за шагом приближаться к намеченной цели».

В носящей программный характер книге полковника Гирля намечается следующий «военно-политический идеал» фашистского государства:

«Мы хотим создать вооруженное государство, так как только оно обеспечит жизнь и будущее германского народа; во время войны все германцы должны быть военнообязанными лично и своим имуществом».

Еще во время мира народ и государство должны планомерно подготавливаться к задачам войны.

Армия должна быть народной армией, которая способна быть острым оружием для решительного ведения войны, и она проходит достаточное для этой цели обучение в мирное время.

Обучению в мирное время подлежат все германские мужчины, способные носить оружие. Время обучения должно измеряться соответственно назначению каждого лица. Служба в армии должна считаться долгом чести германского мужчины и является предпосылкой для предоставления основных прав гражданства.

Добровольные услуги должны особо оцениваться государством. Школа должна воспитывать молодежь, духом и телом способную к вооружению. Мальчики от 14 до 20 лет должны в обязательном порядке проходить предварительное обучение для дальнейшей военной службы».

По мнению Гирля, в фашистской Германии военнообязанными будут не только мужчины, но и женщины, «за исключением стариков и детей», так как дело идет уже не о мобилизации армии, а о «мобилизации всего народа».

И действительно, фашизм лихорадочными темпами проводит мобилизацию всего народа и реализацию своего «военнополитического идеала». Германский фашизм в военном отношении все еще слабее своих противников. Однако при рассмотрении не сравнительных, а абсолютных данных фашистская Германия представляет вооруженную до зубов силу, чрезвычайно мощную в военном отношении и способную к ведению современной войны. Этот факт не может быть скрыт демагогическими воплями вождей фашистского государства о «безоружности Германии» и ее «беззащитности против всякого нападения».

Версальский мирный договор разрешил Германии иметь армию только в составе 100 тыс. человек, без тяжелого вооружения, с двенадцатилетним сроком службы. Однако общеизвестно, что военные силы Германии далеко превышают этот предел. Германский рейхсвер является современной в мире армией и в состоянии включить в свои ряды миллионы бойцов. Запрещенный Версальским договором генеральный штаб снова воскрес в виде так называемого верховного руководства армией.

Количество майоров штаба в настоящее время втрое выше, чем в 1914 г. Из года в год тысячи офицеров переводятся в запас (в 1931 г. их было 2 тыс.), и только с 1928 по 1931 г. 37 молодых генералов были временно уволены в запас. Сто-тысячная армия насчитывает не меньше 21 тыс. унтер-офицеров и 30 тыс. ефрейтеров, которые в случае войны немедленно могут стать командирами рот.

Предписанный Версальским договором 12-летний срок службы на деле сокращен наполовину, что привело к удвоению числен-ного состава обученных солдат. Наряду с рейхсвером созданы военные формации пограничной стражи, корпус фельдъегерей, железнодорожной охраны, отряд технической помощи и водная полиция. Полицейский аппарат точно так же носит чисто воен-ный характер. В 1913 г. полиция, вооруженная револьверами и саблями, насчитывала 80 тыс. человек. В настоящее время она насчитывает 150 тыс. человек и снабжена винтовками, пулеме-тами, бронев автомобилями, аэропланами, минометами и ручными гранатами. 35 тыс. полицейских находятся в казармах под ру-ководством офицеров рейхсвера. По всей своей структуре, обу-чению и подготовке этот отряд полностью соответствует рейхс-веру. По сообщению французского депутата Мандела, герман-ская армия уже в настоящее время насчитывает 920 тыс. человек. В течение пяти дней Германия может выставить 45 дивизий.

Известный американский публицист Лейланд Стове¹ дает следующий подсчет численности военных сил Германии и орга-низаций, носящих военный характер (в тыс. человек):

Рейхсвер	100
Полиция	140
Штурмовые отряды	460
Отряды защиты	200
Стальн й шлем	200
Трудовая повинность	230
	<hr/>
	1 330 человек

В эти циффы не включены 1,5 млн. членов союза гитлеров-ской молодежи и 8 млн. человек, охваченных спортивными союзами. Все эти организации стоят под знаком подготовки мо-лодежи к войне.

Полувоенные формации германской буржуазии имеют осо-бенно большое значение в качестве военных резервов. Это в пер-вую очередь относится к штурмовым отрядам национал-социа-листской партии². Организационное построение этих штурмо-вых отрядов полностью соответствует структуре рейхсвера. Так например, в опубликованных в октябре 1932 г. официальных пра-

¹ Leyland Stove, «Nazigermany means war».

² Одной из целей вызванного событиями 30 июня организационного измене-ния внутри штурмовых отрядов было повышение их военной ценности путем увольнения всех ненадежных элементов и их подчинения командованию рейхсвера.

вилах о службе в штурмовых отрядах открыто говорится, что подразделение штурмовых отрядов, именуемое «стандарт», соответствует полку. Подразделениям штурмовых отрядов обычно приданы номера полков, существовавших в старой армии. Семь штабквартир штурмовых отрядов целиком соответствуют семи штабам рейхсвера. Особый интерес представляют отдельные военные формации штурмовых отрядов. В каждом «стандарте», который соответствует полку рейхсвера, имеется моторизированный отряд с мотоциклами и автомобилями. Национал-социалисты создали соответствующий автомобильный корпус, в распоряжении которого находятся сотни тысяч автомобилей и мотоциклов. В случае войны он может конфисковать все автомобили в Германии.

В каждой бригаде штурмовых отрядов имеется отряд легчиков, в распоряжении которого находятся три аэроплана, несколько автомобилей и мотоциклов. Штурмовые отряды дополнены особыми кавалерийскими и морскими отрядами.

Прежний Стальной шлем, который включен теперь в штурмовые отряды Гитлера, состоял главным образом из бывших фронтовиков и офицеров. Вся деятельность Стального шлема носила явно военный характер, причем существовала тесная связь с рейхсвером. Союз Киффхейзера насчитывает 3 млн. человек, которые также были участниками войны.

Введение трудовой повинности, явившееся одним из первых мероприятий фашистского режима, следует рассматривать в качестве скрытой подготовки всеобщей воинской повинности. Уже в 1933 г. 240 тыс. подростков были в принудительном порядке привлечены к отбыванию трудовой повинности. Предполагается охватить трудовой повинностью миллион подростков.

По реальному подсчету Германия в состоянии в кратчайший срок мобилизовать армию от 4 до 5 млн. человек.

В области морских вооружений германский фашизм также проявляет величайшие усилия. Сократившийся после мировой войны военный флот реорганизован и перевооружен на самой современной основе. Германский военный флот, с его броненосцами по 10 тыс. т, представляет собой фактор, заслуживающий внимания. Контрадмирал Брюнинггаус с удовлетворением констатировал, что «в качественном отношении вновь построенные единицы имперского флота считаются всеми морскими нациями мастерскими образцами судостроения».

В качестве самостоятельного фактора и по сравнению с флотами других великих держав германский военный флот играет скромную роль. Однако, в связи с вооружениями Германии на земле и в воздухе, и прежде всего принимая во внимание особые задачи германского военного флота, необходимо отметить его выдающуюся роль в настоящее время. Кадровый характер флота еще повысит его роль в будущем. Планы воссоздания германского военного флота и первые суммы на его строительство были утверждены и предоставлены при социал-демократическом правительстве Германа Мюллера. В секретном меморандуме военный министр этого социал-демократического прави-

тельства — генерал Гренер — обосновал развитие германского военного флота необходимостью господства Германии на Балтийском море. Этот меморандум, который можно рассматривать как теоретическую базу германских морских вооружений, носит ярко выраженный антисоветский характер.

В то время как теперешний военный флот Германии насчитывает 12 адмиралов и 676 морских офицеров, огромным флотом довоенного времени руководили только 5 адмиралов и 386 морских офицеров. В 1913 г. один офицер приходился на 35 матросов, а в настоящее время один офицер приходится на каждые 10 матросов. Германский морской бюджет, составлявший в 1924 г. 100 млн. марок, двое возрос при веймарской республике.

В военном бюджете правительства Гитлера на 1934 г. предусмотрено 236 243 200 марок на нужды военного флота. Половина этой суммы предназначена для постройки новых военных кораблей.

В то время как империя Гогенцоллернов на огромный флот водоизмещением в 1,4 млн. *t* и с людским составом в 73 тыс. человек расходовала 450 млн. марок, на современный военный флот расходуется до 250 млн. марок при водоизмещении, по официальным данным, в 150 тыс. *t* и 15 тыс. человек людского состава. По заявлению «*Völkischer Beobachter*» от 7 мая 1933 г. весенние маневры германского флота показали, что «Германия не только может быть спокойной, но и может гордиться своим флотом».

Особенно большое внимание посвящают фашистские власти созданию военного воздушного флота, который, как известно, запрещен Германии Версальским договором. Едва придя к власти, правительство Гитлера создало особое министерство авиации под руководством Геринга. По всей стране началась энергичная пропаганда и популяризация среди широких народных масс идей воздушной обороны и воздушных вооружений. Геринг объявил своей задачей освобождение германского воздушного флота от сков Версальского договора. Можно признать, что эту задачу он благодаря подготовительной работе социал-демократии в значительной степени выполнил. Каждая деревня включена в сеть тех десятков тысяч групп, задачей которых является подготовка воздушной обороны.

В то время как германское воздухоплавание сосредоточено в «Люфтганза», которая носит характер частного авиационного общества, германский «авиационный спортивный союз» выполняет задачу массовой подготовки летчиков, а «имперский союз защиты» — задачу подготовки воздушной обороны.

Официальный орган правительства Гитлера «*Völkischer Beobachter*» от 13 февраля 1934 г. опубликовал под заголовком «Германский народ должен стать народом летчиков!» следующее характерное воззвание:

«Как известно, § 198 Версальского договора запрещает нам не только воздушное оружие, но даже применение государственных средств для авиационного спорта. Инициаторы этого по-

зорного договора не учли, что когда-либо снова появится объединенный германский народ. Они не учли также готовности германского народа к жертвам. Никакой Версальский договор не запрещает нам развивать авиационный спорт путем добровольных пожертвований. Здесь имеется пробел, использование его является для нас жизненной необходимостью и само собой разумеющимся делом. Было бы глупостью отказаться от этого. Правда, мы не имеем права строить военные самолеты, однако только от нас самих и от нашей готовности к жертвам зависит развитие авиационного спорта и превращение немцев в летчиков. Поэтому — вступайте в германский авиационный спортивный союз!»

Что касается союза имперской противовоздушной обороны, то этот союз насчитывает тысячи местных организаций, почти 750 тыс. членов. У него имеются сотни школ и большая печать.

Все домовладельцы обязаны построить газоубежища и очистить чердаки от материалов, опасных в пожарном отношении. Для каждого дома назначен пожарный сторож, ответственный за защиту дома от нападения с воздуха.

Имперский министр финансов распорядился о снижении налогового обложения строительства. Это мероприятие проведено в интересах строительства в целях противовоздушной обороны. Один только национал-социалистский союз учителей обучил воздушной обороне 20 тыс. учителей, задачей которых является выступление с докладами и т. д. Дни полетов с занимательными зрелищами, доклады по радио, кинофильмы, маневры и воздушные тревоги служат популяризации и усилению воздушных вооружений.

По своему качеству и промышленной базе гражданский воздушный флот Германии занимает одно из первых мест. Однако, если рассмотреть структуру гражданского воздушного флота, состав пилотов, обучение и пропаганду, то окажется, что преобладающая часть так называемого гражданского воздушного флота носит чисто военный характер. Число имеющих в Германии уже в настоящее время военных самолетов оценивается в 1500, а ежемесячная возможность выпуска в случае войны — в 2500 самолетов. В августе 1933 г. было открыто 17 новых авиационных школ и издано распоряжение производить пополнение состава летчиков только из членов союза гитлеровской молодежи. Фашизм хочет отдать важнейшее оружие войны только в надежные руки.

Намечено введение обучения делу воздушной обороны в качестве обязательного предмета обучения в школах и университетах. Наряду с развитием особых организаций воздушной обороны этой обороне обучаются Красный крест, «техническая помощь» и пожарные. Председателем имперского союза противовоздушной обороны является бывший генерал. Геринг на деле показывает, что он выполняет обещание, данное им при принятии дел: освободить германское воздухоплавание от ограничений Версальского договора. Он концентрирует средства для строительства

тяжелых самолетов и вовлекает широкие народные массы в воздушные вооружения.

Для оценки военной силы Германии чрезвычайно большое значение имеет экономическая подготовка войны. Достаточно указать на наличие в Германии крупнейшей в мире химической и красочной промышленности, для того чтобы понять степень подготовленности Германии к изготовлению отравляющих веществ. Ни в одной области народного хозяйства границы между мирным и военным производством не являются настолько неясными, как в химической промышленности, могущей сегодня производить целительные медикаменты, а завтра смертоносные газы. Знаменитый завод Лейна, крупнейший химический завод Европы, может в трехдневный срок перейти на военное производство. Многочисленные химические заводы в настоящее время уже перешли исключительно на военное производство.

В цитированной книге полковника Гирля говорится:

«Предусмотрительное и сознающее свою ответственность правительство не замедлит тайно развивать военную промышленность государства, если оно видит непосредственное приближение войны».

Следуя этому рецепту, все хозяйство Германии, не говоря уже о чисто военной промышленности, находится под знаком подготовки к войне.

Составлен список из 4 тыс. предметов, которые должны иметься в запасе на случай войны. Значительно увеличены государственные субсидии нерентабельным, но с точки зрения военного хозяйства важным предприятиям, как например медным рудникам.

Импорт никеля увеличился в течение года в семь раз. Общее число рабочих заводов Круппа достигло при фашистском режиме 60 тыс. человек. Отчет заводов Круппа признает, что только цехи, работающие на экспорт, не полностью загружены и что только эти цехи работают 10—12 дней в месяц. Это явление позволяет сделать интересные выводы о характере производства для внутреннего рынка.

Пищевой промышленности было официально предложено подготовиться к снабжению армии. Фашистские планы автаркии сводятся к созданию достаточной базы для самоснабжения, которое сможет противостоять блокаде.

Из внешне незначительного сообщения «Frankfurter Zeitung» от 8 апреля 1934 г. о состоянии зернового рынка ясно видно, что Германия подготовила большие запасы зерна на случай войны. В сообщении говорится:

«Цель создания достаточного национального резерва на случай неурожая в будущем дает возможность сельским хозяевам сбывать пока зерно в размере, превышающем потребление. Общие запасы пшеницы составили в конце февраля 3,2 млн. т. Из этого количества во всяком случае останутся в конце года несколько сот тысяч тонн, которые можно будет прибавить к национальному резерву».

К подготовке грядущей войны относится и обширная программа дорожного строительства. В связи с моторизацией армии фашизм хочет построить сеть первоклассных дорог, для того чтобы быть в состоянии в кратчайший срок перебросить свои войска к любому пункту границ. По сообщению «Deutsche Allgemeine Zeitung» от 25 июня 1933 г., должна быть построена такая сеть дорог, «какой мир до сих пор еще не видел». Величайшее внимание посвящается вопросам общей моторизации страны. Все автомобильные клубы подчинены «национал-социалистскому автомобильному корпусу». Национал-социалистским автомобильным клубам поручена забота о развитии автомобильного спорта, в задачи которого входит не только управление автомобилем, но и чтение карт, ориентировка на местности, изучение мотора, вопросы связи, так же как и вопросы авиации и моторизации армии.

Следующие замечания «Berliner Börsenzeitung» от 5 мая 1933 г. являются иллюстрацией того, что лихорадочное развитие автомобильного военного спорта проводится в Германии исключительно с военной точки зрения. Газета пишет:

«При известных обстоятельствах состояние автомобильного корпуса может оказать решающее влияние на исход боя. Поэтому велением времени является постоянное улучшение моторизации нашей армии, к которой в связи с Версальским договором относились невнимательно. В ходе развития военного спорта автомобильные клубы взяли на себя некоторую подготовительную работу для необходимого технического обучения. Было бы поэтому желательно, чтобы официальные ведомства обратили особое внимание на это обучение народа. Если в древности говорилось: «Мореплавание необходимо», то в настоящее время нашим лозунгом должно быть: «Германский автомобилизм должен расти».

В тесной связи с этой моторизацией страны с точки зрения военной подготовки находятся энергичные усилия добиться самоснабжения Германии бензином, так же как и широкое развитие тракторостроения.

Непосредственное производство для военных целей принимает в Германии все более обширный характер. Более чем простым символом был тот факт, что именно пушечный король Крупп первый послал поздравительную телеграмму Гитлеру по поводу ухода Германии с Женевской конференции. Высокая конъюнктура для германской военной промышленности отражается в повышении курса акций.

С 1932 г. акции предприятия «Берлинер-Карлсруэр индустриверке», которое снова приняло свое прежнее наименование завода по производству оружия и амуниции, поднялись с 16 до 60 марок. Акции «Байерисхе моторенверке» поднялись с 30 до 138 марок.

На военных заводах Германии производится все необходимое на случай войны, начиная от вагонов для бронепоездов, до пулеметов и орудий, танков и амуниции.

По сообщению «Ère Nouvelle» от 22 сентября 1933 г., Германия имеет в настоящее время 4800 полевых пушек, хотя она имеет право только на 292 пушки, далее 1500 зенитных орудий и 2400 тяжелых орудий, которые вообще запрещены ей Версальским мирным договором. Обеспечено массовое производство танков, запрещенных Версальским договором. Заводы, занятые производством амуниции и оружия, работают в несколько смен.

Принимаются строгие меры предосторожности для ограждения военных заводов. Так например оружейный завод Маузер был занят фашистскими штурмовыми отрядами, и все рабочие и служащие, не являющиеся фашистами, были уволены. Обратный прием на работу производится только после того, как тайная государственная полиция Геринга собрала сведения о каждом данном рабочем. Тот, кто не может с достоверностью доказать, что не был «марксистом», не получает работы.

Для тайных кладов оружия и амуниции рейхсвер конфисковал складские помещения. Владельцам напомнили о существовании параграфа о государственной измене.

В рамках общей подготовки войны германский фашизм уделяет решающую роль молодежи. По выражению Гинденбурга, «в настоящее время необходимо поставить на службу отечеству даже игры германского подростка». В своей книге «География и воля к вооружению» профессор Банзе требует поставить «понятие войны в центр всего воспитания молодежи и народного образования». По словам прусского министра просвещения Руст, истинная практическая школа молодежи не в университете, а в лагере трудовой повинности. Профессор Беймлер также заявляет, что целью занятий современного студента должен быть не экзамен и получение профессии, а «борьба за свой народ». Идеологическая подготовка германской молодежи к войне, ее классовое и расовое натравливание приняло размеры, о которых трудно дать представление. Это находит свое выражение например в совершенно милитаризованном преподавании истории. Обязательная трудовая повинность представляет собой едва прикрытую форму военной подготовки молодежи. По заявлению «Deutsche Bergwerkszeitung» школа трудовой повинности в настоящее время, «когда великая воспитательная школа, которой является армия, больше не существует, особенно необходима». В написанной анонимным автором работе «Германская милиция будущего» (издание рейхсвера: S. Mittler und Sohn) выставляется требование предоставить руководство современным воспитанием молодежи «лучше всего старым военным различных чинов».

«Оздоровление молодежи должно быть первым, пока только пробным шагом к тому, чтобы по крайней мере до некоторой степени заменить отсутствующее всеобщее военное обучение и некоторым образом подготовить его. Само собой разумеется, необходимо продолжать и распространять на широчайшие круги молодежи уже применявшиеся до сих пор методы

обучения молодежи, как общие физические упражнения, гимнастику, плавание, стрельбу из мелкокалиберного оружия. В качестве нового вида спорта к этому присоединится «обучение на местности» (Geländeübungen). Под этим надо понимать, что молодежь будет выведена из гимнастических зал и спортивных площадок для планомерных упражнений на местности, причем основой должна служить солдатская установка. Сюда относятся: упражнения по преодолению препятствий, дисциплинарные упражнения для достижения послушания и точности, походные марши с достижением определенных норм, оценка расстояния, чтение карт, ориентирование на местности и т. д.»

Почти вся мужская и женская молодежь Германии подготавливается к войне путем трудовой повинности, посредством концентрации всех юношеских организаций в союзе гитлеровской молодежи, точно так же как путем милитаризации спортивного движения. Следующее заявление Гитлера в его книге «Моя борьба» показывает, какое значение придает германский фашизм спортивной подготовке именно в связи с запрещением всеобщей воинской повинности:

«Если дать германской нации 6 млн. в спортивном отношении безупречно тренированных тел, кипящих фанатичной любовью к отечеству и воспитанных в наивысшем наступательном духе, то в случае необходимости национальное государство сможет создать из них меньше чем за два года армию, по крайней мере, поскольку для этого имеется основное ядро.»

Прибавляя, что таким основным ядром он считает рейхсвер, Гитлер не оставляет ни малейшего сомнения в характере намечаемой армии.

От господствующего класса фашизм получил задание поставить также широкую массу женщин на службу подготовки к войне. Фашизм развивает интенсивную пропаганду, для того чтобы заставить жен рабочих рожать детей, как кроликов, т. е. поставлять пушечное мясо. Германские фашисты провозглашают наивысшим идеалом женщины «воспитание к браку как профессии». Женщина должна исчезнуть из производственного процесса и из политики и ограничиться кухней, ребенком и церковью. Среди почти 500 депутатов первого рейхстага Третьей империи нет ни одной женщины. Только в области милитаризации германский фашизм признает равноправие женщины с мужчиной. Введенная фашистами женская трудовая повинность является скрытой формой милитаризации женщин. «Völkischer Beobachter» от 17 января 1934 г. пишет:

«Обязанности женщины в народе коренятся в ее бытии как матери и в ее материнском призвании. Это означает для нас, национал-социалистов, что мы решительно отклоняем всякую однородность с мужчиной и всякую борьбу за такую однородность, так как она не соответствует природе женщины.»

Из статьи в «Völkischer Beobachter» от 9 августа 1933 г. видно, что фашизм отклоняет равноправие женщины с намерением превратить женщину в поставщика пушечного мяса:

«Первой работой на пути женской трудовой повинности будет освобождение девушки от воззрений старого женского движения. Здесь мыслится прежде всего уравнивание женщины с мужчиной. Это было одним из корней многочисленных ошибок и вредных извращений, в результате которых женщины считали себя вправе отделиться от семьи и пренебрегать своими свойствами жены и матери или отказываться от них».

С ясностью, которая не оставляет желать ничего лучшего, руководительница национал-социалистского женского союза Гервиг Ферстер дала понять, что в фашистском государстве женщина должна быть тупым, неразвитым существом, которое должно ограничиться печным горшком и кроватью и к тому же еще должна быть милитаризована. В «Völkischer Beobachter» от 11 июля 1933 г. эта «дама» писала:

«Наступит значительное облегчение от учебы в целях физического укрепления и освобождения сил для службы семье».

Национал-социалистский женский союз охватил уже 8 млн. женщин, причем построение этой массовой организации соответствует построению военных штурмовых отрядов. Сверх того женщины охватываются и милитаризуются женской трудовой повинностью. В одном только районе Берлин—Бранденбург было в феврале 1934 г. 34 лагеря женской трудовой повинности. Так как имеется 13 районов, то число всех трудовых лагерей для женщин составит несколько сот.

Введение так называемого «сельского года» в фашистской Германии представляет дальнейший шаг на пути к милитаризации женской молодежи. «Сельский год» охватывает в особенности окончившую школы женскую молодежь из политически и социально «угрожаемых» промышленных местностей. Наряду с неоплачиваемыми полевыми работами «сельский год» заполняется спортом, ориентацией на местности, движением, походными маршами, расовой наукой, историей и санитарным делом.

Для широкой военной подготовки германской буржуазии особенно характерен военный бюджет, который является образчиком империалистического искусства маскировки. Так например бросается в глаза, что в 1914 г. для вооружения армии из 500 тыс. человек требовалось в круглых цифрах 71,8 млн. марок, в то время как в 1928 г. для армии в пять раз менее многочисленной оказываются необходимыми в круглых цифрах 65,5 млн. марок. Недавно опубликованный военный бюджет на 1934 г. характеризует бесцеремонность, с которой германский фашизм проводит свой военный курс. По сравнению с предыдущим годом военный бюджет возрос на 220 млн. марок, достигнув 894 323 200 марок. На «руководство армией» намечено 9 280 тыс. марок, т. е. на 1,7 млн. марок больше, чем в бюджете 1932 г. На вооружение и амуницию предусмотрено почти 52 млн. марок, т. е. на 11 млн. марок больше, чем в предыдущем году. Хотя Германия не имеет права строить крепости, сумма, отпущенная на крепости, радиоаппараты и радиоматериалы, повысилась на 12 млн.,

достигнув 47,3 млн. марок. Общая сума кредитов на сухопутную армию составляет 574 545 550 марок плюс 80 млн. на одновременные расходы, итого 654 545 550 марок. Увеличение по сравнению с 1932 г. составляет 200 млн. марок. Бюджет военного флота составляет 236 243 200 марок, из которых почти 50% предназначено на постройку новых военных судов. Хотя личный состав имперского флота достигает только 15 тыс. человек, на морской штаб, гарнизонные расходы и одежду предусмотрено 23,7 млн. марок.

Однако наибольший рост показывает бюджет министерства авиации. Вместо 78 млн. марок в предыдущем году министерство авиации получает в текущем году 210 млн. марок. Не менее 118 млн. марок предназначено для текущих работ. Для воздушной обороны предусмотрено свыше 50 млн. марок. Впервые в военный бюджет включено финансирование национал-социалистических штурмовых отрядов и трудовой повинности в размере 250 млн. марок. В общей сложности военный бюджет составляет 2,5 млрд. марок, т. е. даже по официальным данным свыше трети всего бюджета предназначено для военных целей. Однако фактически расходы германского фашизма на вооружение значительно больше. Так например не учтены почти 200 млн. марок на содержание полиции и почти 100 млн. марок на пенсии. К тому же для покрытия военных расходов используются не только государственные ресурсы, но и привлекаются в широких размерах муниципалитеты, предприятия, различные организации и частные источники. Так «Tägliche Rundschau» от 3 мая 1933 г. пишет:

«Очевидно необходимо, чтобы городские управления поняли, что не только в спокойное время, но... и на случай серьезной необходимости они должны взять на себя серьезные обязательства в интересах общественного благополучия своих граждан».

Постройка казарм и аэропортов, в особенности же вся противовоздушная оборона, проводится за счет муниципалитетов. В том же номере указанной газеты говорится об упражнениях по противовоздушной обороне в Вильгельмстафен:

«Проверка противовоздушной подготовки на важнейших для войны предприятиях показывает наличие прекрасной организации и успех обширных планомерных работ. В особенности это относится к морской верфи. На это предприятие можно указать другим промышленным предприятиям как на образец. В результате ясного понимания, что сначала идет безопасность, а затем все остальное, все суммы, полученные на верфи, в результате экономии расходов использованы для целей противовоздушной обороны. Вот образ действия, который должен послужить примером для других важных в военном отношении предприятий».

Эти два примера особенно ясно показывают, что расходы по проведению политики вооружений ложатся на широкие массы трудящихся. Действительный размер этих расходов не поддается никакому учету.

Непосредственным элементом подготовки к войне является чрезвычайно интенсивная идеологическая подготовка, которую фашизм проводит с целью завоевания широких масс для своих авантюристских планов. Как и 20 лет назад, перед началом войны, в фашистской Германии царит в настоящее время дух дикого шовинизма и жесточайшей реакции. Печать и литература, театр, кино и радио, школа и университет — все поставлено на службу идеологической подготовки войны. Эта подготовка охватывает население, начиная с детей и кончая стариками. Возникла новая отрасль так называемой военной науки, цель которой, по определению майора фон Арним, заключается в том, чтобы «воспитать весь народ, мужчин, женщин и молодежь и устранить недостатки, причиненные нерешительной или неправильной политикой мира».

Профессор военной науки Банзе, который перенял знаменитые традиции пангерманцев довоенного периода, требует «создания единой воли нации к войне и победе путем введения военной науки». В своей книге «Военная наука» профессор Банзе заявляет:

«Мы больше ничего не хотим знать о смешном желании создать единое человечество, которого никогда не было, за исключением разве бесцветного статистического понятия. Не должно быть продумано ни одной мысли, не написана ни одна картина, не сделано ни одного удара молотом, не перемолото ни одного зерна без того, чтобы возвышение народа не стояло перед глазами в качестве блестящей цели».

Почти во всех университетах и высших учебных заведениях созданы кафедры военной науки. При этом все факультеты занимаются военными проблемами. Преподавателями большей частью являются руководящие военные. Указатель лекций в Берлинском университете в 1933/34 г. содержит например перечень следующих лекций по военным вопросам:

Медицинский факультет: курсы об отравляющих веществах; историческое отделение: военная география и военная политика, а также стратегия и военное искусство в древности; научное отделение: военная техника и ее связь с математикой и физикой и военное применение электрических средств передачи; химический институт: три курса об отравляющих веществах; гимнастический институт: военное значение сохранения и обучения народа. В высшей технической школе в Штутгарте заведующим кафедрой военной науки назначен генерал фон Муфф. В Лейпцигском университете профессорами военной науки назначены генерал фон Кохенгаузен и генерал Хаусгафер. В университете в Гейдельберге кафедрой военной науки руководит майор Шниттнер. В Кенигсбергском университете генерал Хонниг читает лекции по вопросам военной обороны и будущей войны. В Берлинском политехникуме несколько генералов читают лекции по вопросам военной политики. В Марбургском университете также создана подобная кафедра.

Известный парижский корреспондент «New York Herald» Лей-

ланд Стове в своей книге «Национал-социалистская Германия означает войну» (Лондон 1934 г.) сообщает, «что назначения в германские школы военных экспертов, генералов и военных ученых произошло в порядке открытого нарушения § 177 Версальского мирного договора. Этот параграф ясно предусматривает, что германские школьные заведения, университеты... и общества других видов независимо от возраста своих членов не имеют права заниматься какими-либо военными вопросами».

Национал-социалистское государство становится под ружье для достижения разбойничьих целей экспансии германского империализма. Успешное достижение этих целей должно служить предпосылкой к созданию «истинной Третьей империи». Германский финансовый капитал не примирился с потерей своих колоний в результате мировой войны. Фашизм стремится к военным авантюрам для захвата новых территорий, источников сырья и рынков сбыта. Носители фашистской идеологии, на деле осуществляющие интересы финансового капитала, мечтают о новых войнах и оккупациях.

В своей речи в Дортмунде 27 апреля 1934 г. бывший рейхсканцлер фон Папен, назвал конечной причиной экономического кризиса то, что «экономические территории не поспевали за техническим развитием». Поэтому он требует для Германии «увеличения территории, что политикой до сих пор не учитывалось». Папен дал этим понять, что германский капитализм видит в существующих государственных границах ограничение своей деятельности и поэтому стремится к оккупации новых стран.

В полемике с «Deutsche Tageszeitung» национал-социалистский «Angriff» сделал следующее заявление, на которое необходимо обратить внимание:

«Мы должны заметить, что «Deutsche Tageszeitung» ошибается, думая, что мы уже находимся в Третьей империи. Если бы газета точнее, чем сейчас, представляла себе, что означает понятие Третьей империи, то она знала бы, что это понятие является высокой целью, отдаленным стремлением, за которое надо еще долго бороться. В настоящее время мы после долгих блужданий только еще установили эту цель и походом маршем двинулись по направлению к ней»¹.

Только «великая Германия», которая, согласно первому пункту национал-социалистской программы, должна охватить всех немцев Европы, представит собой действительное завершение «Третьей империи». Фашизм открыто провозгласил задачу завоевания германской гегемонии над всей Европой. Фашистский лидер, государственный советник Симон, открыто заявил в Кобленце:

«Великая Германия простирается на все области, где распространен немецкий язык, где в жилах течет немецкая кровь! Мы не довольствуемся Саарской областью. Далеко за ее пределы распространен немецкий язык. До Меца и дальше до Мюлл-

¹ «Angriff», 8/1 1934.

хаузуена! Саар, Эльзас-Лотарингия, Австрия, Люксембург, Бельгия и Голландия когда-то были германскими. Национал-социализм и его вожди не остановятся прежде, чем достигнут цели в виде великой Германии с 90 млн. населения».

В книге Рисс Фолькер «Наши пограничные и заграничные немцы», носящей программный характер, число жителей великой Германии также определяется в 90 млн. человек. Во всех соседних с Германией странах, которые по мнению германских фашистов принадлежат к германской расе или же в которых имеются немецкие меньшинства, германский фашизм ведет систематическую, чрезвычайно интенсивную, широко финансируемую пропаганду для идеологической и политической подготовки своих империалистских великодержавных планов.

По мнению полковника Гирль, национал-социалистской Германии нужен «вооруженный, готовый к борьбе народ и отточенное оружие», для того чтобы добиться цели, не достигнутой в мировой войне. Германский фашизм, который как орудие финансового капитала не хочет и не может обеспечить трудящимся массам хлеб и работу, бурно стремится на путь внешнеполитических авантур для замены старого Версаля новым. При этом фашизм одновременно надеется путем внешнеполитических выступлений предотвратить внутренний взрыв. Гирль ясно и отчетливо заявляет:

«Для того чтобы революционное стремление низов к освобождению не привело к взрыву, который разрушит наш собственный дом, необходимо превратить его в двигательную силу национального освобождения, т. е. освобождения от того давления, которое душит всех».

На демонстрации национал-социалистских производственных ячеек Геринг объявил, что предпосылкой для проведения социализма внутри страны является проявление во-вне силы, «создающей территорию, на которой может существовать как отдельная личность, так и целый народ». При этом Геринг, один из виднейших лидеров гитлеровского режима, открыто признает, что германский фашизм требует кровавой военной авантюры в качестве предпосылки для проведения обещанного «социализма». Германский финансовый капитал все сильнее толкает страну на путь империалистической экспансии. Экспансии германского финансового капитала препятствуют условия Версальского договора, роль Франции в Европе, сферы влияния империалистских великих держав на мировом рынке. Германская буржуазия знает, что эти затруднения можно разрубить только мечом войны, и она готова взяться за этот меч. Когда Гитлер еще не был связан дипломатическими соображениями, он писал в своей книге «Моя борьба»:

«Угнетенные страны могут быть возвращены в лоно общего государства не пламенными протестами, а только ударом меча».

Выковать этот меч — задача внутривластного руководства народа, а обеспечить работу по выковыванию и найти товарищей по оружию — задача внешней политики».

Провозглашенная Гитлером несколько лет назад «земельная политика будущего» направлена в первую очередь на восток европейского континента, и лишь во вторую очередь на колонии. Первый год диктатуры Гитлера ясно показал решимость германского фашизма предложить себя мировому капиталу в качестве авангарда для борьбы против Советского союза. Германский фашизм показал свою решимость добиться ревизии восточных границ, укрепиться в Прибалтике и отсюда подготовить экспансию против Советского союза и завоевание советской Украины.

Используя противоречия в лагере империалистов, германский фашизм пытается взорвать версальский блок изнутри и добиться поддержки своих планов со стороны великих держав — Англии и Италии, не говоря уже о совершенно отчетливой линии на создание антисоветского блока с Японией. Одновременно германский фашизм пытается внешнеполитическими маневрами обеспечить себе достаточное время для «передышки», в течении которой путем лихорадочных вооружений подготовиться к скорейшему осуществлению своих планов. Для этих стремлений характерно между прочим заключение с Польшей пакта о ненападении. Что эти попытки германского фашизма вынуждают к самым сложным маневрам, показывает позиция Италии, которая, несмотря на отказ Гитлера от Южного Тироля, оказывает резкое сопротивление стремлениям Берлина добиться присоединения Австрии.

Под давлением реального военнополитического соотношения сил Гитлер пытается скрыть свои действительные военные планы туманом пацифистских фраз. Лживый метод применения пацифистских фраз для отвлечения внимания масс от обостряющейся опасности войны остался излюбленным оружием и в руках фашизма. Цель непрерывных уверений Гитлера в мирных намерениях совершенно ясна. Он пытается скрыть от трудящихся масс открытый военный курс фашистского режима и обеспечить фашизму необходимую передышку для подготовки новой мировой войны.

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА ФАШИСТСКОЙ ДИКТАТУРЫ КАК ОРУДИЕ КРУПНОЙ БУРЖУАЗИИ

Цели и задачи экономической политики фашистской диктатуры прежде всего определяются задачами увеличения прибылей финансовой олигархии. В этой связи основной заботой правительства Гитлера было повышение нагрузки крупных монополистических отраслей промышленности. Эти мероприятия по своему существу непосредственно связаны с политикой вооружений.

Первым конкретным мероприятием было оживление автомобильной промышленности путем значительного снижения налогов и освобождения всех новых автомобилей от налогов. Само по себе это оживление стоит в тесной связи с моторизацией армии. Аналогичный характер носят мероприятия по постройке автомобильных дорог, связанные с субсидированием цементной и асфальтовой промышленности. Одновременно проводятся мероприятия по оживлению черной металлургии (уголь и железо) и бензиновой промышленности. Для достижения автаркии в области снабжения бензином обеспечивается сверхприбыль на искусственный бензин — «лейна-бензин» (100 л бензина стоят в Германии 26,80 марок, а в Америке, Франции и Англии от 3,54 до 4,16 марок. Цены на бензол взвинчены в Германии на 55% выше довоенного уровня).

Вторым крупным мероприятием был «закон о картелях». Он уполномочил имперского министра народного хозяйства создавать картели мерами государственного принуждения или укреплять их путем принудительного включения аутсайдеров.

Этот закон вызвал широкую волну воссоздания распавшихся картелей и основания новых. Уже через полтора месяца одна из важнейших газет германской финансовой олигархии «Berliner Börsenzeitung» от 1 сентября 1933 г. заявила, что пришлось бы заполнить все страницы газеты, для того чтобы перечислить все случаи новообразования и воссоздания картелей.

Что характеризует эту политику картелирования с классовой точки зрения?

Наиболее откровенный орган германского финансового капитала, «Deutsche Bergwerkszeitung», заявил еще 18 августа 1933 г., что для «типичных способных к картелированию отраслей промышленности» «с однородным массовым производством» решающую роль играл не вопрос цен, а вопрос использования про-

изводительной мощности. Здесь закон может послужить только для того, чтобы помешать созданию новых производственных единиц. Особенно в цементной промышленности необходимо «обуздать аутсайдеров». «Только для отдельных отраслей промышленности, — писала газета, — по особым причинам речь идет о повышении цен».

В противоположность этому вся национал-социалистская агитация в печати, на собраниях и прежде всего в организациях средней и мелкой промышленности, ремесла и торговли утверждала, что основной целью закона о картелях является стремление вести политику «в интересах среднего сословия».

Организации «среднего сословия» и даже ремесленные цеховые союзы внезапно в массовых размерах пытались присвоить себе функции картелей и прежде всего повысить цены. В распавшихся во время кризиса картелях обрабатывающей промышленности, которые снова укрепились на основе закона о картелях, также началась широкая волна всевозможных повышений цен. В результате общего настроения, созданного этой широкой агитацией, «Vossische Zeitung» от 12 ноября 1933 г. писала, что «аутсайдер был поставлен чуть ли не в положение сопротивляющегося воле государства». Ряд мероприятий (добровольное включение средних предприятий в картели, особые соглашения между картелями и организациями ремесленников и т. д.), на деле усиливающих влияние монополистического капитала, были использованы агитацией для доказательства выгоды проводимой фашистской диктатурой для среднего сословия политики картелирования. Крупные монополистические организации внезапно вспыхнули любовью к «среднему сословию».

Мелкая буржуазия принимала национал-социалистскую демагогию за чистую монету. Необходимо напомнить, что для использования настроений масс программа национал-социалистской партии обещала национализацию трестов и крупных предприятий.

В официальной интерпретации Готфрида Федерера «Программа национал-социалистской партии и мировоззрение, являющееся ее основой», говорится по поводу этого пункта программы:

«Гигантские предприятия (концерны, синдикаты и тресты) будут национализированы. И это требование логически вытекает из нашей борьбы против капиталистической идеи».

Финансовая олигархия немедленно применила свою фашистскую государственную власть против всяких попыток со стороны «средних слоев» исправить этот пункт программы в своих интересах. Уже 15 июля 1933 г. был издан закон, категорически воспрещающий национал-социалистскому союзу «борьбы ремесленного среднего сословия» оказывать воздействие на «распределение заказов государства, провинций и муниципалитетов». Это «воздействие», «часто вызываемое самочинными причинами», как говорится в законе, не должно было допускаться ни в коем случае. Закон устанавливал, что распределение государственных заказов является исключительно делом официальных органов.

Официальные органы энергично выступили против многочисленных попыток цеховых организаций ремесленников присвоить себе функции картелей. Всем цеховым организациям было запрещено устанавливать для своих членов обязательные цены. Однако фашистские организации средних слоев делали величайшие усилия, для того чтобы связать «сословное построение» с взвинчиванием цен и с расширением сбыта мелких и средних предприятий за счет крупных. В конце концов финансовая олигархия должна была через посредство правительства Гитлера запретить и распустить национал-социалистский союз борьбы и «отложить до более позднего времени» «сословное построение».

Пресса финансового капитала принимала энергичное участие в этой кампании. Результаты этой борьбы финансовой олигархии сказались в росте нагрузки отдельных монополий и в росте прибылей.

«Völkischer Beobachter» сам подвел следующий итог прибылям, полученным финансовой олигархией. 23 декабря 1933 г. газета писала:

«Хотя картелированные отрасли тяжелой промышленности дают в круглых цифрах только 27% общей продукции, но в абсолютных цифрах объем их продукции повысился с начала 1932 г. приблизительно на столько же, на сколько во всех остальных отраслях промышленности, вместе взятых. В ценах 1928 г. продукция картелированных отраслей тяжелой промышленности составила в январе 1932 г. в круглых цифрах 1,0 млрд. марок, а в сентябре 1933 г. 1,3 млрд. марок. Продукция прочих отраслей промышленности составила в январе 1932 г. в круглых цифрах 3,3 млрд. марок, а в сентябре 1933 г. 3,6 млрд. марок».

Было бы неправильным однако не видеть того, что политика картелирования, проводимая фашистской диктатурой, в интересах монополистического капитала все же пытается удержать в повиновении «среднее сословие» путем некоторых облегчений отдельным кругам мелких и средних представителей обрабатывающей промышленности.

Следующим законом был создан «генеральный совет хозяйства» фашистской диктатуры.

Важнейшие представители финансового капитала — Тиссен, Крупп, Феглер — лично вступили в эту организацию. Наряду с несколькими крупными банкирами и крупными аграриями был вовлечен также ряд национал-социалистских деятелей и несколько марионеток из «среднего сословия».

Речь председателя союза мелкой металлопромышленности района Берлин — Бранденбурга Поддингхауса на заседании в Хаген 8 августа 1933 г. показывает, как в кругах мелких и средних капиталистов оценивался состав этого «генерального совета». В этой речи он протестовал против одностороннего состава генерального совета и требовал включения промышленников из отраслей обрабатывающей промышленности:

«Назначение главным образом крупных промышленников, так

же как и крупных банкиров, вызвало некоторую озабоченность»¹.

Одновременно путем «унификации» и реорганизации всех существующих союзов во всех областях была начата подготовка «сословного построения». При этом проводился принцип организационного охвата под централизованным руководством финансовой олигархии всех крупных, средних и мелких промышленных и с.-х. предприятий и организаций.

Происходили многочисленные выступления национал-социалистских организаций средних слоев за повышение своих прибылей и за использование своих организационных позиций в «сословном строительстве». Финансовая олигархия отсрочила все «сословное построение» и отстранила ненадежные элементы средних слоев, которые не поняли сразу, что «общественная польза» по национал-социалистски есть польза финансового капитала.

Осенью 1933 г. фашистская диктатура издала закон, уполномочивающий имперского министра народного хозяйства по своему усмотрению вмешиваться в существующие организации путем их роспуска, организации и издания обязательных постановлений. Этот закон должен обеспечить командные высоты за финансовой олигархией и ее фашистскими государственными чиновниками.

Приведем несколько примеров, для того чтобы показать характер этой борьбы внутри буржуазии.

Между монополистической железодобывающей промышленностью и монополистически неорганизованной железообрабатывающей промышленностью в Германии идет постоянная борьба за возмещение части монопольной дани, а также борьба по вопросу о проникновении крупных металлургических концернов в обрабатывающую промышленность.

Черная металлургия пыталась расширить свой сбыт при помощи скушленных ею заводов обрабатывающей промышленности, создав ожесточенную конкуренцию против «неорганизованных» заводов. Эти последние в свою очередь вели резкую борьбу против сбивания цен обрабатывающими предприятиями крупных концернов, которые получали железо и сталь «по себестоимости».

Далее они требовали уравнивания с иностранными конкурентами, которые получали металл от германской металлургии на 42—54% дешевле, чем германская железообрабатывающая промышленность.

Эта длительная борьба велась организациями обрабатывающей промышленности, вожди которой, так же как и широкие круги промышленников этих отраслей, почти сплошь были национал-социалистами.

После прихода Гитлера к власти, обрабатывающая промыш-

¹ «Berliner Börsenzeitung», 9/III 1933.

ленность считала, что наступило время для осуществления ее требований, так как «ее люди» заняли важнейшие государственные посты.

В апреле 1933 г., после неудачного исхода непосредственных переговоров с представителями черной металлургии, представители обрабатывающей промышленности при участии краевого экономического советника национал-социалистической партии потребовали от правительства снабжения их сырьем по отпускным ценам, установленным для заводов, входящих в металлургический концерн, прекращения сбивания цен и введения равных покупных цен на уголь, кокс, газ и электрическую энергию как для заводов концернов, так и для монополизированных заводов.

Правительство Гитлера немедленно назначило государственного комиссара. Борьба закончилась отклонением всех требований за исключением одного: в дальнейшем металлургические концерны будут снабжать свои обрабатывающие предприятия так же как и прочие по монопольным ценам. Это ровно ничего не меняет. Изменение заключается лишь в том, что монопольная дань будет приходиться не заводами непосредственно, а металлургическим концерном.

Возьмем другой пример.

В 1932 г. положение крупного монополиста Флика стало неустойчивым. Последнему совместно с Тиссенем и крупными банками принадлежало большинство акций стального треста «Ферейнигте Штальверке». Концерн Флика мог удержаться только путем реализации своих гельзенкирхенских акций. Об этом велись переговоры уже при Брюнинге, но санация не была проведена государством. Усилия Флика, Тиссена и многих банковских заправил натолкнулись на финансовые затруднения как государства, так и самих банков. Брюнинг был свергнут, и на следующий день после его свержения — еще до назначения правительства Папена — был «заключен» договор Флика с государством.

Государство «переняло» акции Гельзенкирхен на сумму 110 млн. марок номиналом по курсу 90%, в то время как на биржах эти акции, несмотря на извещение о «сделке», упали с 41% до 35%.

При помощи этих сумм Флик санировал свой главный концерн (Шарлотенхютте, Максхютте-Миттельшталь-Харпен).

Правительство Гитлера завершило эту «сделку». Оно одобрило реорганизацию Стального треста. После этой реорганизации общество Гельзенкирхен перешло в руки держателей акций Стального треста, и государство «потеряло свое влияние». Совместно с Фоглером, поддерживаемым главным образом Тиссенем, Флик ликвидировал финансовую организацию Шарлоттенхютте, которая со своими 20 млн. марок акционерного капитала господствовала над превосходящими ее в несколько раз Максхютте, Миттельшталь и Харпен. В результате этой реорганизации доминирующее влияние осталось за Фликом. «В противоположность го-

сударству», подчеркивает «Frankfurter Zeitung», «Флику не нужно уменьшать своего влияния. Он достиг того, что и без скупочных органов в состоянии держать весь комплекс в своих руках»¹.

Такую службу сослужили правительства Папена и Гитлера финансовым магнатам.

Другим примером является «разрешение» вопроса об универмагах, которое также важно для характеристики отношения Гитлера к финансовому капиталу.

«Борьба» против «еврейского капитала в универмагах» была одним из важных средств агитации, при помощи которой национал-социалисты завоевали массы городской мелкой буржуазии. Результат этой «борьбы» достаточно известен.

Банковский капитал

«Уничтожение процентного рабства» — таков был в течение ряда лет лозунг национал-социалистов для средних слоев города и деревни. В условиях кризиса этот лозунг оказывал все более сильное воздействие.

Давление задолженности повышалось по мере углубления кризиса и падения оборотов. Одним из последствий кризиса было то, что банки вынуждены были пустить в ход все средства для поддержания сросшихся с ними крупных промышленных предприятий.

Председатель союза металлопромышленности района Берлин — Брандербурга Поддингхаус, о котором уже упоминалось, заявил на заседании 28 апреля 1933 г., что союз должен «тщательно заняться» вопросом о кредитных отношениях и банковских процентах. В течение ряда лет многие предприятия работают, «несмотря на все усилия и ограничения, только на уплату процентов ссудному капиталу». «Kölnische Zeitung» от 29 апреля 1933 г. отмечает, что помощь оказывалась не мелким и средним фирмам, а крупным предприятиям.

Многие сотни миллионов государственных средств, которые финансовая олигархия пустила в ход для санирования обанкротившихся крупных банков и крупных концернов, усилили эти настроения, а также настроения за «социализацию», т. е. за государственствление банков.

Страницы национал-социалистической печати изобиловали статьями о «борьбе» против «ссудного капитала», против банкиров и «лихоимцев».

Эти лихоимцы пришли вместе с Гитлером к власти. Однако национал-социалистические массовые организации и их печать продолжали эту агитацию, и это сделало положение критическим.

Пришлось официально бить отбой. Главный поборник «уничтожения процентного рабства», Федер, был вынужден заявить в «Völkischer Beobachter», что уничтожение процентного рабства является «лишь революционным лозунгом».

¹ «Frankfurter Zeitung», 14/1 1934.

«Делом самого хозяйства и науки (!) является возведение (!) нового экономического строя в духе этого лозунга (!)»¹.

Шахт был вынужден вмешаться лично. В январе он заявил в Киле:

«Ссудный капитал полезен, и уплата процентов необходима, если хотя бы применять ссудный капитал».

Он заявил даже, что новообразование ссудного капитала требует «внимательнейшего отношения» и что «было бы чрезвычайно нецелесообразно постоянно ругать ссудный капитал и угрожать его владельцам законодательным регулированием свободы распоряжения и возможности получения дохода».

«Достаточно указать на программу приискания работ для характеристики тех размеров, в которых именно государству для национал-социалистских задач нужен ссудный капитал» («Frankfurter Zeitung», 27/I 1934).

Однако необходимость фашистской демагогии снова заставляет национал-социалистскую агитацию успокаивать возникающее среди средних слоев недовольство фразами против «ссудного капитала» и за «социализацию» банков. За этим скрывается прежде всего стремление замазать сущность финансового капитала. Нарочитая атака на ссудный капитал смазывает вопрос о капиталистическом предпринимателе, о сращивании банковского капитала с крупной промышленностью в финансовый капитал. Тем самым скрывается, что главным орудием эксплуатации являются монопольные организации, грабеж при помощи монопольных цен.

Как ни необходима для финансового капитала эта агитация, она все же становится опасной, если заходит слишком далеко, и прежде всего, если она подрывает доверие к банкам.

Правительство Гитлера само выдвинуло Шахта, для того чтобы решительно ограничить чересчур ретивых агитаторов. Гитлер официально объявил, что Шахт является диктатором в вопросах денежной и банковской политики, и запретил всем «партийным и государственным органам» всякие самостоятельные действия «в экономических и финансовых делах»².

На заседании союза банкиров председатель последнего, Фишер, заявил по поводу национал-социалистской полемики в печати:

«Слишком многие из нас уже в течение долгого времени сотрудничали в деле создания новой Германии, и упреки в беспринципности не могут нас затронуть».

Действительно, крупные банки совместно с крупными промышленными концернами в течение многих лет финансировали национал-социалистскую партию и поддерживали ее в своей прессе.

На этом заседании Шахт заявил: «Если все еще имеют место общие нападки на германское банковское дело и на его руководителей, то это безответственно и вредно. Хотя я понимаю

¹ «Berliner Tageblatt», 29/I 1934.

² «Frankfurter Zeitung», 2/III 1934.

демагогов, которые не в состоянии своевременно снизить свой голос, мне все же кажется слишком сильным утверждение, что за целый год своей деятельности национал-социалистское правительство якобы не сумело даже пресечь деятельность лихоимцев и паразитов в германском банковском деле»¹.

Однако Шахт не ограничился грубым окриком по адресу национал-социалистских демагогов, а одновременно дал им наметку того, что они впредь должны говорить:

Германское «банковское дело» ведется не «немногими богатыми людьми», а «огромным количеством мелких и мельчайших вкладчиков и дельцов». Насчитывается «21 миллион одних только сберегательных книжек», и «даже в крупных банках» «свыше половины всех вкладов состоит из мелких и мельчайших сумм». Остальное состоит из производственных средств акционерных обществ, «в которых опять-таки участвуют многие мелкие владельцы».

Девизом является: ссудный капиталист — это человек из средних слоев («Der kleine Mann») «маленький человек»!

Кроме того, по Шахту, все это уже «социализировано».

«Из всех германских акционерных банков с основным капиталом от 10 млн. и выше, свыше 70% капитала находятся непосредственно или косвенно в руках государства». «Если бы некоторые потрудились вдуматься в эти цифры, то они не принимали бы свои писания всерьез»².

Средние слои

Наиболее действенными лозунгами, посредством которых национал-социалисты завоевывали мелкобуржуазные массы города и деревни, были лозунги «автаркии» и «справедливых цен», «борьбы против международного финансового капитала» и против «произвола трестов», обещание «уничтожения процентного рабства», борьба против универмагов, «упрощение и чистка» государственного аппарата, который приводит к высоким налогам, «преодоление безработицы», «ликвидация классовых борьбы», «спасение от большевизма» и «разрыв версальских цепей».

Выше уже было показано, что по отношению к крестьянским массам национал-социалистские мероприятия в области политики цен, освобождения от задолженности и налоговой политики приносят пользу исключительно помещикам и кулакам. Начиная от середняцких и кончая парцеллярными хозяйствами все преимущества тем в большей степени перевешиваются новыми тяготами, чем мельче хозяйство. Это достигается прежде всего политикой в области кормовых культур, удержанием на высоком уровне и взвинчиванием цен как на средства производства, так и на средства потребления, покупаемые трудящимся крестья-

¹ «Berliner Börsenzeitung», 23/II 1934.

² Ibidem.

нином. Это достигается также массовым лишением безработных каких бы то ни было пособий, что сокращает бюджет семьи мелкого крестьянина, который должен кормить ее безработных членов.

То же относится и к значительной части средних слоев города, однако вместе с тем и здесь как и среди крестьянства, были созданы известные материальные основы для фашистской демагогии.

Сначала действительно была создана видимость борьбы против всех видов универмагов, против еврейского и иностранного крупного капитала в розничной торговле. Мелкие торговцы и ремесленники рассчитывали на действительное коренное улучшение своего положения.

Из кругов ремесла, торговли, мелких и средних предпринимателей, надеявшихся достичь господства в муниципалитетах, рекрутировались кадры для национал-социалистских организаций в городах. В первом полугодии эти организации, во главе которых стоял национал-социалистский «союз борьбы ремесленного среднего сословия», значительно возросли. Многочисленные конкуренты были прогнаны этими пришедшими в движение массами, как «евреи и марксисты». В массовых размерах «освобождались» и создавались заново государственные должности, в массовых размерах производился прием на работу в разросшийся аппарат этих организаций мелкой буржуазии.

Многочисленные врачи и адвокаты были изгнаны, арестованы, убиты, а заменившие их национал-социалисты конечно ощущали вытекающее отсюда «оживление конъюнктуры».

Большое число мелких тракторов, служивших местом сбора для рабочих организаций, было закрыто.

Распределение заказов в муниципалитетах, в управлениях округов и провинций являлось полем энергичной деятельности этих мелкобуржуазных национал-социалистских организаций. Они распределяли заказы среди своих друзей по партии из числа жителей данной местности или округа и отклоняли предложения прочих фирм, не говоря уже об иностранных или еврейских фирмах.

Как уже было отмечено выше, законом от 15 июля 1933 г. правительством Гитлера это было категорически запрещено.

«Союзу борьбы ремесленного среднего сословия» категорически запрещалось воздействие на распределение заказов государства, провинций и муниципалитетов». Были запрещены правительством также попытки «Союза борьбы» превратить все ремесленные цеховые организации в картели и попытки использовать для повышения цен «сословное построение». Таким же путем были приняты меры против торговцев, повышавших цены на основе закона «о регулировании жирового хозяйства». В качестве примера можно привести следующее демагогическое извещение одного из правительственных органов:

«Задачей торговли молоком является снабжение потребителя молоком, изготовленным маслобойными заводами и произво-

Дителями без вздувающих цен посредников. Молоко является не объектом торговли, а средством народного питания»¹.

В конце концов настойчивые попытки этих национал-социалистских организаций «среднего сословия» увеличивать свои обороты за счет крупных фирм и добиться повышения цен привели к роспуску и запрещению правительством Гитлера национал-социалистского союза борьбы и к тому, что «сословное построение» было «отложено».

Линия фашистской диктатуры по отношению к средним слоям города, кроме политики картелирования, ярко сказывается в вопросе о субсидировании домовладельцев. Так же как важнейшие аграрные мероприятия приносят пользу исключительно помещику и кулаку, так и субсидии домовладельцам приносят пользу лишь поставляющей строительные материалы крупности и тем ремесленникам, торговцам, верхушечным слоям чиновников и служащих, лицам свободных профессий, которые являются домовладельцами, т. е. более зажиточной части средних слоев.

Эти субсидии также фигурируют в качестве мер по «созданию работы». Для домовладельцев были отпущены (и в значительной части уже выплачены) на основе «программы создания работ» в июне 1933 г. 100 млн., а по осенней программе 1933 г. дополнительно 500 млн. марок.

Из этой суммы домовладельцы получают от государства 50% всех расходов, если они перестраивают большие квартиры на меньшие, превращают производственные и другие помещения в жилые квартиры, если путем постройки или перестройки они создают в своем домовладении новое жилое помещение или же строят на чердаках и в подвалах убежища для противовоздушной обороны. Они получают от государства 20% всех расходов, если проводят какие-либо работы по ремонту и украшению домов, проводят газ или электричество, строят лифт и т. д.

Среди средних слоев города большую роль играли также иллюзии о практическом значении программы «создания работ». Доходы этих слоев в чрезвычайно сильной степени зависят от доходов лиц, работающих по найму, которые составляют свыше 70% населения Германии.

Обнажение лица фашистской политики как политики монополистического финансового капитала не может не расшатывать иллюзии этих масс о сущности национал-социализма. Широкие массы этих городских мелких буржуа страдают от дороговизны, от высоких налогов и сборов и с завистью читают отчеты о росте продукции и высоких дивидендах крупных предприятий. Эти массы непосредственно затронуты снятием многочисленных безработных с пособия, так как в большинстве мелкобуржуазных семей имеются безработные члены семьи, которым они по закону должны оказывать помощь.

¹ «Frankfurter Zeitung», 27/VIII 1933.

Экономическая политика фашистской диктатуры направлена на обеспечение рентабельности монополистического финансового капитала. Но она рассчитана вместе с тем на создание социальной опоры в средних слоях, а именно среди зажиточной части этих средних слоев.

Эта политика вызывает необходимость непрерывных политических и агитационных маневров.

Интересы монополистического капитала приходится осуществлять в борьбе против агитации и частично против выступлений низовых единиц национал-социалистической партии, которые не могли скрыть от масс, что действия национал-социалистов у власти диаметрально противоположны «программе» национал-социалистической партии.

Податки, которые монополистический финансовый капитал мог предоставить части средних слоев, ограничиваются очень узкой прослойкой. Хотя изменение конъюнктуры дало некоторую опору фашистской демагогии, которая изображала незначительное улучшение дел в качестве успеха фашистской политики, среди массы мелкой буржуазии нарастает оппозиция. Свое важнейшее выражение она находит в изменении отношения этих масс к революционному пролетариату, к германской компартии. В начале фашистской диктатуры эти массы активно поддерживали волну кровавого террора, но с осени 1933 г. и в еще большей степени с зимы картина все быстрее меняется. Террор против революционного пролетариата все в большей степени проводится лишь «отборными» кадрами отрядов защиты, штурмовиков и полиции.

Из месяца в месяц учащаются конкретные доказательства того, что среди этих масс растет сочувствие революционной борьбе против фашизма. Внешне это проявляется в растущей оппозиции духовенства против фашизма. Под давлением масс мелкой буржуазии они вынуждены сначала сдержанно, а начиная с зимы все сильнее отмежевываться от фашизма.

Осенью и зимой 1933 г. клерикальная оппозиция в растущей степени чувствовалась главным образом в южной и западной Германии. Весной 1934 г. она выступила также в Берлине и в Верхней Силезии. Достаточно привести один пример.

На пасху 1934 г. берлинский епископ, Барес, выступил перед 20 тыс. собравшихся с проповедью, которая по радио передавалась во все церкви. Он заявил:

«Христос спас и снова спасет человечество от духа лжи и жестокости, кровожадности и похоти. Церковь и в настоящее время победоносно выйдет из испытаний»¹.

«Völkischer Beobachter» рвал и метал против этой речи, которая неприкрыто была направлена против национал-социализма.

Ясно, что попы никогда не вступили бы в такую борьбу, даже под давлением масс, страдающих от фашистской лжи, жестокости и кровожадности, если бы они как люди, набившие

¹ «Frankfurter Zeitung», 1/IV 1934.

себе руку в улавливании настроений масс, не видели угрозы расшатывания основ фашистской диктатуры.

Об этих результатах хозяйничанья фашистской диктатуры говорят и признания самого гитлеровского правительства.

Фашистская диктатура оказалась бессильной разбить решающее оружие германского пролетариата — КПГ. Фашизм вынужден сейчас открыто вести в своей прессе дискуссию с нелегальной прессой якобы разбитой и уничтоженной им компартии. Он не сумел завоевать пролетариат, как это было им провозглашено вначале. Наоборот, он вынужден прибегать к новым маневрам по отношению к рабочим. Фашизм не смог предотвратить порождения широкой оппозиции в среднем сословии и всеми силами стремится добыть материальные средства, для того чтобы привязать к диктатуре капитала верхушку городской и сельской мелкой буржуазии. Фашизм вынужден был вести головоломную и преступную финансовую политику. Фашистская экономическая, торговая и внешняя политика привели к резкой внешней изоляции Германии и усилили зависимость германского капитализма от международного финансового капитала. Рейхсбанк, несмотря на все моратории, оказался накануне потери всех золотых и валютных резервов.

В своей речи о бюджете в марте 1934 г. министр финансов Шверин-Крозиг заявил, что для «создания работ» деньги берутся займы, и признал, что за счет пяти предстоящих бюджетных лет до настоящего момента «взято займы» уже 6 млрд. марок.

Внести ясность в дебри германского финансового хозяйства чрезвычайно трудно. Все средства, «распределяемые государством», т. е. предоставляемые фашистским правительством финансовому капиталу, распределяются по различным бюджетам государственных владений, муниципалитетов, железных дорог, почты, социальных органов и «государственных» банков.

По различным отчетам можно себе составить только весьма приблизительную картину произведенных расходов.

По подсчетам референта по вопросам бюджета при государственном совете, Арнольда Брехта, опубликованным в «Vossische Zeitung» 14 июня 1933 г., расходы выражались в следующих цифрах (в млн. марок):

а) Суммы, предоставленные Брюнингом и Папеном для санирования банков и крупных концернов	600
б) Убытки по поручительствам, взятым на себя государством (полная сумма — 2 м рд. марок)	300
в Векселя Папена на «создание работ»	340
(Убытки провинций и муниципалитетов по взятым на себя поручительствам, приблизительно.)	400
По официальным отчетам налоговых бон, выданных по программе Папена, насчитывалось в обращении на 31 марта 1934 г. на сумму . . .	1 369
Тех же бон в Рейхсбанке	600
Неконсолидированная задолженность государства на 31 марта 1934 г. . .	2 188

По данным Берлинского конъюнктурного института расходы, до конца 1933 г. на создание работ составляли (в млн. марок):

	Планиро- вано	Ассигновано
1) по январской программе 1933 г. . . .	600	540
2) по июльской " 1933 г. . . .	1 000	750
3) по сентябрьской " 1933 г. . . .	500	1 29)

По данным Конъюнктурного института (Vierteljahreshefte für Konjunkturforschung, 8 Jahrgang, № 3 A., S. 177), отягощение бюджета с 1934 по 1938 г. в силу закона об урегулировании задолженности сельского хозяйства выразится ежегодно в сумме 210 млн. Итого — 1050. К этому еще добавляется целый ряд небольших статей расходов. Так по закону от 20 сентября 1933 г. должно быть выплачено 50 млн. безвозвратных субсидий на ремонт домов плюс 4% по долговым обязательствам. По данным советника министерства доктора Пупке по одним только процентным долговым обязательствам в течение 6 лет государство должно выплачивать по 50—60 млн. ежегодно, т. е. 300—360 млн. марок.

Все приведенные до сих пор данные заимствованы из официальных источников. Менее ясен вопрос о неконсолидированных долгах провинций и муниципалитетов, об их растущей и выходящей за пределы государственных мероприятий вексельной оргии. Общая сумма неконсолидированной задолженности провинций и муниципалитетов определяется приблизительно в 4 млрд. Конечно, если учесть и консолидированную задолженность, то сумма долгов значительно выше. Она доходила к концу сентября 1933 г. по всему государству до 11,6 млрд. марок, по провинциям и свободным городам до 3,3, по коммунам до 11,5; в общем — до 26,0 млрд. марок. Для сравнения упомянем, что все налоговые поступления государства, провинций и муниципалитетов в момент самого большого подъема перед кризисом достигали 13,4 млрд., а в 1932/33 г. — 10,2 млрд. марок.

Неконсолидированные долги и «забегание вперед», т. е. расходы в счет будущих доходов, выражаются по меньшей мере в сумме 12—14 млрд., т. е. в сумме вдвое больше той, которую приводил Шверин-Крозиг, демагогически ссылавшийся только на задолженность государства по программе «создания работ». Таким образом речь идет о сумме, превышающей годовой доход от налоговых и таможенных поступлений государства, провинций и муниципалитетов, которая, как показано было в другом месте, была затрачена Гитлером под флагом «создания работ», главным образом на вооружения.

Такие же явления мы наблюдаем на железных дорогах и в почтовом ведомстве.

Железные дороги утверждают, что они в течение последних лет ассигновали 650 млн. марок сверх сумм, ассигнованных на основании «программы создания работ», причем 549 млн. из них уже израсходовано. Они заявляют в своем годовом отчете за 1933 г.:

«Добавочное создание работ не могло финансироваться путем получения долгосрочных займов, потому что рынок капитала

В настоящее время этого еще не допускает. Поэтому должно было быть предпринято обширное и дорогое стоящее финансирование посредством выдачи векселей. Железные дороги работают при этом в теснейшем контакте с Рейхсбанком и правительством, обещающим им широкую поддержку.

«Железные дороги должны будут приложить все усилия, чтобы к концу 1933 г. привести в равновесие хотя бы бухгалтерский баланс. Текущий дефицит 1933 г. доходил почти что до 350 млн. марок».

Государственная почта дает на 77 млн. «заказов для создания работ». По словам обер-советника почты Бредерлова (в специальном приложении «Arbeitsbeschaffung» к «Frankfurter Zeitung») предоставление средств было довольно затруднительно ввиду тяжелого финансового положения почты. Получить заем «на приемлемых условиях» оказалось невозможным. Поэтому финансирование производилось также посредством выдачи векселей, которые должны были быть покрыты в течение 1934—1938 бюджетных лет по 20% из текущего бюджета почты.

В государственных социальных учреждениях по мере развития процесса фашизации все больше и больше экономили, сокращая социальные расходы за счет рабочих и служащих. При гитлеровском правительстве эта экономия достигла больших размеров главным образом благодаря массовому лишению безработных всех видов пособия и заключению безработных в лагеря трудовой повинности.

Фашистская диктатура шла на прямое ограбление различных организаций для «помощи безработным». Большая часть поступающих взносов по страхованию безработицы была взята для проведения мероприятий по созданию работ посредством предоставления особых заказов, т. е. для субсидирования крупной промышленности, особенно отраслей промышленности, важных для вооружения. Но и кроме этого имперское правительство присвоило себе крупную долю средств социальных институтов путем «займов». Так например, отдел страхования служащих сообщает о следующих видах «вложения» 2100 млн. марок своего состояния:

592 млн. вложены в ценные бумаги, в том числе 161 млн. в государственные земельные займы, 264 млн. в преимущественные акции железных дорог и 5 млн. в городские займы.

713 млн. вложены в ссуды, из них 285 млн. государству и землям и 390 млн. муниципалитетам.

«Rentenbankkreditanstalt» сообщает, что оно ассигновало 318 млн. на создание работ. Оно предоставило их, финансируя выдачей векселей при «согласии правительства» на их выкуп.

Таким образом гитлеровская финансовая политика состоит:

1. В щедрых подачках финансовому капиталу путем снижения и освобождения от налогов и выдаче премий; кое-какие незначительные суммы отпускаются для облегчения положения наиболее богатых слоев мелкой буржуазии (кулаки, домовладельцы, владельцы автомобилей и т. д.).

2. В огромном обременении широких масс трудящихся главным образом посредством косвенных налогов и пошлин.

3. В распродаже довольно крупных частей «общественного» имущества.

4. В растрате последних резервов всех касс.

5. В значительном росте непокрытой задолженности.

6. В колоссальном росте расходов за счет «будущих доходов».

7. В сокращении всех видов социального обеспечения рабочих.

Так как Рейхсбанк является в большей своей части непосредственно, а в другой не менее крупной части косвенно кредитором государственных касс, эти приемы фашистской финансовой политики создают серьезную угрозу для центрального эмиссионного банка.

В то же время правительство Гитлера своей политикой внешней торговли почти уничтожило имевшиеся в Рейхсбанке средства покрытия.

Вскоре после установления гитлеровской диктатуры были сделаны первые шаги в направлении подготовки к мораторию трансфера, объявленному в мае 1933 г. Мораторий трансфера должен был продемонстрировать общую неспособность к выплате долгов. Одновременно он должен был побудить иностранных кредиторов делать долгосрочные вложения в Германию из сумм, которые там удерживались в марках. Финансово-капиталистическая пресса ожидала от этой меры оживления германского рынка капиталов и облегчения финансирования «создания работ». Эта цель не была достигнута.

Одновременно возрос импорт сырья в Германию как в количественном, так и в ценностном отношении, отчасти благодаря росту цен на промышленное сырье и полуфабрикаты и некоторому общему оживлению промышленности, главным же образом — благодаря росту вооружений и созданию мобилизационных сырьевых резервов.

Это компенсировалось сокращением импорта продуктов питания и кормов. Падение германского экспорта дало в первые зимние месяцы 1934 г. снова пассивный торговый баланс.

Дизажио различных видов блокированных марок быстро возросло. Оно выражалось (в %):

	В начале 1934 г.	В марте 1934 г.
Для регистровой марки	17	33
Блокированные марки, связанные с операциями с ценными бумагами	35	50
Валюта, получаемая в результате экспорта	34,5	52

Результатом падения экспорта и роста импорта было непрерывное сокращение валютного покрытия. 30 июня 1933 г., к моменту объявления моратория трансфера золотой валютный запас Рейхсбанка составлял 273 млн. марок, 31 октября 1933 г. (в момент наивысшей точки действия моратория трансфера) — 414 млн., а 30 апреля 1934 г. — 212 млн. марок.

Однако полученный к концу декабря при помощи моратория трансфера рост золотого валютного запаса на 141 млн. марок был только кажущимся. Шахт сам признал осенью 1933 г., что из этого повышения 100 млн. было получено благодаря закону «о национальной измене» (закон, относившийся к сокрытию от налогового обложения и бегству капиталов за границу). Приведенные им цифры нельзя, разумеется, проверить, и если они соответствуют действительности, то мораторий по трансферу в период своего наиболее интенсивного действия привел к увеличению золотого и валютного покрытия всего на 40 млн. марок, т. е. в среднем на 10 млн. в-месяц.

Платежи по задолженности, подлежащие безусловному переводу за границу, несмотря на мораторий и соглашение о приостановке платежей по данным Имперского статистического ведомства, должны составить за 1934 г. 1113 млн. Таким образом потребовалось бы активное сальдо внешней торговли в размере около 90 млн. марок в месяц, а при слабо активном или тем более пассивном балансе этот перевод был бы просто невозможен.

Рейхсбанк таким образом подвергается опасности лишиться последних остатков золотого резерва. Это, разумеется, означало бы утрату всякой возможности регулировать курс марки.

Растущее возмущение и недовольство широких трудящихся масс и мелкой буржуазии, тяжелое финансовое положение, падение внешней торговли и угроза курсу марки — таков комплекс переплетенных и действующих друг на друга явлений, таящий для фашистской диктатуры во втором году ее существования ряд очень серьезных затруднений и опасностей.

ЦК КПГ констатировал в апреле 1934 г. наличие:

«Подымающейся кривой подпольной работы партии.

Укрепление организационной и конспиративной работы. Растущие успехи завоевания с.-д. рабочих. Растущее движение сопротивления фашистской политике на предприятиях и в «Германском рабочем фронте».

Нарастание нового оппозиционного движения в штурмовых отрядах и национал-социалистических заводских ячейках гитлеровской молодежи.

Радикализация средних слоев».

Эти утверждения ЦК, сопровождаемые многочисленными конкретными доказательствами, достаточно известны по прессе. Целый ряд фактов может их дополнить.

Правительство Гитлера, провозгласив в январе закон о труде, объявило, что все тарифные договоры отменяются и установленные условий труда и его оплаты переходят исключительно к предпринимателям как «руководителям предприятий». Работающие должны полностью подчиняться своим «руководителям», т. е. эксплуататорам. КПГ подняла на заводах такую бурю возмущения, охватившую и национал-социалистические ряды, что правительство Гитлера принуждено было в апреле не отменить тарифы, а придать им силу закона.

По описанию хорошо осведомленного и близкого к правительственным кругам берлинского корреспондента «Neue Züricher Zeitung» решающее значение имело опасение, что среди рабочих распространятся «социальные тревоги».

«В берлинских крупных предприятиях замечают значительную неуверенность и недовольство среди рабочих. Поэтому правительство считает более осторожным в области условий и оплаты труда оставить все по-старому»¹.

15 апреля 1934 г. Геббельс в произнесенной по радио речи заявил, что «большинство рабочих должно было довольствоваться ставками, недостаточными для уровня жизни, соответствующего состоянию нашей культуры».

Эта мнимая забота о зарплате является не беспричинной, она вызвана страхом перед коммунистической опасностью. Она приводит даже к новому расцвету фашистской демагогии. Так «Германский рабочий фронт» сделал в апреле следующее заявление в прессе в ответ на запрос датских судовладельцев, можно ли будет во время предстоящей стачки моряков обыскивать моряков в германских портах:

«Национал-социалистские моряки с возмущением отклоняют предложение оказывать иностранным судовладельцам штрейкбрехерские услуги и тем самым нападать с тыла на своих иностранных товарищей во время их борьбы с капитализмом»².

Национал-социалистской прессе пришлось потом потратить немало сил, чтобы смягчить это заявление, вызванное настроениями среди моряков и их солидарностью с датской стачкой, проходившей под руководством революционной профопозиции. На помощь штрейкбрехерам все-таки не отважились, хотя фашистская пресса повсюду изображала эту стачку как коммунистическую.

Само собою разумеется, что гитлеровский фашизм принимает и должен принимать все меры для увеличения эксплуататорских прибылей. Совершенно очевидно, что сохранение исключительно низкого уровня зарплаты, доведение ставок зарплаты до самых низких тарифных, недопущение повышения ставок являются сами по себе уже большим достижением в деле ограбления рабочего класса.

Но также очевидно, что от более широких целей, поставленных фашистским законом о труде, пришлось отказаться, что рост революционного подъема исключительно под влиянием нелегальной КПГ заставил фашизм лавировать и переходить к новым маневрам.

Само собою разумеется, нельзя при этом упускать из виду, что в распоряжении буржуазии находится сильнейший, организованнейший и наиболее централизованный аппарат угнетения, аппарат, умеющий использовать опыт буржуазии в классовой борьбе.

¹ «Neue Züricher Zeitung», 8 IV 1934.

² «Frankfurter Zeitung», 11 IV 1934.

Темпы усиления эксплуатации, темпы увеличения массы прибавочной стоимости фашистской диктатурой тормозятся героической борьбой подпольной КПГ. Это обстоятельство в значительной мере влияет на маневроспособность фашизма по отношению к средним слоям, углубляет его затруднения во внешней торговле, в выполнении долговых обязательств, в сведении платежного баланса.

Из средних слоев правительство Гитлера сумело материальными уступками удержать на своей стороне лишь небольшую часть. Для более широких масс германской мелкой буржуазии нехватало средств.

Подмена материального удовлетворения демагогическими фразами действует ненадолго. Иллюзии трудящегося крестьянства рассеивает вызванное «жировой политикой» вздорожание кормов и повышение издержек производства. В этом проявляется характер фашистской аграрной политики, сводящейся к субсидированию помещичьих и кулацких хозяйств за счет мелкого крестьянства, рабочего класса и трудящихся городских средних слоев. Наряду с этим и отступление от «автаркистской» линии, вызванное состоянием экспорта, пробивает кое-какие бреши в среде сторонников национал-социалистов. В среде городской мелкой буржуазии фашистская диктатура ограничилась попытками создания социальных опорных пунктов из более состоятельных слоев. В массах сельского и городского населения растет разочарование вследствие безработицы, принудительного труда, лишения пособий и террора. Падение покупательной способности мешает, за немногими исключениями, улучшению положения средних слоев, а сведения о подъеме производства и увеличении дивидендов в крупной промышленности способствуют разоблачению политики Гитлера как политики, диктуемой интересами финансового капитала. Среди известной части средних слоев сыграли свою роль фашистские варварства в отношении культуры, попытки «унификации» религиозных общин, кровавый террор и лживость фашистов.

Эта оппозиция проявляется сейчас в явлениях разложения внутри национал-социалистских массовых организаций, в резком падении тиражей газет и наконец, что очень важно, в изменившемся отношении широких масс мелкой буржуазии к КПГ и ее революционной, антифашистской борьбе.

Фашистский террор осуществляется теперь не с одобрения и не при частичной помощи этих масс; фашисты вынуждены опираться исключительно на свои основные кадры и полицию. Случай пассивной и активной поддержки КПГ массами трудящихся утащажается.

Отсюда растет необходимость материальных уступок, необходимость материального подкрепления фашистской демагогии.

Растут и трудности для таких материальных уступок. Разбазаривание «государственных средств», тяготы внутренней задолженности, угроза курсу марки за границей в силу сокращения внешней торговли, внешние долговые обязательства резко

суживают возможности маневрирования имеющимися средствами.

Нарастание «клеветничества», скрытой и открытой оппозиции против фашизма среди средних слоев дает некоторое фланговое прикрытие упорной и неумолимой борьбе революционного пролетариата. Одновременно ситуация все более осложняется в силу внешнеполитической зависимости германской буржуазии, обусловленной ее задолженностью и ухудшающимся положением ее внешней торговли. Все эти экономические и политические трудности и противоречия, в которых запуталась фашистская диктатура, чрезвычайно ярко отражаются в том числе и в финансовом хозяйстве фашистской Германии.

Фашистская политика таким образом, вместо того чтобы разрешить задачу спасения капитализма, заострила и довела до высшей степени все противоречия капитализма. Сужается и поле для маневрирования, и это должно еще более ослабить связи между средними слоями и буржуазией.

ГЕРМАНИЯ НА ПОВОРОТЕ

Бесконечное число раз гитлеровцы заявляли, будто бы они «ликвидировали в Германии марксистскую классовую борьбу» и объединили весь германский народ под славным руководством Гитлера.

Убийство 30 июня сотен людей и в том числе одного министра, одного бывшего рейхсканцлера и многих лиц, которые еще несколько недель назад были признаны столпами национал-социалистического режима, свидетельствует об остроте внутренних противоречий в Германии.

Точка зрения, высказываемая II Интернационалом¹, будто бы эта резня не имела ничего общего с классовой борьбой, а была лишь борьбой между кликами разбойников из-за участия во власти, показывает, насколько эти господа отошли от марксизма, как скользят они по поверхности явлений. Даже буржуазные газеты дают гораздо более правильную характеристику положения в Германии.

В статье В. Д. Ормессона, появившейся в «Le Temps» еще 12 мая 1934 г., было отлично изображено тяжелое положение правительства Гитлера:

«Трудности изо дня в день возрастают... Энтузиазм заметно ослабевает... Средние классы, мелкие буржуа, мелкие городские торговцы, которые еще несколько месяцев назад составляли ядро активных сторонников Гитлера, сейчас уже не скрывают своего разочарования. В этих кругах царит подавленное настроение. Им обещали ликвидацию крупных предприятий, универмагов, крупного капитализма. Но эта олигархия осталась неприкосновенной. Маленькие люди страдают попрежнему... Положение становится все хуже и хуже.

С другой стороны, крупных капиталистов начинает охватывать беспокойство. До сих пор они, вообще говоря, не имели оснований для недовольства. Они маневрировали удивительно ловко... Под их влиянием революционные обещания гитлеровской программы были положены под сукно. «Мне достаточно подать знак, чтобы получить от Гитлера что угодно», — так сказал год назад один из наиболее

¹ Статья Керна (Гильфердинга) в издаваемой секретариатом II Интернационала «Internationale Information», 7/VII 1934,

могущественных и самых реакционных магнатов-националистов. Однако в этой игре капиталисты перегнули палку. Перед лицом нарастающего недовольства необходимо сделать шаг назад и предпринять «маневр влево»...

Далее, крупная буржуазия весьма озабочена той расточительностью в расходовании средств, какую допускает нынешний режим в его борьбе против безработицы. Этот путь таит в себе угрозу... инфляции...

Коммунистическая оппозиция, хотя и находится на нелегальном положении и подвергается преследованиям, все же остается очень сильной. Она неизмеримо более активна, чем это обычно думают и чем это признают сами гитлеровцы. Это является постоянной заботой нынешних властителей. Трудовые лагеря ненадежны. Так же ненадежны организации Гитлера и в первую очередь штурмовые отряды... Для того чтобы успокоить растущее недовольство рабочих, необходима новая перемена направления, новый поворот «влево»...

Рейхсвер также враждебен существующему режиму... Его вожди, военные-профессионалы, все с большим страхом относятся к этим «импровизированным войскам», делающим много шума, «играющим в солдаты», по-детски радующимся возможности носить форму и мнящим себя хозяевами Германии; они отрицают какое бы то ни было военное значение за всеми этими образованиями».

Д'Ормессон конечно очень далек от марксизма. Но для него ясны и наступление классовых сил, и недовольство рабочего класса, выражающееся в росте влияния коммунистической партии, и недовольство разочарованной мелкой буржуазии, и стремление крупной буржуазии к твердому «порядку», и соперничество между рейхсвером и штурмовиками. Его изложение положения неизмеримо выше пустой болтовни социал-демократа Керна в «Neuer Vorwärts», который не в состоянии распознать классового фона убийств 30 июня.

Гитлеровский режим, мобилизуя мелкобуржуазные массы с помощью демагогических, антикапиталистических, реакционных лозунгов, не завоевал власти: он был лишь допущен к управлению страной, причем помогла ему в этом наиболее реакционная часть крупной буржуазии. Начиная с момента его прихода к власти, все время идет постепенная ликвидация его программы и все время усиливается разочарование идущих за ним масс. Громкие фразы, «левые» маневры, скудные подачки отдельным небольшим прослойкам сторонников уже перестали достигать цели. Лозунг «второй революции» приобретал все большую популярность среди пролетарской и мелкобуржуазной массы приверженцев Гитлера.

Внутри режима со сторонниками «второй революции» все решительнее боролись за власть защитники принципа «законного порядка». Их приверженцы вербовались из кругов руководителей хозяйства, крупных землевладельцев и высших чинов

рейхсвера, равно как из кругов старой прусской бюрократий. Под реставрацией эти круги понимали не простое восстановление властелинов старой Германии, не подготовку того или иного монархического пучка; они имели в виду постепенное усиление всех тех кругов, для которых простая диктатура национал-социалистической партии не была идеальным строем»¹.

Требования этих кругов были изложены в виде программы в известной марбургской речи Папена. «Против перманентной революции!» «Разрыв с принципом народного суверенитета и возврат к естественной и божественной власти». «Гегемония одной партии... является с исторической точки зрения переходным состоянием». «Германское государство должно возглавляться такой верхушкой, которая раз и навсегда должна стоять вдали от политической борьбы». Таким образом мы имеем здесь требование «нормальной» диктатуры буржуазии в форме реакционной христианской монархии!

Никто из следивших за всем ходом развития политики Гитлера не мог сомневаться в том, что в момент, когда ему придется сделать выбор, он станет на сторону крупного капитала. Но связанный с рейхсвером крупный капитал поставил его со всей резкостью перед такой альтернативой: либо ты сам покончишь с ведущейся в твоих рядах агитацией за вторую революцию; либо мы это сделаем без тебя, а если нужно будет, то и против тебя. Тем, что Гитлер в союзе с Герингом, опираясь на буржуазные охранные отряды, полицию и рейхсвер, перестрелял без суда тех руководителей штурмовых отрядов, которые (отряды) отражали недовольство и возмездия мелкой буржуазии, он исторически выполнил волю монополистского капитала².

Попробуем показать экономическую подоплеку этого резкого наступления монополистского капитала, насколько это возможно сделать на основании имеющихся недостаточных и фальсифицированных статистических данных о положении германского хозяйства.

¹ «Pester Lloyd». 3/VII 1934.

² Английская буржуазия, уничтожающая в своих колониях целые деревни и убивающая женщин и детей бомбами с аэропланов, лицемерно возмущается тем, что расстрелы в Германии были произведены без предварительного судебного разбирательства. В передовой статье «Times» от 3 июля 1934 г. мы читаем: «Германия скатилась к новому средневековью. Казненные национал-социалистические вожди не заслуживают сострадания: они вполне заслужили свою участь. Но что фатально характеризует нынешнюю Германию, так это та дикость, с которой там отброшены были все законные формы, являющиеся обязательными в современных государствах.

Еще более глубокое значение имеет то обстоятельство, что возврат к средневековым методам воспринимается в Германии в общем вполне равнодушно. Вся обстановка расправы 30 июня совершенно немислима в большом европейском государстве XX века. Хвастливое заявление Геринга о том, что убивали всякого, кто рещался оказать сопротивление, воинственное выступление по радио Геббельса, рисовавшего ужасные сцены в вилле Рема, — все это самое настоящее средневековье».

*Противоречие между ростом производства
и обострением кризиса*

Начиная с середины 1932 г. промышленное производство Германии обнаруживает непрерывный рост¹.

Индекс промышленной продукции (1928 = 100)

	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.				
					январь	февраль	март	апрель	май
Общий индекс	90,1	73,6	61,2	69,0	79,1	82,4	84,2	86,4	89,1
Производство средств производства	88,7	65,4	50,2	58,5	72,1	75,4	77,6	80,0	84,3
Производство средств потребления	92,3	85,7	77,7	84,8	89,6	93,0	94,1	95,9	96,3

Если бы эти цифры были правильными, то тогда получилось бы, что Германия так далеко ушла от низшей точки кризиса, как ни одна другая капиталистическая страна. Между тем совершенно ясно, что экономическое положение Германии — катастрофическое. Об этом ясно говорят такие факты, как полнейшее банкротство в отношении заграничных кредиторов; скрываемое лишь перед другими странами обесценение марки; мертвая тишина на рынке капиталов; начавшееся уже переключение на потребление суррогатных материалов; и наконец носящая панический характер закупка жизненных припасов и припрятывание их населением.

Чем объясняется это противоречие между непрерывным ростом промышленного производства и кризисом германского народного хозяйства в целом?

Нынешний рост промышленной продукции в Германии лишь частично является результатом внутренних сил капитализма, действие которых обычно ведет к преодолению циклического кризиса. Ясно, что при неблагоприятном общем положении Германии по сравнению с другими крупными промышленными странами (отсутствие колоний, невозможность экспорта капиталов, задолженность за-границей, вынужденное сохранение золотого паритета марки в международном обороте) внутренние силы никак не могут привести к тому, чтобы размеры увеличения производства по сравнению с низшей точкой кризиса обогнали рост производства во всех других странах. Не подлежит сомнению, что значительную часть роста промышленного производства следует приписать «искусственным» факторам. Факторы эти следующие:

а) усиленные вооружения;

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung», 11/VI 1934 (приведенные цифры не отличаются от цифр «Бюллетеня Лиги наций», который заимствует их из этого же источника).

б) государственные мероприятия по стимулированию роста производства.

Эти два момента тесно переплетены друг с другом: постройка автомобильных дорог, фактически совершенно ненужные для мирного времени заказы подвижного состава железных дорог и т. п. несомненно также являются не чем иным, как подготовкой к войне. Количественное определение и установление удельного веса того влияния, которое оказывает каждый из этих факторов, разумеется наталкиваются на величайшие затруднения. Поэтому нам придется удовлетвориться грубым ориентировочным подсчетом.

Общая стоимость продукции германской промышленности (включая ремесленное производство) составляла¹:

	в среднем за месяц (в млрд. марок)
1-е полугодие	3,1
1933 г.	3,15
1934 г. (первые 5 месяцев)	4,1

Таким образом с весьма грубой приближенностью рост производства за последний год можно определить в 12 млрд. мар. Какая же часть этого роста вызвана увеличением расходов на вооружение?

Официальные данные не дают сколько-нибудь надежных отправных точек, которые дали бы возможность ответить на этот вопрос². Как известно, военные расходы впервые были официально повышены лишь в бюджете на текущий 1934/35 г. Этот бюджет предусматривает повышение военных расходов на 250 млн. марок плюс 250 млн. для штурмовых отрядов. Но скрытые расходы на вооружение имеются почти во всех статьях бюджета. Кроме того кампания по «созданию работы» также в значительной мере служит военным целям.

Что показанные официально суммы весьма далеки от фактических расходов на вооружение, показывает общеизвестный факт огромного увеличения числа занятых рабочих у Круппа, на заводах Даймлер-Бенц (производство танков), у Юнкера и на других авиационных заводах и т. д. При этом все перечисленные заводы, как правило, работают в три смены и прибегают к сверхурочным работам. Чтобы не возбуждать слишком большого внимания, отдельные части тех или иных предметов вооружения изготовляют на самых различных, расположенных далеко друг от друга, металлообрабатывающих заводах; при

¹ «Статистический обзор Конъюнктурного института» от 17/V 1934 г.

² «Das statistische Jahrbuch des Deutschen Reiches» приводит под заголовком «Расходы на оборону» следующие цифры военных расходов (цифры 1931-32 г. представляют собой действительно произведенные расходы, цифры же последних двух лет — бюджетные ассигнования (в млн. марок):

1927/28	1928/29	1929/30	1930/31	1931/32	1932/33	1933/34
705	757	683	676	614	674	671

этом назначение изготавливаемых частей тщательно скрывается от рабочих. Для того чтобы рабочие не интересовались вооружениями, на фабриках — по сообщениям иностранных газет — раздаются листовки следующего содержания:

«...Никто из рабочих не должен интересоваться тем, что изготавливает его сосед, равно как и тем, какие части вырабатывает каждый отдельный рабочий и каково их назначение. Иначе рабочие рискуют быть заподозренными в шпионаже».

Если мы будем ориентировочно считать, что расходы на вооружение сейчас вдвое больше той суммы, которая показана в бюджете на 1934/35 г., т. е. превышают военные расходы 1932 г. на 1 млрд. (а такое предположение отнюдь не преувеличено); если далее мы будем считать, что стоимость израсходованного на это промышленного сырья и полуфабрикатов превосходит эти расходы вооружения в полтора раза, то мы приходим к тому выводу, что из общей суммы роста промышленного производства рост на 2½ млрд. марок объясняется непосредственно увеличением расходов на вооружение. (В означенную сумму не включены расходы на вызванную стратегическими соображениями постройку дорог и т. п.)

Что касается гражданских общественных работ, организованных в порядке «создания работы», то в 1933/34 г. государство предоставило для этой цели приблизительно 5,4 млрд. марок¹. Из этой суммы 2,2 млрд. марок приходится на транспорт (автомобильные дороги — 550 млн., железные дороги — 1 068 млн., посейные дороги и мосты — 240 млн., а водные пути 100 млн. и т. д.), а 3,2 млрд. — на субсидии и кредиты на жилищное и промышленное строительство. К последней сумме следует добавить еще те средства, которые домовладельцы и предприниматели затрачивают из своего собственного кармана. Если предположить, что они расходуют столько же, сколько государство², то мы получим сумму в 8,6 млрд. за два года или 4,3 млрд. в год. Так как расходы на строительные материалы и средства производства в строительной промышленности относительно невелики, то с учетом этих расходов мы можем округлить названную выше сумму до 5 млрд. марок. Таким образом у нас получится следующее распределение роста продукции (в млрд. марок):

Рост промышленного производства	12
Из них: увеличение, вызванное непосредственно ростом вооружений	2,5
увеличение благодаря «созданию работ» (которое в значительной мере также связано с подготовкой к войне)	5
Рост производства как следствие внутренних движущих сил капитализма	4,5

¹ «Wochenbericht», 4/VII 1934.

² «Der Deutsche Volkswirt», 15/VI считает, что на ремонт и доделку домовладельцы израсходовали вчетверо больше, чем они получили от государства (государственная субсидия на названные цели составила 536 млн. марок). Такое предположение несомненно сильно преувеличено.

Подчеркиваем еще раз, что мы даем здесь сугубо ориентировочные подсчеты, имеющие целью нарисовать самую приближительную картину.

Примерно половина роста промышленного производства служит прямо или косвенно делу подготовки к войне; другими словами, эта половина роста продукции идет на непроизводительные цели. Из другой половины значительную часть представляют собой долгосрочные вложения в форме сооружений. Это и служит экономическим основанием того тяжелого кризиса, который, несмотря на рост промышленного производства, переживает германское хозяйство. Военные расходы плюс суммы, затраченные на сооружения, значительно превышают фактическое накопление. Этим объясняется колоссальная задолженность государственного бюджета, пассивность торгового баланса, полнейшее затишье на рынке капиталов и фактическое обесценение марки.

Рассматривая тот же рост продукции с точки зрения распределения дохода, мы видим, что прирост продукции ничего не дает рабочему классу: результаты улавливаются крупной буржуазией; это можно доказать на основе официальных данных. Рабочий класс затрачивает гораздо больше труда, но получает меньше дохода. Такое развитие неизбежно должно вести к обострению классовых боев. И если фашизм подавляет насильем непосредственное выражение недовольства рабочего класса и мелкой буржуазии, то это недовольство проявляется обходным путем в форме религиозной борьбы, монархического движения, «заговоров» в штурмовых отрядах и т. п.

Катастрофическое положение фашистского государственного бюджета

«Создание работы», т. е. изъятие из созданных трудом текущего года миллиардов марок ценностей преимущественно для непроизводительных целей, финансировалось государством в форме прямых субсидий и в форме расходования авансом будущих налоговых поступлений.

Государственный бюджет предусматривает расходование следующих сумм за счет доходов будущих лет¹ (в млн. марок):

1934/35 г.	1935/36 г.	1936/37 г.	1937/38 г.	1938/39 г.
917	700	780	750	715

Но несомненно, что помимо этих сумм государственный бюджет уже отягощен большими суммами задолженности различным военным поставщикам, хотя эти долги нигде не опубликованы.

Германский государственный бюджет фактически сведен с огромным дефицитом. Как велик этот дефицит, мы не знаем.

¹ «Der Deutsche Volkswirt», 15, VII 1934.

В конце 1931/32 финансового года общий дефицит официально составлял 1 690 млн. марок¹. Но это было еще до сильного увеличения военных расходов и расходов на «создание работы».

Более верным масштабом, позволяющим судить об ухудшении положения германских государственных финансов, служит рост германской задолженности за время пребывания Гитлера у власти².

Государственные долги

(в млн. марок)

	На 31/XII 1932 г.	На 31/XII 1933 г.	Изменение (+ —)
Долгосрочные долги в германских марках	7 083	7 764	+ 681
Долгосрочные долги в иностранной валюте.	2 638	1 900	— 738
Краткосрочные долги	1 832	2 033	+ 201
Налоговые бонусы в обращении	—	1 215	+ 1 215
Налоговые бонусы, депонированные в Рейхсбанке	—	600	+ 600
Всего	—	—	+ 2 697

Первый год фашистской власти увеличил внутренний государственный долг на 2,7 млрд. марок (уменьшение долгов в иностранной валюте является следствием обесценения иностранных валют и в первую очередь доллара!). Если в 1934 г. задолженность растет таким же темпом (в чем вряд ли приходится сомневаться), то сумма сделанных правительством Гитлера новых долгов составляет сейчас около 4 млрд. марок. Ясно, что при таких обстоятельствах государство абсолютно не пользуется долгосрочным кредитом ни внутри страны, ни за границей.

Правда, фашистское правительство сэкономило крупные суммы на пособиях по безработице. В то время как в 1931/32 г. на помощь безработным из государственных средств израсходовано было 1 098 млн. марок, бюджет 1933/34 г. предусматривает для этой цели всего лишь 521 млн.; фактически государство расходует сейчас на это еще меньше.

Но эта экономия с излишком поглощается целым рядом весьма значительных налоговых льгот и дотаций, предоставляемых буржуазии. Эта политика фактического освобождения буржуазии от налогов нашла свое завершение в программе новой налоговой реформы, изложенной государственным секретарем Рейнгардом в его речи от 26 июня. Начиная с 1935 г., подоходный налог

¹ «Statistisches Jahrbuch des Deutschen Reichs», S. 415.

² «Vierteljahrshefte für Konjunkturforschung», Heft 1, T. A., S. 16.

как с отдельных лиц, так и с акционерных и прочих предприятий, фактически будет отменен, если конечно фашисты еще будут тогда у власти. В своей речи Рейнгардт заявил:

«Плательщики налога, ведущие установленное счетоводство, имеют право из подлежащей обложению прибыли полностью вычесть все произведенные в течение отчетного года затраты на приобретение или изготовление «недолговечных»¹ предметов. Это предписание нового закона о подоходном налоге не ограничивается изготовлением или приобретением, имевшим место до 31 декабря 1934 г., но будет действовать постоянно...

Новый закон о подоходном налоге будет применен уже к тому доходу, которым владельцы распорядятся в 1934 г. Вследствие этого всякий, подлежащий обложению налогом, — будь то лицо, занимающееся тем или иным промыслом, будь то сельский хозяин, — может при наличии у него правильного счетоводства избавиться от уплаты подоходного и промыслового налога с полученной им в 1934 г. прибыли. (Речь идет об освобождении от налога не только личных доходов, но и доходов акционерных обществ и прочих товариществ.) Для этого ему нужно лишь заменить или пополнить свой промышленный или сельскохозяйственный основной капитал. Другими словами, это означает для налогоплательщика удешевление на 10—45% его затрат на новые приобретения или на замену старого основного капитала (если исходить из новых ставок подоходного и промыслового налога).

Настоящим я призываю всех тех налогоплательщиков, кого это может касаться, немедленно сделать соответствующие заказы и рекомендую всем машиностроительным и инструментальным заводам, фабрикам конторской мебели и тому подобным предприятиям подготовиться к усиленному поступлению заказов в ближайшие недели и месяцы. Для вычета суммы затрат из облагаемой прибыли за 1934 г. необходимо, чтобы приобретение нового или замена старого оборудования были произведены не позже 31 декабря 1934 г.»

Смысл этого мероприятия заключается в том, чтобы побудить капиталистов к приобретению машин, инструментов и т. п. за счет государства и таким путем дать новый толчок промышленности. Это поощрение промышленности покупается ценой фактического освобождения помещиков и буржуазии от подоходного налога (крестьяне и ремесленники ведь не ведут «установленного счетоводства!»). Помещики и буржуазия будут платить налог лишь с той части своего дохода, которая идет на их личное потребление и которую поэтому они не решаются целиком отрицать. Но и эта ничтожная часть обычных налоговых поступлений также снижается: в то время как до сих пор ставки подоходного

¹ «Недолговечными» считаются все предметы, которые предприятие предполагает амортизировать меньше чем в 10 лет.

Налога составляли от 12 до 50% с суммы дохода, сейчас они будут составлять от 8 до 33 $\frac{1}{3}$ %. Кроме того отменяется дополнительный налог с дохода свыше 8 тыс. марок и т. д.

Ясно, что финансовая политика, вызвавшая за полтора года государственную задолженность по краткосрочным долгам в 4 млрд. марок и в то же время все больше и больше снижающая обложение господствующих классов, должна повести к государственному банкротству. И действительно государственный кредит уже совершенно подорван. Теперь создалась картина, напоминающая 1922/23 г.

Крупная буржуазия грабит государственную казну под самыми разнообразными соусами; в то же время она не платит налогов и отказывается вкладывать долгосрочный капитал в государственные займы.

Наиболее ярко это иллюстрирует попытка конверсии 6-процентного так называемого «гильфердинговского займа» в новый 4-процентный заем. В обращении имелось облигаций займа на сумму 169 млн. мар. Из них было предъявлено для конвертирования всего 67,5 млн. Что же касается остальных 101,5 млн., то владельцы этих облигаций потребовали оплаты их наличными деньгами. А так как новая подписка на заем была почти ничтожна, то в результате получилось, что от всей этой операции государство не получило ни наличных денег, ни экономии на процентах. Эта попытка, равно как и предшествовавшие ей попытки конверсии одного небольшого прусского займа и одного почтового займа, свидетельствуют о том, что буржуазия систематически отказывает своему государству в кредите, что из страха перед новой инфляцией никто не желает вкладывать свое состояние на долгий срок в государственные бумаги.

Дефицит государственного бюджета как исходная точка внутренней инфляции

Невозможность превратить возникшие благодаря дефициту государственного бюджета краткосрочные долги в долгосрочные займы и финансировать «создание работы» посредством займов означают, что в сущности расходы по «созданию работы» покрывает Рейхсбанк. Финансовый механизм этой операции заключается в следующем:

Капиталист, осуществляющий «создание работы», получает деньги от соответствующего государственного или полугосударственного банка («Bank für Arbeitsbeschaffung», «Reichskreditgesellschaft» и т. д.). Для этого он выдает вексель, который банк сопровождает своей подписью. Таким образом вексель получает внешнюю форму торгового векселя; согласно постановлению закона вексель этот обязательно пролонгируется в течение пяти лет. Такие векселя учитываются Рейхсбанком и заменяют собой в его портфеле настоящие коммерческие векселя:

«Сумма векселей, выданных в связи с «созданием работы» и находящихся сейчас в обороте, составляет от 2,2 до 2,4 млрд. марок, из которых около 1 млрд. находится в портфеле Рейхсбанка, а 600—700 млн.—в портфелях других банков. Так как ни все наличие векселей у Рейхсбанка, ни наличие их у других банков не возросло в соответствующей степени, то получается, что доля так называемых настоящих, т. е. автоматически погашающихся, торговых векселей упала»¹.

Смысл этого совершенно ясен: находящиеся в обращении банкноты давно уже лишены золотого покрытия; они не обеспечиваются также и коммерческими векселями, выкупаемыми при наступлении срока; в действительности теперь это в экономическом смысле уже не банкноты, а государственные бумажные деньги, не имеющие никакого покрытия кроме обещания оплаты со стороны несостоятельного государства. Они могут выполнять функцию средств обращения до тех пор, пока сумма их не превышает того количества денег, которое — в форме золота или настоящих банкнот — необходимо для нужд товарооборота. Если же в оборот будет брошено больше денег, то это означает инфляцию, неизбежное обесценение марки, проявляющееся в росте товарных цен. Так как государство не имеет теперь возможности выпустить долгосрочные займы, чтобы оплатить свои краткосрочные долги Рейхсбанку и другим государственным и полугосударственным банкам и выкупить выданные в связи с «созданием работы» векселя, то в случае продолжения военных вооружений и тесно связанных с этим мероприятий по «созданию работы» инфляция в силу означенных причин внутреннего порядка окажется неизбежной! Поставленная перед дилеммой: сокращение вооружений или инфляция, решающая часть германской буржуазии несомненно изберет второй путь.

Сырьевой кризис

Невозможность получения германской буржуазией иностранного сырья в нужных размерах ставит под серьезную угрозу сохранение нынешнего уровня промышленного производства.

Как известно, германский торговый баланс, бывший активным, начиная с 1929 г., в этом году сделался вновь пассивным, причем пассивное сальдо его весьма значительно.

Активное сальдо германского торгового баланса

(в среднем за месяц в млн. марок)

1929 г.	1930 г.	1931 г.	1932 г.	1933 г.
3	137	239	89	56

Сильная активность торгового баланса в 1930 и 1931 гг. отражала резкий отлив из Германии вложенного в германские предприятия иностранного капитала. Германия платила товарами

¹ «Wechenbericht» des Inst. tuts für Konjunkturforschung, 27/VI 1934.

и золотом сделанные ею за границей в 1924—1929 гг. долги до тех пор, пока ее золотой запас не оказался исчерпанным и пока заграничные рынки не перестали поглощать германские промышленные товары в таком количестве, чтобы оставался свободный излишек для оплаты процентов и погашения по иностранным долгам. Естественным следствием этого было банкротство Германии в отношении других стран (соглашение о невостребовании краткосрочных кредитов, прекращение трансфера по долгосрочным займам).

До последнего времени германскому капиталу удавалось частично переключать бремя кризиса на иностранных кредиторов: обесценение фунта стерлингов и доллара соответственно уменьшило удельный вес ее иностранных долгов; прекращение трансфера освободило германский капитал от необходимости отдавать за границу часть произведенного продукта без получения за это эквивалента.

Начиная с января 1934 г., положение изменилось в невыгодную для германского капитала сторону. Баланс внешней торговли снова сделался пассивным, как это было в 1925—1928 гг. Но тогда это было не опасно: в этой форме Германия получала свои большие иностранные кредиты. Теперь Германия не имеет кредита за границей; поэтому пассивный торговый баланс должен в конце концов привести к обесценению марки.

За первую половину 1934 г. пассивное сальдо германской внешней торговли составило 216 млн. марок. При этом интересно то, что катастрофическое положение внешней торговли было обострено увеличением промышленного производства. Процесс этот шел по двум линиям: с одной стороны, благодаря росту промышленного производства увеличилась потребность в заграничном сырье; с другой же стороны, имевшееся ранее стремление германских промышленников возможно больше экспортировать ослабело (так называемая «экспортная усталость»).

По вычислениям Берлинского конъюнктурного института¹ германская промышленность (вместе с крестьянским хозяйством и ремеслом) переработала в 1928 г.:

Отечественного сырья	на 10 млрд. мар.
Заграничного сырья	» 7½ » »

Таким образом от 40 до 45% переработанного сырья было заграничного происхождения. Отсюда следует, что сильное повышение германского промышленного производства за время от низшей точки в 1932 г. до мая 1934 г. сделало необходимым соответствующее увеличение ввоза заграничного сырья. И действительно ввоз сырья и полуфабрикатов составлял (в млн. марок):

На 1-е полугодие 1932 г.	1211
» » » 1933 г.	1193
» » » 1934 г.	1426

¹ «Vierteljahrshefte des Instituts für Konjunkturforschung», Heft 1, T. A., S. 29.

Сейчас же, когда вследствие пассивности внешней торговли валюту для дальнейшего увеличения ввоза получить невозможно, угроза сырьевого кризиса приобрела непосредственный характер.

Национал-социалисты долго жонглировали лозунгом автаркии. Но экономические факты лозунгами устранить нельзя. Без ввоза сырья из-за границы ряду отраслей германской промышленности придется просто закрыть свои предприятия. По вычислениям Конъюнктурного института¹ доля заграничного сырья в снабжении отдельных отраслей промышленности составляет (в %):

Хлопчатобумажная промышленность	100
Шелковая	100
Шерстяная	91
Льняная	83
Промышленность цветных металлов	55—72
Тяжелая промышленность	60
Кожевенная промышленность	60

Перед лицом таких фактов всякая болтовня насчет автаркии теряет какое бы то ни было значение.

Потребность в заграничном сырье можно правда уменьшить с помощью различных организационных мероприятий, с помощью усиления внутреннего производства льна и масличных семян, с помощью частичной замены шерсти и хлопка отходами искусственного шелка и бумажным волокном; однако об автаркии не может быть и речи.

Современная техника может создать суррогаты, заменяющие многие естественные материалы. Но техническое решение вопроса не является еще его экономическим разрешением: для того чтобы вытеснение германских промышленных товаров с мирового рынка не пошло еще дальше, необходимо, чтобы суррогатные материалы при одинаковом качестве были не дороже заменяемых ими естественных материалов. Правильно и резко ставит этот вопрос в своей статье Марк Древе²:

«Экономические интересы германского народа настоятельно требуют рассмотрения всех возможностей дальнейшего удовлетворения потребности Германии в сырье путем ввоза его из-за границы. Германия и в настоящее время производит отнюдь не только для своего собственного потребления: весьма значительная часть ее промышленной продукции все еще вывозится за границу. Для того чтобы сохранить конкурентоспособность на мировом рынке, промышленность должна снабжаться наиболее дешевым сырьем. Удорожание сырьевой базы означает дальнейшее ухудшение германской конкурентоспособности, и без того уже сильно подорванной благодаря валютной политике других стран. Однако кроме того переход от заграничного сырья

¹ «Wochenbericht des Instituts für Konjunkturforschung» 30/V 1934 г. и цитированный выше выпуск «Vierteljahrshefte des Instituts für Konjunkturforschung», S. 30.

² «Wirtschaftsdienst, 20/VI 1934, S. 881.

и отечественным суррогатам означает, что и во внутреннем хозяйстве страны должно наступить значительное расстройство. С одной стороны, совершенно изменяются каналы заготовки и получения сырья, благодаря чему вся торговля и транспорт придут в состояние хаоса; с другой же стороны, имеется опасность, что значительные части германской промышленности вообще окажутся парализованными, а это причинит не поддающиеся заранее учету потери капитала и необычайно уменьшит возможности приложения труда. Таким образом все говорит за то, что необходимо изыскивать возможности для обеспечения снабжения промышленности сырьем, таким же образом как это делалось до сих пор.

Причиной пассивности торгового баланса и ее результата — сырьевого кризиса — является не только увеличение потребности в импортном сырье, но и уменьшение вывоза промышленных товаров, причем последнее помимо общих причин усиливается еще под воздействием новых обстоятельств, получивших в немецкой экономической литературе своеобразную квалификацию «экспортной усталости» германской промышленности.

Вывоз готовых промышленных изделий составлял:

(в млн. марок)

1-е полугодие	1932 г.	2347
»	» 1933 г.	1854
»	» 1934 г.	1605

Несмотря на то что стоимость промышленной продукции Германии сильно возросла, вывоз промышленных изделий сократился. Весной 1934 г. Конъюнктурный институт писал: «Надо считать, что в настоящее время на экспорт идет около 16% всей промышленной продукции (без пищевой промышленности) против 27% в 1932 г.»

Экономическая причина «экспортной усталости» германской промышленности в следующем:

Во время кризиса была проведена особенно сильная рационализация, приведшая к тому, что, несмотря на сокращение производства, себестоимость продукции снизилась. В результате у капиталистов ослабел стимул к продаже товаров за границу по демпинговым ценам. И вот почему:

Капиталисты, монопольно владеющие внутренним рынком, продают свои товары за границу по убыточным ценам не для удовольствия и не для того, чтобы добыть иностранную валюту для народного хозяйства. Они продают по убыточным ценам потому, что увеличение сбыта дает возможность лучшего использования производственной мощности предприятий и следовательно уменьшения себестоимости для всей массы производимых товаров как предназначенных для внутреннего сбыта, так и изготовляемых для экспорта. Иначе говоря, если рассматривать экспорт изолированно, то он дает убыток; но если брать его вместе с внутренним сбытом, то при демпинге за

границу общая прибыль окажется больше, чем в том случае, если бы экспорта вообще не было. В результате кризисной рационализации и при меньшем использовании производственной мощности издержки производства снизились. Поэтому, как только внутренний сбыт достиг определенного минимума, для капиталистов уже сделалось невыгодным продавать товары за границу по убыточным ценам!

Собственно говоря, интересы германского капитализма в целом настоятельно требуют расширения промышленного экспорта, так как только этим путем можно сохранить ввоз сырья. Однако для отдельного капиталиста, — до тех пор пока внутри страны имеются такие возможности сбыта, как теперь, — экспорт представляется невыгодным. Между тем решающее значение имеют в данном случае именно интересы отдельных капиталистов, в особенности потому, что в сырье нуждаются одни капиталисты, а девизы с помощью экспорта добывают другие. Так германская химическая промышленность, являющаяся крупным экспортером, почти не нуждается в заграничном сырье. Наоборот, германской текстильной промышленности нужно очень много заграничного сырья, но получает она от вывоза текстильных товаров лишь незначительную часть необходимых ей девиз.

Таким образом получается следующее своеобразное положение: улучшение сбыта внутри страны (в соединении с кризисной рационализацией) повело к уменьшению экспорта и к катастрофическому сырьевому кризису. «Экспортная усталость» германской промышленности может быть устранена лишь в том случае, если будет преодолено противоречие между интересами буржуазии как целого и интересами отдельных экспортеров, т. е. если экспорт вновь сделается выгодным. Еще несколько месяцев назад Конъюнктурный институт в осторожных выражениях так намечал разрешение вопроса:

«С ростом емкости внутреннего рынка будут расти требования экспортеров в отношении рентабельности вывоза. Объективные пределы экспортных возможностей, определяемые иностранными рынками, еще более суживаются благодаря тем субъективным пределам, которые устанавливают для себя сами экспортеры. Поэтому задачей мероприятий по поощрению экспорта будет прежде всего устранение разницы между прибылью от внутреннего сбыта и выручкой от вывоза».

«Устранить разницу в прибыли от внутреннего сбыта и от вывоза» — это в переводе на общепонятный язык значит: выдавать экспортерам субсидии из государственных средств. Другого выхода нет. На принудительное снижение внутренних цен, — что могло бы повести к усилению экспорта, — правительство монополистского капитала конечно пойти не может¹. Но суб-

¹ Франциск е законодательство явно ставит себе целью содействие образованию монополий и поддержанию высокого уровня внутренних цен. В последнем

сидирование экспорта ускорило бы государственное банкротство, которое и без того уже стучится в дверь.

Надвигающаяся катастрофа

Катастрофическое положение государственных финансов и превращение банкнот в лишённые покрытия государственные бумажные деньги, с одной стороны, и пассивность внешнеторгового баланса, с другой, толкают страну к инфляции.

Искусственно сохраняемая стабильность марки становится все более непрочной. Цены внутри страны быстро растут. Индекс оптовой торговли поднялся с 95,8 в апреле до 98,8 в середине июля. Население припрятывает пищевые припасы и текстильные товары. Текстильные фирмы распродают свои товары и не имеют возможности пополнить израсходованные запасы. Перед продуктовыми магазинами образуются очереди. В июне курс марки за границей падал, опускаясь временами на 10—15% ниже золотого паритета. На новые заграничные кредиты для достижения активности расчетного баланса вряд ли приходится рассчитывать. Английская нота от 20 июня довольно открыто обвиняет Германию в обмане ее кредиторов¹. Поэтому дальнейшее обесценивание марки — будь то в форме девальвации, будь то в форме нерегулируемой инфляции — представляется неизбежным. Но и инфляция не разрешит — хотя бы только временно — проблемы расчетного баланса. В период инфляции 1920—1923 гг. иностранные спекулянты вложили в германскую марку миллиарды в надежде на улучшение ее курса. Теперь подобных глупцов не надеется. И если инфляция и могла бы временно восстановить доходность экспорта для частного хозяйства, то расширение экспорта немедленно натолкнулось бы на ответные мероприятия оборонительного характера со стороны ввозящих стран.

полугодовом отчете «Reichskreditgesellschaft» имеется перечисление подобного рода мероприятий за время с начала марта 1933 г.

В течение продолжительного срока запрещается открывать новые предприятия, вновь пускать приостановленные или повышать производительность существующих предприятий в следующих отраслях промышленности: часовой, джутовой, в производстве калильных ламп, кабелей высокого напряжения, цинкового проката, в соляной промышленности, бумажной, торфяной, суперфосфатной, в производстве папирос, радиоаппаратов, глиняной и фаянсовой посуды.

Не допускается без особого разрешения открытие новых или пуск приостановленных предприятий в следующих отраслях: мукомольной, рыбной, в производстве плодоовощных консервов.

Вхождение в картель объявлено обязательным для следующих отраслей: мыловаренной промышленности, цементной, производства папирос, курительного табака, стеклянных изделий.

¹ Английская нота указывает на следующее: в то время как немцы утверждают, будто бы состояние германского расчетного баланса не позволяет им переводить за границу даже платежи процентов по займам Давоса и Юнга, в действительности за время до конца февраля 1934 г. Германия выкупила по очень низким курсам свои заграничные обязательства на сумму 767 млн. марок.

Неурожай, который повидимому гораздо более значителен, чем это признают официальные источники¹, должен повлечь за собой новое ухудшение платежного баланса. Для того чтобы население не голодало (а этого, принимая во внимание и без того напряженное положение, правящие классы без риска для себя допустить не могут), Германия должна будет ввозить растительные жизненные припасы.

Гитлеровское правительство хвастливо заявляло, будто бы оно повысило промышленное производство и уменьшило число безработных. Но эти успехи были зданием, построенным на песке. Анализ экономического положения Германии показывает его глубокие внутренние противоречия, показывает приближение экономической катастрофы². Надвигающаяся катастрофа и образует собой экономический фон убийств 30 июня.

Большее количество труда за меньшую зарплату

Вожди германского фашизма не могут нахвалиться своими успехами в деле борьбы с безработицей. Мы не будем повторять здесь того, что уже доказывали не раз, а именно, что фашистская статистика безработицы бессовестно фальсифицирована. На

¹ О размерах неурожая имеются следующие официальные данные (в действительности, надо полагать, урожаем будет еще хуже):

Культуры	Оценка нового урожая (июль 1934 г.)	Размеры урожая в 1933 г. (в дв. центнерах)	Уменьшение	Засеянная площадь (в млн. га)
Озимая рожь	16,3	19,4	3,1	4,48
Озимая пшеница	18,2	24,3	0,1	2,20
Яровой ячмень	17,1	21,0	3,9	1,33
Овес	15,7	21,8	6,1	3,14

(в цифры посевной площади включена также площадь, засеянная под яровую рожь и озимый ячмень).

Уменьшение урожая составляет: по ржи — 14 млн. дв. центнеров, по пшенице — 13,5 млн. дв. центнеров, по ячменю — 5 млн. по овсу — 19 млн., а всего 50 млн. дв. центнеров. Исход урожая, — если только правительство не решится допустить до настоящего голода, — поведет к новому ухудшению внешнеторгового баланса.

Неурожай повлечет за собой сильное уменьшение дохода сельского хозяйства. Чтобы не раздражать в настоящий момент рабочий класс и городскую мелкую буржуазию повышением цен на хлеб, правительство несмотря на неурожай почти не повысило официальной твердой цены (повышение составило всего 6 марок на тонну ржи и 10 марок на тонну пшеницы). В заявлении представителя министерства сельского хозяйства говорится: «Мы сознательно требуем от сельского хозяйства известных жертв в пользу общества» («Börsenzeitung», 17/VII 1934). Такое положение должно неизбежно повести к удержанию крестьянами зерна, к недостатку хлеба, реквизициям и торговле из-под полы.

² После написания этой статьи появилось правительственное постановление, совершенно запрещающее ввоз текстильного сырья и ограничивающее с 1 августа работу текстильных фабрик 36 часами в неделю.

сей раз мы будем исходить из того условного предположения, что показываемое фашистской статистикой число занятых рабочих, состоящих членами больничных касс, совершенно правильно, равно как правильны и данные о размерах рабочего дохода. Сопоставление этих цифр показывает, что число рабочих увеличилось, но получаемое ими вознаграждение за работу уменьшилось. Вывод поистине приятный для капиталистов!

Число занятых рабочих

(в млн.)¹

	1932 г. (в среднем за месяц)	1933 г. (в среднем за месяц)	Март 1934 г.
Число регулярно занятых рабочих (согласно статистики больничных касс) .	12,77	12,76	13,92
Число «дополнительно» занятых за минимальную плату (обязательная трудовая повинность для безработных: «помощники в сельском хозяйстве»; рабочие на чрезвычайных общественных работах; рабочие, работающие за благотворительное пособие)	0,22	0,55	1,04
Всего	12,69	13,31	14,96

Всего таким образом в 1933 г. число рабочих по этим данным было в среднем на 620 тыс. больше, чем в 1932 г.

«Völkischer Beobachter» от 2 июня 1934 г. торжественно публикует следующие цифры распределения национального дохода (в млрд. марок):

Виды дохода	1932 г.	1933 г.	Увеличение (+) или уменьшение (—)
Доходы от сельского и лесного хозяйства	3,75	4,35	+ 1,60
Доходы от промышленности и торговли	5,85	6,30	+ 0,45
Зарплата рабочих и служащих	25,80	26,20	+ 0,40
Доходы от капиталов	2,25	2,00	— 0,25
Арендная и квартирная плата	0,80	0,70	— 0,10
Доходы от пенсий	9,22	9,15	— 0,07

¹ Приведенные в настоящей таблице цифры исчислены нами на основе квартальных данных, помещенных в «Vierteljahrshefte», Jahrgang 9, H. I, T. A., S. 34.

Демагогические рассуждения «Völkischer Beobachter», доказывающей, будто бы доход от «капиталов» снизился на 250 млн., в то время как доход от «производительного труда», т. е. от промышленности и торговли, возрос на 450 млн., разумеется, чистойшей вздор. Прибыли промышленного, торгового и ссудного капиталов вместе взятые возросли на 200 млн., причем здесь имела место передвижка в пользу промышленного капитала за счет ссудного капитала. Кроме того всякий знает, что из увеличения дохода от «сельского и лесного хозяйств» на 600 млн. марок сельскохозяйственным рабочим и трудящимся крестьянам не досталось ничего: всю сумму получили исключительно крупные помещики, юнкера и богатые крестьяне. Положение трудящегося крестьянина никогда не было так отчаянно скверно, как в настоящее время!

Каково же положение рабочего класса? По сравнению с 1932 г. число рабочих в 1933 г. по официальным данным увеличилось на 620 тыс. Весь рабочий класс вместе со служащими и чиновниками получил номинальное увеличение дохода в сумме 400 млн. мар. Но в то же время по одним только пособиям для безработных сумма выплат в 1933 г. сократилась по сравнению с 1932 г. на 400 с лишком млн. А где же бесчисленные новые вычеты и пожертвования, выкачиваемые из рабочего класса¹; а где жалование стремительно выросшей в числе фашистской бюрократии, также входящей в приведенную выше цифру роста занятости? В общем получается такой итог: рабочих было занято на 600 тыс. больше; продолжительность рабочего дня в среднем возросла; но за большее количество труда рабочий класс получил меньше денег, чем он заработал в прошлом году. Это признает и официальный журнал «Wirtschaft und Statistik». В передовой статье своего вто-

¹ «Бич пожертвований» сделался до того невыносимым, что для успокоения недовольного населения правительство запретило — начиная с 1 июля и вплоть до 1 октября — всякие сборы пожертвований. В журнале «Führerbriefe» от 19/VI мы читаем следующие интересные строки:

«На этих днях имперский министр внутренних дел Фрик, выступая в Бреславе, заявил, что слишком частые сборы пожертвований становятся «национальным бедствием». Лично мы выбрали бы какое-нибудь другое, менее сильное выражение, чем это сделал со свойственной ему грубоватой манерой Фрик; но для большинства немцев это повидимому действительно крик души! Об этом свидетельствуют те кисло-сладкие остроты, которые приходится то и дело слышать. Приведем для примера такой диалог: «Хайль Гитлер! Как дела?» — «Спасибо, жертвуем в пользу друг друга и переживаемся помаленьку...» Более злые языки на вопрос о том, каким образом во время захвата власти штурмовикам удалось овладеть положением, не пуская в ход применявшихся обычно полицией резиновых палок, отвечают, что штурмовики разогнали все подозрительные и неподозрительные скопища народа в самом зародыше при помощи кружки для пожертвований... Фактически только часть ликвидированного беспорядочного популяризма заменена теперь регулярными с орами... Не подлежит сомнению, что продолжающаяся еще до сих пор усиленная эксплуатация щедрости жертвователей ложится тяжелым бременем на население, в особенности потому, что теперь за спиной сборщиков стоят партия и власть».

Кстати, 1 июля редактор цитированного журнала, — сотрудник Папена — был без лишних разговоров расстрелян.

рого июньского выпуска «Финансирование создания работы» журнал пишет:

«Особенно важное значение имеет движение потребительского дохода. Увеличение дохода от зарплаты в значительной своей части лишь заменяет выплачивавшиеся до сих пор пособия по безработице. Так в официальных бюджетах финансирование создания работы частично проводится за счет экономии по помощи безработным».

Это значит, что абсолютные размеры зарплаты полностью занятых рабочих уменьшились. Это с полной ясностью доказывают балансы некоторых крупнейших предприятий. В статье, помещенной в американском журнале «Current History»¹, мы находим следующую сводку:

	Число занятых рабочих		Сумма выплаченной зарплаты (в млн. марок)	
	1932 г.	1933 г.	1932 г.	1933 г.
Крупн	35 647	43 409	69	67
Геш	19 960	20 289	43	38
			Средняя зарплата на одного рабочего в год (в марках)	
И. Г. Фарбениндустри . . .	67 000	77 000	2 267	1 809

Сименс: увеличение за год на 4 тыс. рабочих, уменьшение зарплаты за год на 18,7 млн. мар. Комментарии к этим цифрам излишни!

Итак, результаты фашистской политики «создания работы» сводятся к следующему: за меньшую плату — большее количество труда! И это — на основе фашистских же данных! Весь излишек достался монополистскому капиталу. Таковы итоги фашистской политики в области труда и «ликвидации классовой борьбы»².

Резюмируем. Полтора года национал-социалистического господства привели германское хозяйство на край катастрофы. Экономическая причина этого заключается в том, что расход на непродуманные, военные цели и на долгосрочные вложения значительно превышает народнохозяйственное накопление. На этой

¹ «Current History», июль 1934 г., статья Р. Л. Беккера «Идет ли Германия к банкротству?»

² В «Führerbriefe» от 29/VI можно прочесть такое признание: «Что касается вопроса о зарплате, то, несмотря на преодоление классовой борьбы в нашем народе, заинтересованность в повышении оплаты труда, с одной стороны, и стремление к уменьшению бремени издержек с другой, не перестали волновать мысли занятых в хозяйстве людей, — хотя бы сейчас эти материальные вопросы и не преобладали над идеологическими в той мере, в какой это было раньше».

почве мы имеем: рост государственных долгов, превращение банкнот в лишенные твердого покрытия бумажные деньги, пассивность торгового баланса, неизбежное обесценение марки (в скрытой форме происходящее уже и сейчас), разочарование крестьянства и мелкой буржуазии, озлобление рабочего класса. Следствием всего этого явилось брожение штурмовых отрядов, тоска по туманной «второй революции», приказ крупного капитала и рейхсвера Гитлеру навести порядок среди его непокорных сторонников. В результате: расправа 30 июля и резкое сужение массовой базы национал-социализма. Кризис гитлеровского режима начался!

Последние данные, поступившие во время печатания этой работы, рисуют дальнейшее ухудшение положения в фашистской Германии.

Экономически: влияние недостатка заграничного сырья сильно сказалось на промышленной продукции, в особенности на текстильной. Несомненно, что снова сильно растет безработица. Неурожай оказался значительно большим, чем первоначально предполагалось. Разорены целые районы.

Внешнеполитически: национал-социалистский путч в Австрии, который весь мир признал делом германских рук, привел к почти полной внешнеполитической изоляции Германии. Муссолини — «большой друг» Гитлера — перебросил к австрийской границе итальянские войска в полном боевом вооружении, не оставляя никаких сомнений по поводу того, что в случае вторжения германских войск в Австрию он сражался бы с германскими войсками. Внешняя политика Англии тоже резко изменилась. Она отвернулась от Германии, направив курс в сторону сближения с Францией. Заявление Болдуина, что «английские границы нужно защищать не у Дувра, а на Рейне», лучше всего характеризует изменение курса английской политики. «Великая» концепция Гитлера — с Англией и Италией против СССР и Франции — разбита, Германия совершенно изолирована, если не считать колеблющейся Польши и далекой Японии.

Внутриполитически: признание фашистами, что против них было подано 4 млн. голосов (при 2 млн. при прошлом плебисците) — фактически против них несомненно голосовало большее количество — показывает, что разочарование населения в фашистском режиме зашло так далеко, что фашисты уже не могут предотвратить его выражение в результатах голосования. Не допусги они этого, фальсификация выборов была бы слишком очевидна.

Растущее разочарование масс и тот факт, что фашисты вынуждены признать отход от них их сторонников, дадут несомненно борьбе КПГ новый импульс.

Программа освобождения германского рабочего класса и германских трудящихся

(Воззвание ЦК КПГ)

Рабочие и работницы Германии, трудящиеся города и деревни! Непокоримо верная своей программе и своей задаче — повести к социализму, к благосостоянию всех трудящихся — коммунистическая партия и теперь, в пору тяжчайших бедствий, величайшей нужды и голода, порожденных уже расшатанной в своих основаниях капиталистической системой и фашистской диктатурой, каждый час и каждую минуту стоит плечом к плечу с вами. Повсюду, где вы находитесь, где вы боретесь, среди вас находится и борется наша партия. Она одна организует и ведет ваши бои, мобилизует массы против фашизма и войны, борется через вас, через каждый свой орган, через каждого члена, через каждого отдельного активиста за наше общее великое дело, за дело победы пролетарской революции. Бесчисленные борцы из наших рядов жизнью заплатили за свою верность коммунистической программе, за верность вам и вашим интересам. До последнего издыхания борясь за победу германской пролетарской революции, погибли Джон Шер, организатор крупнейшей нелегальной массовой партии пролетариата, Август Лютгенс, борец Гамбурга, погибли многие сотни — около 3 тысяч — от руки бандитов фашистской диктатуры. Каждым своим словом, каждым дыханием призывая пролетариев всего мира к священному делу борьбы против капитализма, стоял наш Димитров перед кровавыми судьями фашистской диктатуры. Каждое его слово было словом обвинения, брошенного международным пролетарским классом запятой кровью буржуазии, факелом неотвратимой окончательной победы германского рабочего класса над своими угнетателями и мучителями. До последней минуты отважно и решительно борясь за вас, отвергая всякую мысль о бегстве от фашизма, словом и делом помогая вам организовывать ваши бои, вождем нашей партии Эрнст Тельман вместе с многими десятками тысяч борющихся рабочих попал в фашистские застенки.

Партия, насчитывающая десятки тысяч таких вышедших из нашей среды героев, соединяющая в такой степени революционную преданность и героизм с боевой решимостью и самоотвержением всего своего класса, партия, которая в условиях террора, еще невиданного в истории, вопреки непрерывным арестам, пыткам и убийствам, могла создать такую мощную, разветвленную по всей стране и внедрившуюся во все слои рабочего класса и трудящегося народа единую нелегальную массовую организацию, находящуюся под твердым большевистским руководством — такая партия непобедима. Ее герои, ее организационный опыт, ее программа, ее революционное прошлое — вернейший залог нашей грядущей общей победы.

Пролетарии Германии! Германский трудящийся народ!

Кто такой Гитлер и его партия?

Четыре года назад, в условиях диктатуры Брюнинга, коммунистическая партия сказала нам в своей программе социального и национального освобождения: фашисты (национал-социалисты) утверждают, что они являются «национальной», «социалистической» и «рабочей» партией. Мы возражаем на это, что они антинародная и антирабочая партия, антисоциалистическая партия, партия

«крайней реакции, эксплуатации и порабощения трудящихся. Партия, которая стремится отнять у трудящихся все то, чего еще не сумели отнять у нее даже буржуазные и социал-демократические правительства, партия палаческой фашистской диктатуры, партия восстановления режима юнкеров и офицеров, партия возвращения многочисленным германским князьям их «исконных» прав, возвращения офицерам и высшим чиновникам их титулов и постов.

За время, прошедшее с тех пор, вы на собственной шкуре поняли глубочайшую правду этих слов. Гитлер — это господство сильных, богатых за счет слабых и бедных. Гитлер — это партия финансового капитала. Гитлер — это партия Круппа, Тиссена, Дуисбурга, Рехлинга, Шаха. Гитлер — это жесточайшая диктатура сокращающегося меньшинства эксплуататоров над огромным большинством эксплуатируемых.

Германские рабочие и работницы, германские трудящиеся!

Может ли фашизм, может ли Гитлер повести вас от нужды и бедствий к свободе?

Там, где господствует капитализм, богатый всегда будет эксплуатировать и угнетать бедного. Богатый управляет банками, предприятиями, универсальными магазинами, пароходами и железными дорогами. Капиталистическое государство является орудием имущих для подавления бедняков и неимущих, для сохранения привилегий богатых и охраны их собственности. В период веймарской демократии от вас старались заслонить эту истину обманными методами парламентаризма. В «Третьей империи» вас хотят ослепить ложью «народного единства», единства богатых и бедных. Но какое единство может быть у вас с Круппом, Тиссеном, Дуисбургом? Какое «народное единство» может существовать между вами и теми эксплуататорами, которые, завладев средствами производства и властью, ради увеличения и обеспечения своей прибыли обрекают на голод и медленное умирание немецких рабочих и соотечественников? Такое «народное единство» — обман народа. «Национальный» социализм Гитлера делает богатых еще богаче, а бедных еще беднее. Никогда еще в истории такая маленькая верхушечная прослойка в 600 миллионов не обладала такой огромной экономической и политической властью над целой страной, какую дал им Гитлер. Гитлер окружил их собственностью, их привилегиями, их расточительством и паразитизмом новым кольцом из стали и свинца. Чтобы обеспечить их прибыль и эксплуатацию, были убиты тысячи лучших сынов рабочего класса, лучших представителей интересов трудящихся, подвергнуты пытке в концентрационных лагерях и каторжных тюрьмах многие десятки тысяч лучших пролетариев Германии. Германия стала каторгой и мертвецкой для подавляющего большинства германского народа, и каждый классово сознательный рабочий, согласно желаниям бестии Геринга, является лишь мертвецом в отпуску.

Гитлер обещал хлеб и работу вам — рабочим и безработным. Но что он дал вам? — Кровавую гражданскую войну против рабочего класса, войну богатых против бедных, против вас, трудящиеся. За год фашистского господства даже безработные штурмовики не могли еще получить работы на производстве. Ваша зарплата и жалование между тем снова и снова снижались. Завоеванные вами тарифные договоры разорваны. Добытые вами и вашими отцами политические права, право стачки и организации, у вас отняты, ваша организация разгромлена и имущество украдено. На местах, отведенных для военных упражнений, в лагерях трудообинности германская трудящаяся и рабочая молодежь подвергается муштровке, как пушечное мясо для новой империалистической войны, как орудие гражданской войны, направленной против собственного класса. На заводах, которые принадлежат вам одним, трудящемуся народу, тем, кто работает, предприниматель, как король, распоряжается хлебом и работой. Он определяет размеры вашей зарплаты, он устанавливает длину вашего рабочего дня, он назначает ваших доверенных лиц, он один решает вопрос, будете ли вы безработными, должны ли голодать ваши семьи. Он решает, а тот из вас, кто не повинуетя, должен готовиться к отправке в концентрационный лагерь и каторжную тюрьму.

Гитлер обещал вам, трудящимся мелким и средним крестьянам, вам, арендаторам и поселенцам, покончить с крестьянской нуждой. Но то, что он дал владельцам наследственных хозяйств как привилегированному слою, он вынужден был отобрать

у всего остального трудящегося народа. У младших сыновей и дочерей было отнято отцовское наследство. Жизненный уровень мелких и безземельных крестьян был еще более понижен. Юнкера и помещики спокойно сидят в своих имениях и никто в стране, за исключением нас, коммунистов, не хочет помочь вам, малоземельным и мелким крестьянам, вам, арендаторам и польщикам, — никто не хочет помочь вам отобрать землю богатых, освободить вас от платежа налогов, податей и процентов государству и банкам.

Гитлер обещал вам, мелкие буржуа и ремесленники, освободить вас от нужды, уничтожить процентное рабство. Но в действительности он создал новое реакционное средневековое разделение на касты, которое не может смягчить вашей материальной нужды. Большие универмаги финансового капитала, крупные банки стоят попрежнему, а нужда мелких ремесленников и кустарей не уменьшилась, ибо каждый грош, украденный Гитлером из зарплат рабочего, означал урезку доходов мелкого ремесленника и мелкого промышленника.

Гитлер обещал всем вам при захвате им власти освобождение от экономического кризиса. Однако после года господства фашизма предприятия попрежнему закрыты, и только там, где изготовляется оружие для войны, которую вы должны вести ради богатых, только там дымятся фабричные трубы. Пароходы попрежнему ржавеют в гаванях, как будто бы все реки и моря покрылись льдом. Только ваша нужда и ваши бедствия возросли, возросла задолженность государства, провинций и общин. Зато уменьшились ставки пособия социального страхования и миллионам бедных отказано в права на жизнь.

Гитлер обещал вам, рабочим и трудящимся, освобождение от Версаля, национальное освобождение германского народа. Он, который попирает ногами право самоуправления подавляющего большинства собственного народа, лгал вам, что он будет бороться за освобождение от национальной кабалы, за право самоопределения отделившихся меньшинств. Мы, коммунисты, сказали вам четыре года тому назад в нашей программе социального и национального освобождения, что Гитлер и его партия точно так же продают интересы трудящихся масс Германии версальским державам-победительницам, как это непрерывно делала на протяжении 12 лет германская социал-демократия. Мы сказали вам, трудящимся и эксплуатируемым города и деревни, что действительная национальная свобода германского народа без социального освобождения невозможна. Пока фабрики, рудники, банки и крупные имения принадлежат капиталистическим эксплуататорам, до тех пор господствующий класс, состоящий на службе международного финансового капитала, будет вдвойне грабить и угнетать германских рабочих и трудящихся. Кто, как Гитлер, усугубляет социальное угнетение и порабощение германских рабочих и трудящихся, тот не может бороться за национальное освобождение и объединение всех германских трудящихся, тот не может покончить с империалистическими грабительскими договорами.

Буржуазный национализм — это жажда буржуазии и зависимых от нее мелкобуржуазных масс получать высокие прибыли. Национализм буржуазии — это жажда усиленной эксплуатации рабочих и трудящихся в собственной стране, это попытка подчинить рабочих и трудящихся чужих стран германским эксплуататорам. Фашисты не могут вам дать ни хлеба, ни труда, — и вот они дают вам «празднество национального труда» с парадными процессиями, фейерверком, чтобы таким образом удержать вас от классовой борьбы. Они не могут вам дать социальной свободы, — и вот они предлагают вам свою лживую теорию рас, чтобы заставить вас терпеливо сносить ярмо усилившейся эксплуатации, чтобы заставить вас послушно пойти на войну за более сильную империю германских эксплуататоров, за более высокую прибыль для них.

Гитлер не мог покончить с Версальским договором, но он сделал Германию союзником военной клики в Японии и фашистских палачей Италии, самых реакционных и антинародных держав всего мира. Его борьба против Версаля всегда была только борьбой за более высокие доходы Крупшов, Тиссенов, Рехлингов, она сделала Германию очагом империалистической военной опасности. Уже теперь те тяготы, которые фашистская диктатура взваливает на германских рабочих и трудящихся ради военного вооружения,

превышают бремя репараций. Гитлер превратил Германию в ад для трудящегося народа и в источник войны, а тем самым заградил путь в империю трудящимся немцам в Австрии, Южном Тироле, Верхней Силезии, Данциге и на Сааре.

Мы — интернационалисты, ибо наш класс, пролетариат, поработен в интернациональных рамках, ибо наш враг, капитал, объединен в международном масштабе, ибо мы только путем совместной борьбы с международным пролетариатом можем завоевать подлинную национальную свободу. Только мы, интернационалисты, можем установить единство всей немецкой нации, ибо мы одни можем дать действительное право на самоопределение всему трудящемуся народу Германии, действительную демократическую, социальную свободу. Только пролетарская революция, только революционный рабочий класс под нашим руководством есть та единственная сила, которая уничтожит Версальский грабительский договор, уничтожит все бремя дани и откроет врата государства для свободного объединения всех трудящихся немцев.

С глубоким чувством национальной гордости смотрим мы на наш революционный класс в Германии, на германский пролетариат, гервый во всем мире воздвигший мощную политическую рабочую организацию, гигантские профсоюзы и величайшую массовую партию в капиталистических странах, подаривший международному пролетариату таких мыслителей и героев пролетарской классовой борьбы, как Маркс, Энгельс, Бебель, Люксембург, Либкнехт. Мы любим наш язык, нашу родину и именно поэтому больше всего стремимся к тому, чтобы повести наш немецкий народ, наш немецкий рабочий класс к благосостоянию, к социализму. Помня те могучие образцы, которые создал германский пролетариат в борьбе за свободу и социализм, мы гордимся тем, что можем называться немецкими рабочими и пролетариями. Наша гордость не имеет ничего общего с буржуазным национализмом, стремлением к более высокой прибыли и с подавлением всех свобод трудящихся. Наша честь, честь германского рабочего не имеет ничего общего с тем, что называют «честью» Крупн и Тиссен. Наша честь — это честь революционного борца за свободу трудящегося народа, а их «честь» — это честь эксплуататоров и рабовладельцев.

Именно потому, что мы любим нашу родину и наш трудящийся народ, нам особенно мучительно видеть, как орда корыстолюбивых капиталистов воздвигла свою кровавую диктатуру над германским трудящимся народом, мы стыдимся перед трудящимися всего мира того, что эта Германия стала страной варварства, худшей социальной и культурной реакции во всем мире, гражданской войны против собственного трудящегося народа.

Рабочие, трудящиеся!

Гитлер ведет вас к варварству и после гражданской войны в стране — на поля битвы новой империалистической войны. Немецкие рабочие, вы, немецкие трудящиеся крестьяне, вы, мелкие ремесленники города и деревни, если вы хотите жить, если вы хотите завоевать ваше социальное и национальное освобождение, то капитализм должен умереть, гитлеровская Третья империя должна быть разгромлена!

Если мы совместно хотим победить фашизм, то мы должны добиться ясности в нашем классе, ясности во всем трудящемся народе (в вопросе о том, кто в прошлом мешал нам осуществить волю большинства всех трудящихся — выработать волю к свержению разбойников и построению социализма).

Если мы хотим победить, мы должны ясно понять, что путь назад, к Веймарской республике, назад, к вильгельмовской монархии не есть путь к лучшей жизни, к свободе и самоопределению трудящегося народа.

В течение 14 лет вы в большинстве своем передавали власть в Пруссии и в большей части империи в руки социал-демократии. В течение 14 лет вы, несмотря на все разочарования, надеялись, что социал-демократия обеспечит ваши интересы и поведет вас к социализму. Вспомните, германские рабочие, об упразднении восьмичасового рабочего дня, об отмене обеспечения безработных, о сокращении пособий инвалидам, пенсионерам и безработным, вспомните о непрерывном сокращении зарплаты и окладов, об ограничении ваших прав и прав ваших уполномоченных на предприятиях, вспомните о запрещении вашей печати, о закрытии ваших собраний. Это было делом рук социал-

демократических правительств и социал-демократических полицейских орд. Это были вехи на пути к кровавой диктатуре Гитлера.

Мы, коммунисты, всегда говорили вам, в особенности в нашей программе освобождения: «Успехи национал-социалистической агитации — результат предательской политики социал-демократии, которая путем подавления революционного движения, участия в капиталистической рационализации и полной капитуляции перед империалистами (Франция и Польша) подготовляла почву для националистической демагогии». Мы, коммунисты, боролись за каждого из вас, мы призывали вас на предприятиях, на улицах, на наших собраниях к борьбе. Всегда стоя во главе решительной борьбы против фашизма, мы делали все, чтобы завоевать вас, большинство немецких рабочих и трудящихся, на сторону нашего пути, пути борющегося фронта германского пролетариата.

Каждый из вас знает, что вожди социал-демократии и реформистских профсоюзов неуклонно продолжали свою предательскую политику, делали все, чтобы обманом и маневрами поддержать раскол рабочего класса. В этом расколе немецкого рабочего класса, который мы, коммунисты, одни лишь стараемся устранить, крылась причина большой слабости германского рабочего класса, его неспособности преградить фашизму путь к власти. Даже в то время, когда фашизм уже стоял на ступени, ведущей к власти, социал-демократические вожди мешали вам установить единый воинствующий фронт германского рабочего класса, мешали вам вступить на путь всеобщей стачки. Вспомните, германские рабочие, как Лейпарт и Грасман готовили передачу профсоюзов фашистам и добровольно сдали их имущество. Из социал-демократии, которая под руководством Вильгельма Либкнехта и Августа Бебеля была революционной партией, Эберт, Вельс и Зеверинг сделали реформистскую контрреволюционную партию.

В качестве буржуазной партии, в качестве агентуры финансового капитала в рабочем классе социал-демократия, для того чтобы обеспечить посты своих вождей и свой организационный аппарат, продалась меньше чем за 30 сребренников, она поддержала Гитлера, когда он поднялся на вершину власти на ваших согнутых спинах. Социал-демократия в лице ее вождей ненавидит пролетарскую революцию, как чуму. Она сделала все, чтобы обеспечить сохранение власти буржуазии, чтобы помешать трудящемуся немецкому народу овладеть властью. 14 лет деятельности социал-демократии закончились в болоте фашизма, ее вожди Лебе и Зеверинг не теперь только стали агитаторами Гитлера, все они всегда были теми, кто прокладывал путь фашизму.

Теперь, когда вы убедились в той контрреволюционной пагубной игре, которую вела социал-демократия с вами и вашими интересами, эти же старые обманщики народа приходят, чтобы сделать вид, будто бы они хотят бороться за «преодоление беззакония социалистическим порядком». Но социалистический «порядок» является лишь сохранением буржуазного юридического, полицейского и военного аппарата. Их «социалистический порядок» не есть передача всей власти, всех средств производства и всей земли рабочим и крестьянам, а лишь мнимая борьба, чтобы с помощью нового буржуазного парламентского обмана помочь буржуазии опять достигнуть власти, когда она потерпит поражение. Вспомните о 1918 г., когда вы шли на улицы и боролись, а социал-демократия преступно нанесла вам удар в спину. В своей новой «революционной» программе социал-демократия опять-таки стремится не к господству рабочего класса, а к сохранению раскола, к обеспечению буржуазии от революционного подъема, от пролетарской революции. Защищать программу социал-демократии, значит окончательно отказаться от социализма, значит в зародыше убить молодую пролетарскую революцию.

Ваш опыт с социал-демократией, ваша борьба против фашизма научили наших немецких братьев по классу в Австрии противопоставить растущее сопротивление вождям австрийской социал-демократии на их пути к капитуляции перед фашизмом. Но австрийский рабочий класс еще не понял (и это было единственной решающей причиной его поражения), что, если мы хотим победить фашизм, прыжки к социализму, то мы прежде всего должны покончить с социал-демократией.

Мы, коммунисты, всегда вам говорили, что социал-демократия своей

предательской коалиционной политикой и отказом от классовой борьбы на жизнь и смерть связалась с буржуазией и не может победоносно вести решающую борьбу за рабочий класс. Революционное восстание рабочего класса, организация этого восстания и руководство им — это искусство, — такое же, как война и другие искусства, — которое рабочий класс не изучит в социал-демократической организации, в буржуазной парламентской партии с организационными формами, приспособленными к парламентским выборам.

Честь и слава австрийскому пролетариату! Его поражение в вооруженной борьбе является уроком для нас, германских рабочих, оно учит нас необходимости устранить и уничтожить еще сохранившееся влияние социал-демократии и «левых», играющих в радикализм осколочных групп, не только при подготовке вооруженного восстания, но и во всех боях, в том числе мельчайших повседневных боях. Если мы хотим совместно добиться свободы, победы над Гитлером, то мы должны непрестанно помнить о поражении наших австрийских братьев по классу: социал-демократия может организовать для рабочего класса лишь поражения. Социал-демократия всегда, даже в период пролетарской революции, будет и останется орудием контрреволюции, буржуазии, капитализма. Поэтому запомним: не должно быть возврата к буржуазной демократии, не должно быть возврата к социал-демократии!

Пролетариат Германии! Немецкий трудящийся народ!

Наша повседневная революционная работа против фашистской диктатуры свидетельствует о нашей решимости повести вас, бедных и эксплуатируемых, к власти, к социализму, к благосостоянию. Наша революционная тактика, руководящая нами на этом пути, создана, выработана и испытана в боях и в опыте рабочего класса всего мира. Что только в наших руках находятся ключи победы рабочего класса, показывают достигнутые под руководством нашей коммунистической мировой партии победоносные пролетарские революции в России и Китае, показывает строительство социализма на одной шестой части земного шара и передача власти китайским советам в области, большей чем Германия и Франция.

Мы, коммунисты, говорим вам, всему немецкому трудящемуся народу: капиталистическое общество и его фашистская диктатура никогда добровольно не отступятся от власти и не распадутся сами собой. Если вы хотите прийти к власти, к социализму, то вы должны вместе с нами вступить на путь действительной народной революции против Гитлера, на путь вооруженного восстания против фашистской диктатуры, против господства буржуазии. Если вы хотите прийти к власти, к подлинному социализму, то вы должны разгромить власть буржуазии средствами насилия, то вы должны в корне разрушить капиталистическое государство с его предпринимателями и правителями, то вы должны заменить его формой господства рабочего класса, диктатурой пролетариата. Лишь она обеспечивает своими советами, свободно избранными всеми трудящимися, переход к социализму.

Вооруженное восстание будет победоносным только если оно будет опираться не на одних нас, авангард рабочего класса. Как мартовский ветер, оно должно всколыхнуть сердца и умы всего нашего класса, большинства грядущего народа и объединить для самого могучего штурма, который когда-либо проносился над Германией — сердцем Европы.

Уже теперь широкий революционный подъем разливается по всей стране. Ненависть против фашистских правителей растет изо дня в день. Противоречия в фашистском лагере и внутри буржуазии растут. Мы говорим ясно и недвусмысленно тем, которые сегодня еще выполняют роль палачей буржуазии, тем, которые противятся освободительной борьбе трудящегося народа, что им не уйти от нашей ненависти, не избежать уничтожения и истребления. Мы говорим всем еще колеблющимся и сомневающимся, что наша победа неотвратима, что их место может быть только в рядах борющегося рабочего класса.

Немецкие рабочие и трудящиеся! Вы стоите на пороге германской пролетарской революции!

Только пролетарская революция как действительно народная революция, только завоевание власти рабочими и крестьянами создает предпосылки освобождения от голода, нужды и бедствий. Если вы не хотите впасть в варварство или погибнуть на полях битвы империализма, во имя Молоха

прибыли, то боритесь. Победоносная пролетарская революция — не однократный стихийный акт, а процесс, который начинается победоносным проведением ваших элементарнейших повседневных требований и кончается уничтожением буржуазии. Победоносная пролетарская революция — не процесс, охватывающий за короткий период большинство трудящихся, а процесс, в котором массы в борьбе за кусок хлеба, за право работы на предприятиях, за свою печать, за право свободно собираться и самостоятельно распоряжаться своими организациями, шаг за шагом должны быть подведены к решающим боям за власть. Не позволяйте себя обескураживать трудностью задачи, отдайте себе ясный отчет в том, что еще несколько лет под ярмом фашизма будут стоить рабочему классу Германии гораздо больших жертв, чем победоносная пролетарская революция.

Мы, коммунисты, призываем тебя, рабочий, работница и служащий, в воинствующий фронт германской пролетарской революции! Организуй совместно с нами борьбу на предприятиях. Борись за повседневные требования рабочих. Помогай созданию самостоятельных классовых профсоюзов, организации революционных уполномоченных на предприятиях, установлению революционного единого фронта рабочего класса. Борись оружием стачки против всех ухудшений, за более высокую зарплату, за выборный завком, против перевозки военных материалов, за свободу рабочих организаций и нашей печати. Выходи на улицу с нашими демонстрациями, организуй вместе с нами политическую массовую стачку, всеобщую стачку за свержение фашистской диктатуры. Борись за освобождение всех антифашистских борцов из тюрем фашистской диктатуры. Маршируй в ногу с коммунистами.

Мы, коммунисты, призываем тебя, немецкий безработный, немецкая пролетарская женщина, к борьбе за свободу рабочего класса! Берите все то, что вам нужно на угольных складах и в кладовых финансового капитала и богатых предпринимателей. Организуйте голодные демонстрации у ратуш, возле пунктов выдачи зимнего пособия и попечительств. Требуйте достаточного пособия для вас и ваших семейств. Отказывайтесь идти в качестве рабов в деревню к юнкерам и помещикам. Отказывайтесь поступать на работу за голодную зарплату. Организуйте движения и стачки в рабочих лагерях до их роспуска. Организуйтесь в революционных комитетах безработных, в независимых классовых профсоюзах.

Мы, коммунисты, зовем тебя, германский мелкий крестьянин, арендатор и поселенец, на борьбу для всего трудового народа! Не платите ни гроша налогов, податей и процентов. Массами идите к ратушам и финансовым управлениям. Массами препятствуйте продаже с молотка. Изгоняйте фашистских обманщиков народа из деревни, организуйтесь в революционные крестьянские комитеты, боритесь за овладение землей юнкеров и помещиков. Забирайте удобрения, корм и семенное зерно в крупных поместьях. Выгоняйте свой скот на помещичьи пастбища.

Представители среднего сословия, ремесленники! Интеллигенты! Всемерно поддерживайте борьбу рабочих. Отказывайтесь вносить налоги, квартирную плату, плату за электричество. Не давайте ни гроша фашистским попрошайкам. Организуйтесь в боевые комитеты трудящихся. Забирайте своих сыновей из штурмовых отрядов.

Рабочие, крестьяне, ремесленники! Прогоните фашистских бандитов, бабтуйте против фашистских убийств, против тюремного режима; нарушайте фашистское запрещение демонстраций, разоружайте банды фашистского террора! Оружие в руки рабочих, малоземельных крестьян и ремесленников!

Только такой путь ведет к власти рабочего класса, к свержению фашистской диктатуры и к установлению диктатуры пролетариата. Таков тот путь, которым пошел пролетариат бывшей царской России в союзе с трудящимися и эксплуатируемыми крестьянами под руководством большевистской партии Ленина. Этот путь привел к социализму, к национальному освобождению сотен народностей, к экономической и политической самостоятельности мощного Советского государства в борьбе против международного империализма. На этот путь, на путь борьбы за ваши собственные интересы, за будущее ваших

детей зовет вас, германских рабочих и трудящихся, коммунистическая партия Германии.

Пролетарии, трудящиеся Германии! Близится час расплаты за все преступления германской буржуазии. «Пусть господствующие классы содрогаются перед коммунистической революцией. Пролетариям нечего терять, кроме своих цепей, а завоевать они могут весь мир».

Вперед за диктатуру пролетариата, за рабоче-крестьянские советы, к свержению капитализма, вперед к социализму!

После свержения фашистской диктатуры и установления господства рабочих и крестьян в свободной избранной ими рабоче-крестьянских советах коммунисты сделают все, чтобы обеспечить господство огромного большинства германского народа и ускоренным темпом совершить переход к социализму в германской советской республике. Мы, коммунисты, будем требовать в советах в городе и деревне вашего согласия на немедленное проведение следующих радикальных мероприятий по национальному и социальному освобождению германского трудового народа, по обеспечению власти рабочего класса в интересах свободы и благополучия всего трудового народа.

Германская советская республика под руководством коммунистов беспощадно положит конец козням банковских магнатов и эксплуататоров, немедленно без выкупа экспроприрует все банки, крупные предприятия, железные дороги и универсальные магазины крупных капиталистов и превратит их в общественное достояние. Она национализирует крупную торговлю, изобавит трудящихся от грабительской наживы и железным кулаком сокрушит всякую спекуляцию.

Германская советская республика под руководством коммунистов экспроприрует без выкупа всю земельную собственность помещиков, церкви и монастырей, Гогенцоллернов, владетельных князей, а равно всю прочую земельную собственность и вместе со всем принадлежащим к ней инвентарем безвозмездно предоставит в свободное пользование крестьянам и с.-х. рабочим.

Германская советская республика под руководством коммунистов аннулирует всю задолженность рабочих, крестьян и мелкой буржуазии банкам, крупным капиталистам и помещикам и отменит все существующие массовые налоги, введенные как Веймарской республикой, так и гитлеровским правительством.

Германская советская республика под руководством коммунистов врежет без разбег буржуазный государственный аппарат и привлечет всех трудящихся к участию в управлении государством на основе пролетарской демократии посредством советов, а также к руководству и управлению банками, промышленностью и железными дорогами, крупными сельскохозяйственными предприятиями и всем общественным достоянием.

Германская советская республика под руководством коммунистов экспроприрует все дома, квартиры и виллы богатей, выселит из них паразитов и передаст их вместе с обстановкой безработным, а также трудящимся, живущим в плохих квартирах. Она снизит до минимума квартирную плату и цены на воду, газ, электричество и транспортные средства для всех работающих и трудящихся.

Германская советская республика под руководством коммунистов экспроприрует все крупнокапиталистические склады продовольствия и предметов первой необходимости и предоставит их в распоряжение безработных и всех нуждающихся. Она безоговорочно гарантирует социальное страхование всех видов и обеспечение престарелых и нуждающихся в помощи рабочих и трудящихся.

Германская советская республика под руководством коммунистов гарантирует всем трудящимся полную свободу организации, собраний и печати. Она открывает университеты и высшие школы сыновьям и дочерям работающих и трудящихся и подчинит культурные учреждения, театр, кино и радио интересам трудового народа и построения социализма.

Германская советская республика под руководством коммунистов заключит братский союз с СССР, вооружит всех трудящихся и создаст мощную революционную красную армию. Она в союзе с трудящимися СССР, Польши, Франции, Чехо-Словакии, Англии

и т. п. обеспечит присоединение к советской Германии тех немецких областей, которые выразят такое пожелание, и объявит недействительными все заключенные буржуазией в ущерб трудящимся империалистические договоры. Сообщая с трудящимися СССР и империалистских стран она организует отпор всем попыткам реставрации со стороны финансового капитала и юнкеров.

Германская советская республика под руководством коммунистов, введя семичасовой рабочий день и пятидневную рабочую неделю и повысив покупательную способность масс, обеспечит работу и хлеб всем безработным. Она повысит зарплату, уничтожив предпринимательскую прибыль, непроизводительные расходы капиталистической хозяйственной системы и все издержки на империалистические военные вооружения. В отношении всех паразитов она будет беспощадно проводить принцип: кто не работает, тот не ест. Взяв в свои руки все средства производства, она создаст предпосылки для небывалого экономического расцвета страны в интересах самих трудящихся масс, новые предпосылки для развития внешней торговли в первую очередь с Советским союзом.

Власть советов, власть подавляющего большинства народа уничтожит эксплуатацию человека человеком, устраним национальное угнетение и создаст социализм. Поднимайтесь же, рабочие, поднимайся, обманутый германский народ! С боевым кличем коммуны: «Место рабочим — смерть палачам!» вставай на борьбу за работу, землю, хлеб и свободу, за свержение фашистской диктатуры, за свободную советскую Германию! Вся власть советам!

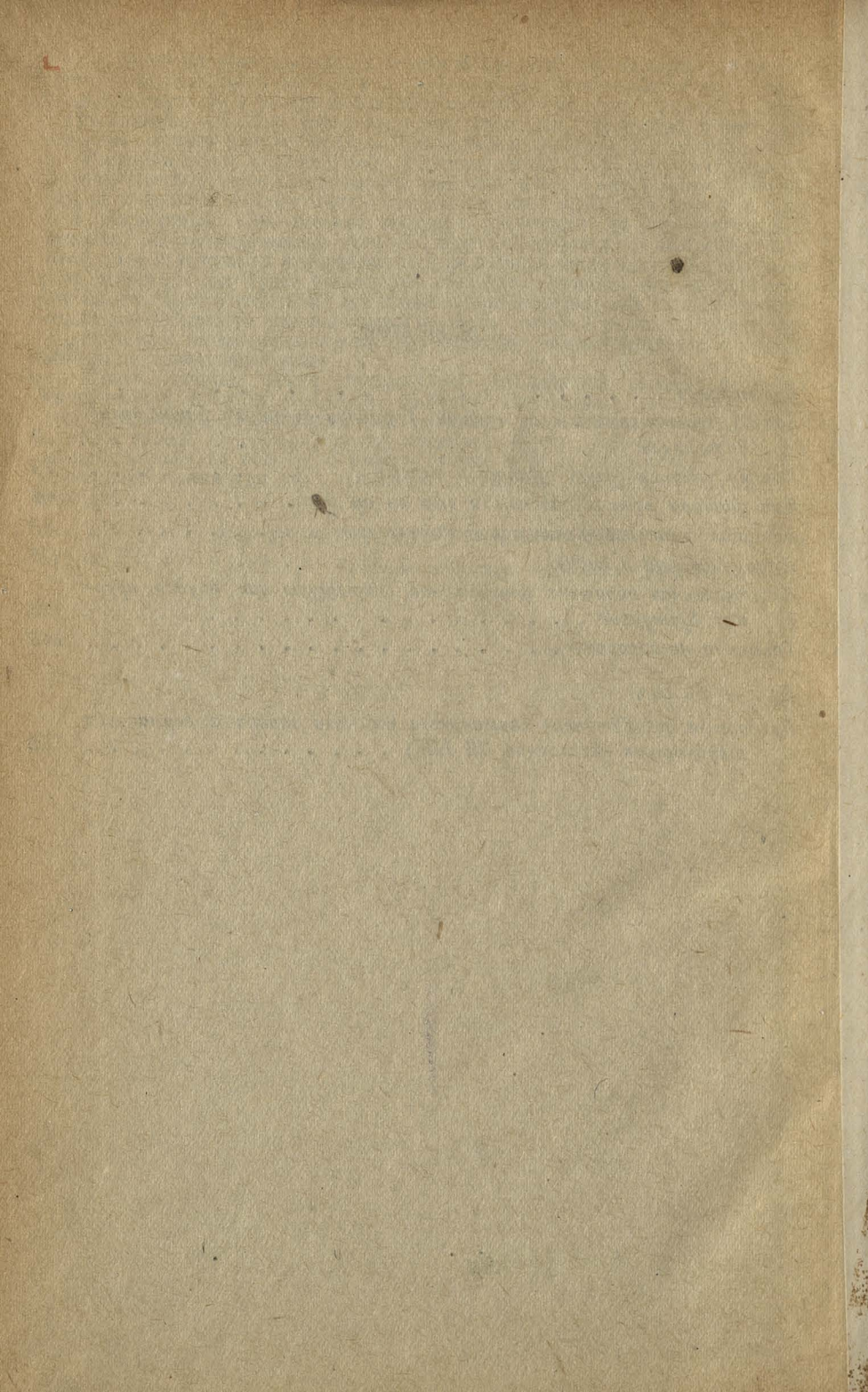
*Центральный комитет коммунистической партии Германии
(Секция Коммунистического интернационала).*

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
<i>Предисловие . . . . .</i>	<i>3</i>
<i>Борьба коммунистической партии Германии против фашистской диктатуры . . . . .</i>	<i>5</i>
<i>Почему фашизм сумел прийти к власти . . . . .</i>	<i>19</i>
<i>Что фашизм обещал рабочим и что он им дал . . . . .</i>	<i>48</i>
<i>Аграрная политика фашистской диктатуры . . . . .</i>	<i>82</i>
<i>Путь фашизма к войне . . . . .</i>	<i>110</i>
<i>Экономическая политика фашистской диктатуры как орудие крупной буржуазии . . . . .</i>	<i>126</i>
<i>Германия на повороте . . . . .</i>	<i>145</i>
 <i>Приложение</i>	
<i>Программа освобождения германского рабочего класса и германских трудящихся (Воззвание ЦК КПГ) . . . . .</i>	<i>166</i>

Цена 2 р. 35 к.

М 4 45 4

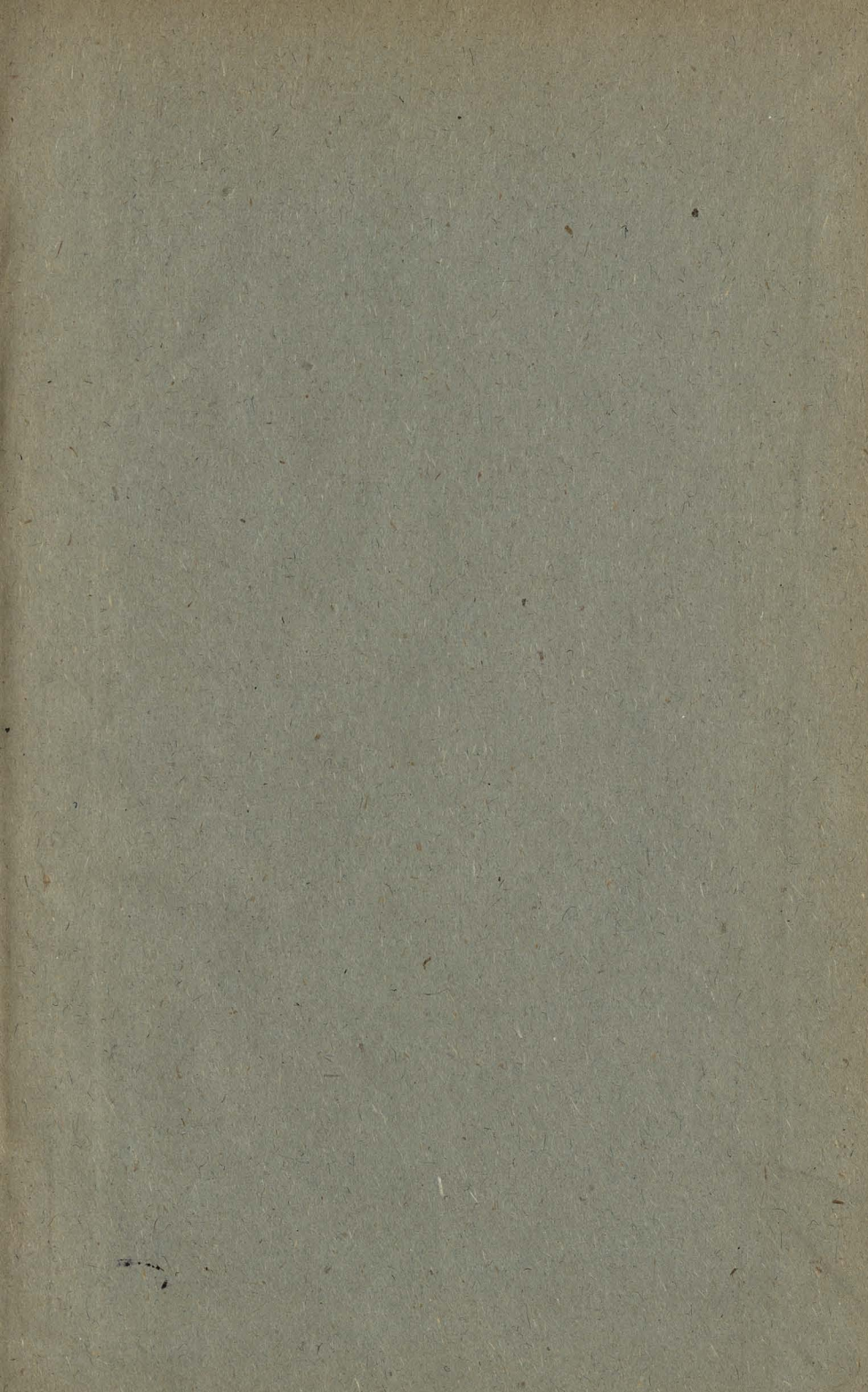
20

Заказы направлять во все магазины и киоски Когиза. Почтовые заказы направлять без задатка: Москва, Блюхеровский пер., 8, Могиз „Книга почтой“.

СКЛАД ИЗДАНИЙ: Сектор партийной и комсомольской литературы
Когиз, Москва, Блюхеровский пер., 8.

2018814550

